

**АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

**НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ
СТЕПНОЙ ЗОНЫ УКРАИНЫ**

Киев Наукова думка 1988

В сборнике публикуются результаты исследований памятников эпохи энеолита — ранней бронзы в зонах строительства мелиоративных систем степной полосы Украины, дается их историческая интерпретация.

Освещаются вопросы социально-экономического, культурного и духовного развития населения.

Для историков, археологов, всех интересующихся историей нашей страны.

Редакционная коллегия
О.Г.Шапошникова (ответственный редактор), Ю.Я.Рассамакин (ответственный секретарь), Г.Л.Евдокимов, А.И.Кубышев, В.В.Отрощенко

Адрес редколлегии
252014 Киев 14, ул. Выдубецкая, 40
Институт археологии АН УССР
Тел. 295-35-81

Рецензенты
Н.Н.Бондарь, Д.Я.Телегин

**Редакция литературы по социальным проблемам зарубежных стран,
археологии и документалистике**

H-0507000000-221
M221(04)-88 KY-1-242-88

ISBN5-12-000101-7

© Издательство "Наукова думка", 1988

Ю. А. ШИЛОВ

"ГРОТ БЫКА" ПО МАТЕРИАЛАМ ДРЕВНЕЙШИХ КУРГАНОВ

Общепризнаны уникальность и значимость Каменной Могилы в пойме р. Молочная — и прежде всего тысячи изображений, которыми покрыты ее песчанниковые плиты, периода верхнего палеолита — позднего средневековья. Особое внимание исследователей привлекают петроглифы "грома быка", именуемого также "гротом мамонта"¹.

Грот — в северо-западной части вершины холма и представляет собою подобие пещеры длиной свыше 6,5 м, шириной около 2 м; свод образован плитой толщиной 3,5—5 м. Щелеобразный вход расположен с севера, западнее — оконце-просвет. Разрушения плит, образующих Каменную Могилу, не потревожили грота, но свод его немного просел и высота его позволяет передвигаться только ползком и на корточках. Снаружи грот ничем не отмечен. Узкий лаз заглажен телами посещавших его древних людей. Основные изображения на потолке начинаются в 2,6 м от входа и занимают площадь примерно 1,5x1,5 м; кроме того, имеются петроглифы на карнизах потолка.

Первая группа изображений на потолке напротив входа отличается от двух других насыщенностью композиции и необычностью мотива. Она включает обращенную головой на юго-восток человеческую фигуру с поднятыми руками, у ее ног, в обширной лунке, вверх брюхом — волк; эти изображения окружены небрежно выполненными лунками, зигзагами, линиями и прямоугольниками (рис. 1). Вторая группа находится северо-западнее первой, в направлении ног человеческой фигуры и представляет собою изображения четырех быков "в позиции круговой обороны" (по В.Н. Даниленко). Третья группа — юго-западнее первой, слева от человеческой фигуры — представляет изображение двух полностью и одного частично сохранившегося крупных парнокопытных; обломок свода с изображением четвертого животного лежал на полу. Это возглавлявшее шествие животное более чем в три раза превосходит все другие изображения грота, трактуется исследователями как мамонт (О.Н. Бадер, В.Н. Даниленко) или бык (Б.Ф. Земляков, М.Я. Рудинский)². Перед этим изображением со дна пола выступает камень, вдоль западного края которого расположены 10+4 продолговатых лунок. Карнизы испещрены геометрическим орнаментом, в котором преобладают короткие линии, лунки, зигзаги и елочки; здесь же выявлено не менее пяти изображений животных, определенных исследователями как лошади и собаки.

Потолок и края изображений выполнены способом протирания, как бы заеложены от многократных прикосновений; большие фигуры животных поначалу были, наверное, намечены контуром и выбиты. Многие плиты и рисунки сохраняют следы охры. Обращенный к входу участок потолка сильно закопчен, дальние участки — меньше. Многочисленные лунки внутри и между изображениями кое-где нарушают слой копоти.

Исследователи единодушны в хронологическом разграничении изображений на потолке и карнизах. При этом В.Н. Даниленко предполагал незначительный хронологический разрыв между первой и второй-третьей группами³, М.Я. Рудинский же настаивал на их синхронности, а также на отно-

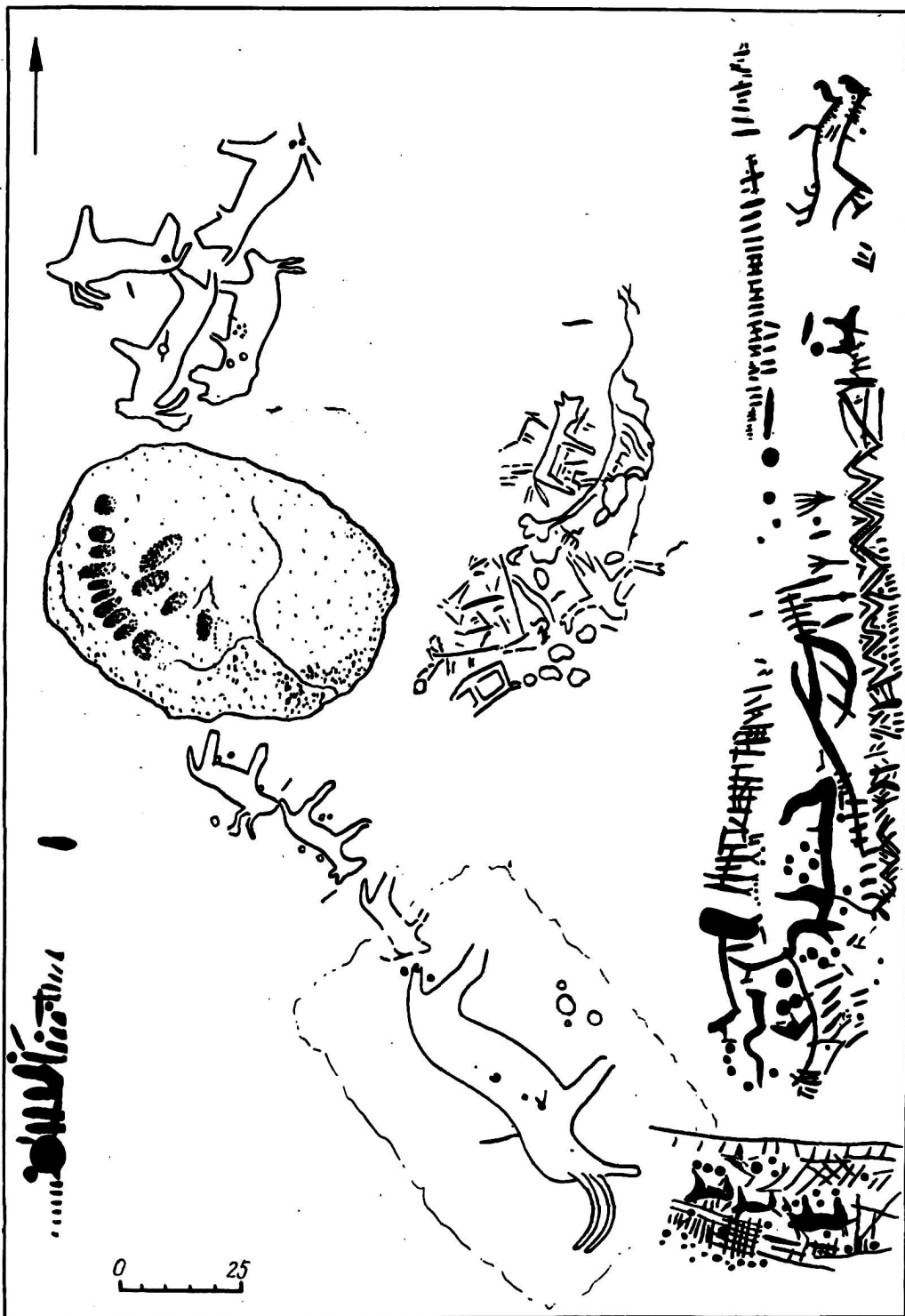

Рис. 1. Комплекс изображений из "грота быка" Каменной Могилы у г.Мелитополь (по О.Н.Бадеру, В.Н.Даниленко, М.Я.Рудинскому)

сительной одновременности орнаментации карнизов. Решающим аргументом в попытках абсолютного датирования изображений на потолке является видовое определение наиболее крупного животного. О.Н.Бадер был

склонен рассматривать его как мамонта и относил к эпохе солютре—мадлен. К этому близка точка зрения В.Н.Даниленко, который синхронизировал древнейшие изображения грота с Джебел VI и Кукреком, отнес к докерамическому неолиту и датировал VII тыс. до н.э.⁴; иконографические отступления от характерных особенностей мамонта объяснены им длительностью существования изобразительной традиции, пережившей давно уже вымерших животных. Убедительную интерпретацию наибольшего животного как быка впервые дал Б.Ф.Земляков⁵. Эта точка зрения впоследствии была поддержана и развита М.Я.Рудинским.

Существует два основных объяснения "грота быка или мамонта". В.Н.Даниленко определил геометрические символы, окружающие первую группу изображений, как ограждения быков и нанесенных им ран, гарпуны или стрелы, и пришел к выводу об их охотничье-магическом характере⁶. М.Я.Рудинский, напротив, в трех сценах на потолке "грота быка" не усматривал ничего, что говорило бы об охотниках и охоте на зверя⁷, и интерпретировал эти сцены как магическую защиту домашнего скота от хищников (волков). Оба исследователя в человеческой фигуре видели колдуна, однако хозяйственную направленность его заклинаний определили в зависимости от своих трактовок основного изображения грота — мамонта или быка.

Изложенное выше показывает, что внутренние данные для уточнения культурной принадлежности, хронологии и символики "грота быка или мамонта" себя исчерпали. В определении животного принимали участие ведущие специалисты-зоологи, археологи приводили аргументы различных трактовок. Очевидно, что перспективы дальнейшего изучения грота — в сопоставлении с хорошо атрибутируемыми памятниками соседних районов. Ближайший из известных донные аналогов "быку или мамонту" обнаружен в 1981 г. в кургане эпохи энеолита и бронзы в пос. Великая Александровка Херсонской обл. (рис. 2).

Основное погребение 24 нижнемихайловского типа и подхороненное к нему позднетрипольское погребение 23 были окружены кромлехом из вертикально установленных плит, на двух из которых изображены четверо животных: пара преследующих вепря собак и "бык или мамонт", аналогичный изображенному в Каменной Могиле (рис. 2, а—б). Следует отметить, что внешние стороны выступающих над землей поверхностей известняковых плит после их установки были заглажены, а затем на них были нанесены изображения. Таким образом, полувекровая дискуссия о мамонте или быке завершается в пользу последнего.

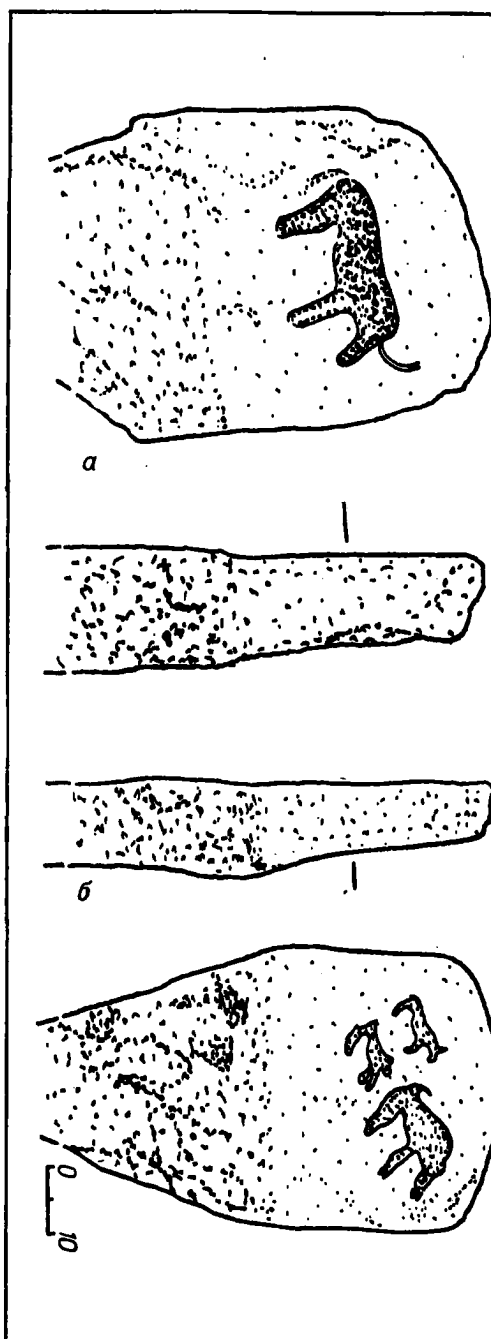
Остановимся на материалах первого кромлеха Великоалександровского кургана. В профилях центральной и примыкающих бровок прослежено, что первый кромлех был сооружен вокруг впущенных с древнего горизонта погребений 22 и 24. Пространство внутри кромлеха было заполнено комьями чернозема. В эту первичную насыпь впустили затем погребение 23, которое перерезало край могилы погребения 24; после этого на вершине первичной насыпи, над погребениями 23 и 24, был установлен каменный ящик кемиобинского погребения 7, которое окружено вторым кромлехом и перекрыто возведенной внутри этого кромлеха досыпкой. Рассмотрим найденные материалы в хронологической последовательности.

Погребение 24 (нижнемихайловское, основное) располагалось в центре кромлеха. Немного сужающаяся ко дну округлая яма (1,9x1,55x0,65 м) на уровне древнего горизонта была обложена мелкими камнями, перекрытие не прослеживалось. Скелет молодого мужчины лежал скорченно, головой на север—северо-восток. Обращенная к погребению 23 левая сторона скелета сохранила анатомический порядок, кости же правой стороны разбросаны в придонной части заполнения. Погребенный уложен с наклоном на левый бок, руки его согнуты (правая сильнее, кисть — перед тазом). На лобной кости черепа — пятно охры. Плиты кромлеха от 0,55x0,3x0,1 до 0,8x0,6x0,15 м установлены в кольцевой ровик диаметром 9,5—10 м, ра-

зомкнутый с юга на 0,1 м, и возвышались над древним горизонтом на 0,25—0,55 м. Черноземное заполнение кромлеха было плоским, не превышающим его уровень. Плиты кромлеха немного наклонены наружу, основания их забутованы камнями. По периметру ограды прослеживались две вымостки из грубых известняковых камней: верхняя оконтуривала края заполнения внутри кромлеха, нижняя — внешнюю сторону его основания. Вымостки, а местами и кромлех, были повреждены при сооружении ящика и второго кромлеха вокруг погребения 7. Северный участок рассматриваемого сооружения образован двумя наибольшими плитами, несколько выступающими за круг и возвышающимися над соседними, хуже обработанными камнями. Противолежащие плиты южного участка наиболее углублены и разомкнуты проходом во рву. Напротив этого прохода, внутри сооружения, располагалось погребение 22, представлявшее собой скопление обрубков человеческих костей (см. ниже). Указанная ось совпадает, соответственно, с направлениями головы и ступней погребения 24. В кромлехе выделен также северо-западный участок, представляющий собой две плиты с изображениями, разделенные четырьмя неорнаментированными (как и все остальные) камнями. Внутри у этого участка на погребенной почве выявлены отдельные угольки и обломок полированной гранитной мотыги длиной 11 см, шириной около 8 см, толщиной 4 см, диаметром отверстия 2,7 см.

Изображения животных выполнены в технике уплощенного контррельефа. Сначала они были, по-видимому, оконтурены (причем сильнее со спины), затем немного выбиты и, наконец, протерты. Изображение быка на северо-западной плите сохранило следы охры; кабан на западной плите был покрашен, очевидно, сажей, а расположенные рядом собаки — без следов раскраски. Головы всех животных обращены на юг. Размер животных пропорционален их прототипу; размер наибольшего быка 30x18 см.

Погребение 22 сопровождало основное погребение 24 и, наверное, представляло собой захоронение останков жертвенного человека. Г-образная яма (1,35x0,6—0,75x0,2 м) располагалась в слое погребенной почвы и ориентирована с востока на запад. В заполнении у дна обнаружены два

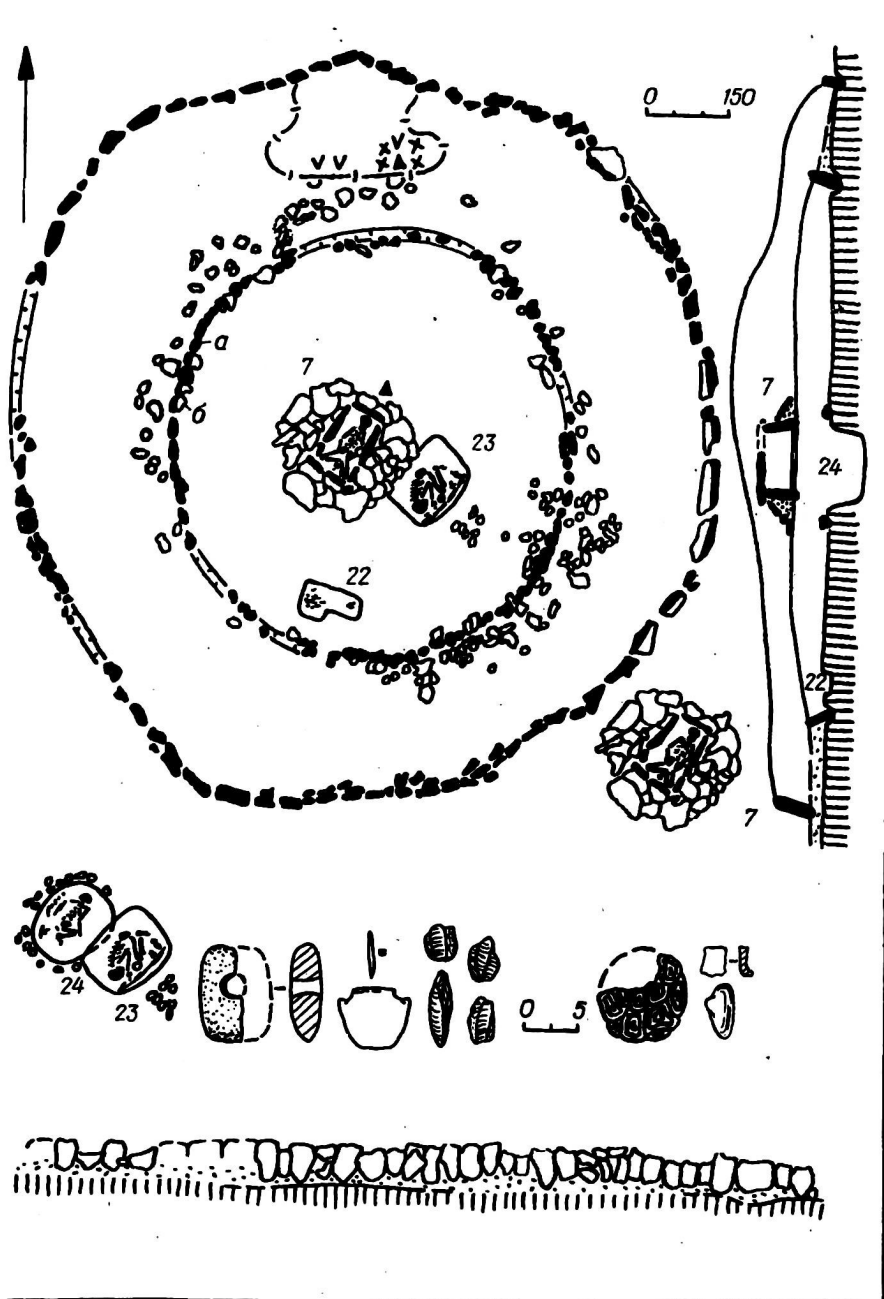

Рис. 2. Материалы первого (п. 22–24) и второго (п. 7) кромлехов Великоалександровского кургана

скопления обрубков костей взрослого человека или людей, причем возле каждого находилось по камешку. Меньшее скопление у восточной стенки ямы включало два обломка бедренных костей; в скоплении у западной стенки найден обломок черепа, обрубки длинных костей, ребра и позвонки. Очертания могилы и разграничение скоплений позволяет предполагать наличие подзахоронения (связанного, возможно, с последующими погребениями 23 или 7).

Погребение 23 (позднетрипольское) примыкало к восточному краю основного погребения 24. Могила прямоугольная (1,9x1,4x1,1 м), дно на уровне материка. На уровне погребенной почвы в заполнении выявлены остатки решетчатого деревянного перекрытия из бревен диаметром до 12 см, на плахах — камышовый тлен. Скелет молодой жинщины лежал сильно скорченно на правом боку, в позе адорации (кисти перед лицом), головой на юг. Выше головы прослежены два пятна мела; между коленями и локтями, под кучкой вещей, выявлено пятно охры. Здесь находились неорнаментированная амфорка оранжевого цвета из хорошо обожженной тонко-отмученной глины с двумя ушками и вертикальными отверстиями в них, высота сосуда 7,5 см, диаметр венчика 4 см, корпуса — 8,5, дна — 3,5 см; медное четырехгранное шильце 2,7x0,3 см; четыре скребка на отщепках серого пятнистого кремния размером от 4,3x3,7x0,8 до 5,1x3,7x0,9 см.

Погребение 7 (кемиобинское) располагалось над погребением 24 и 23. Оно устроено в ящике из девяти грубо обработанных известняковых плит размером от 0,5x0,25x0,15 до 1x0,7x0,12 м, установленных на поверхности первичной насыпи с небольшим наклоном внутрь. Дно ящика образовано черноземной подсыпкой длиной 0,15 м; с внешней стороны стенки были укреплены земляной насыпью диаметром около 2 м и набросом камней, обложенных позднее до уровня перекрытия известняковыми плитами. Площадь внутреннего пространства 1,2x0,7 м, высота 0,55 м. Юго-западная половина ящика была перекрыта плитой 1,15x0,9x0,15 м, в северо-восточной же половине обнаружены следы деревянного перекрытия. Скелет пожилого мужчины лежал скорченно на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками, ступни прижаты к тазу, колени распались, ориентация северо — северо-восточная. На дне у ног выявлены слабые следы охры. На локте левой руки лежал внешней стороной панцирь черепахи (20x15 см). Напротив, снаружи ящика, найдена створка речной раковины со следами охры и сажи внутри, за пределами ящика найдены четыре фрагмента керамики с темной лощеной поверхностью, три из них содержали примесь измельченных раковин, а один — примесь песка. Погребение 7 было окружено кромлехом антропоморфных очертаний с выделенными плечами, головой и суживающимися к спрямленному основанию боками. Обращенная строго на север головная часть выделена выступающими под углом плитами, а также скоплением древесного тлена, угольками, мелкими обломками костей и керамики. В целом очертания кромлеха близки очертаниям антропоморфных стел кемиобинской и ямной культур. Устройство кромлеха во многом повторяет конструктивные особенности кромлеха погребения 24. Известняковые плиты размером до 1x0,7x0,2 м на 0,15-0,9 м возвышались над уровнем древнего горизонта, основания их были вкопаны и забутованы мелкими камнями. Головная часть наиболее низка, а противолежащая южная часть наиболее возвышена. В юго-восточной части кромлеха обнаружена стела с отбитым верхом, а у ее основания — обломки костей крупного парнокопытного. Диаметр кромлеха 13-13,5 м. Внутри него была устроена досыпка из плотного чернозема, поверхность которой обмазана грязью. Головная часть досыпки и вершины уплощены, над располагавшимся под центром досыпки погребением 7 находилось возвышение; высота досыпки достигала 1,8 м над уровнем древнего горизонта.

Рассмотрим культурно-хронологическую принадлежность изображений на первом Великоалександровском кромлехе. Культурная атрибуция окруженных этим кромлехом погребений 24 и 23 сомнений не вызывает. Скорченные захоронения в округлых ямах, окруженные кромлехами или ровиками, характерны для нижнемихайловского типа; этот тип, как показывают материалы Михайловского, Новорозановского поселений, а также курганов № 1 у сел Баратовка и Старогорожено⁸, синхронен позднему Триполью и предшествует кемиобинской культуре. Такая же ситуация и в

погребении 24, за которым следовали поздне трипольское погребение 23 и кемиобинское погребение 7. Культурная принадлежность погребения 23 определяется находившимся в нем сосудом, имеющим массовые аналогии на этапе С—II. Наряду с этим иконография изображенных на кромлехе собак имеет аналогии в росписи керамики этапа С—I⁹. Бык также широко распространен в трипольском искусстве, однако интересующее нас изображение на первом великоалександровском кромлехе ближе к майкопским¹⁰. Там же встречаются изображения вепря, причем с таким же клювообразным оформлением морды¹¹. Между тем достоверных изображений собак ни в майкопском, ни в синхронном ближневосточном искусстве нет.

Таким образом, очерчивается культурно-хронологическая принадлежность петроглифов первого великоалександровского кромлеха. Наличие трипольских элементов можно легко объяснить погребением 23, в момент совершения которого кромлех еще не был засыпан. Наличие майкопских элементов следует, очевидно, связывать с основным погребением 24. Существовавшее предположение о связи памятников нижнемихайловского типа с кавказским ареалом подтверждается находками майкопской керамики в нижнем слое Михайловского поселения и в некоторых других погребениях¹². Изобразительный комплекс на первом великоалександровском кромлехе как бы иллюстрирует контакты трипольской и майкопской культур.

Выявление этих контактов позволяет выдвинуть узкую абсолютную датировку изображений на кромлехе, а следовательно, и в "гrote быка". Трипольские аналоги сосуда из погребения 23 и стилистика изображений собак заставляет принять рубеж CI—CII, который на основании радиоуглеродных и других данных относят к середине III тыс. до н.э. (или к 3250 г. до н.э. по калиброванной датировке)¹³. Ранняя майкопская культура датирована А.А.Иессеном XXV в. до н.э., а В.А.Сафронов и Н.А.Николаева отнесли ее недавно к концу XXIV—XXIII вв. до н.э., отметив при этом, что ближневосточный прототип сложился уже в XXV — середине XXIV в. до н.э.¹⁴ Датировка майкопской культуры представляется более убедительной, поскольку имеет надежные привязки к исторической хронологии Шумера и Аккада: Но несмотря на аналогии в Майкопском кургане, вопрос о датировке первого великоалександровского кромлеха непросто: согласившись с выводом о влиянии древнейшего майкопского населения Северного Кавказа, мы будем вынуждены начинать историю курганов у Великой Александровки и Староселья XXIII в. до н.э., что неверно ввиду фиксируемого здесь перехода от среднестоговской к ямной культуре и пр. Это затруднение снимается (вместе с противоречиями между датировками первого великоалександровского кромлеха по трипольским и майкопским аналогам), если предположить, что "майкопские" влияния проникли в Нижнее Поднепровье непосредственно из Передней и Малой Азии (по западному побережью Черного моря) еще в XXV—XXIV вв. до н.э., то есть до появления Майкопского кургана.

Непосредственные аналоги большим изображениям "грома быка" можно найти в майкопской и трипольской культурах — вплоть до человеческих фигур (рис. 3, 16, 18)¹⁵. Более близкие аналоги имеют малые изображения на карнизах грота. Некоторые из последних (рис. 3, 14—15) сопоставимы с изображением вепря, другие — с изображением собак (рис. 3, 22) на первом великоалександровском кромлехе. Соответственно они имеют отдаленные аналоги в майкопском и трипольском искусстве, причем в первом не известны собаки, а во втором — вепри.

Особый интерес вызывают геометрические мотивы на карнизах "грома быка": Косой крест и повторяющиеся "елочки" характерны для кемиобинской культуры. В качестве близких аналогов можно сослаться на материалы курганов № 1 у сел Баратовка¹⁶ и Староселья¹⁷. Древнейшие погребения 16 и 17 кургана № 1 у с. Баратовка устроены в каменных ящиках и содержали соответственно сосуд нижнемихайловского типа и две поздне-

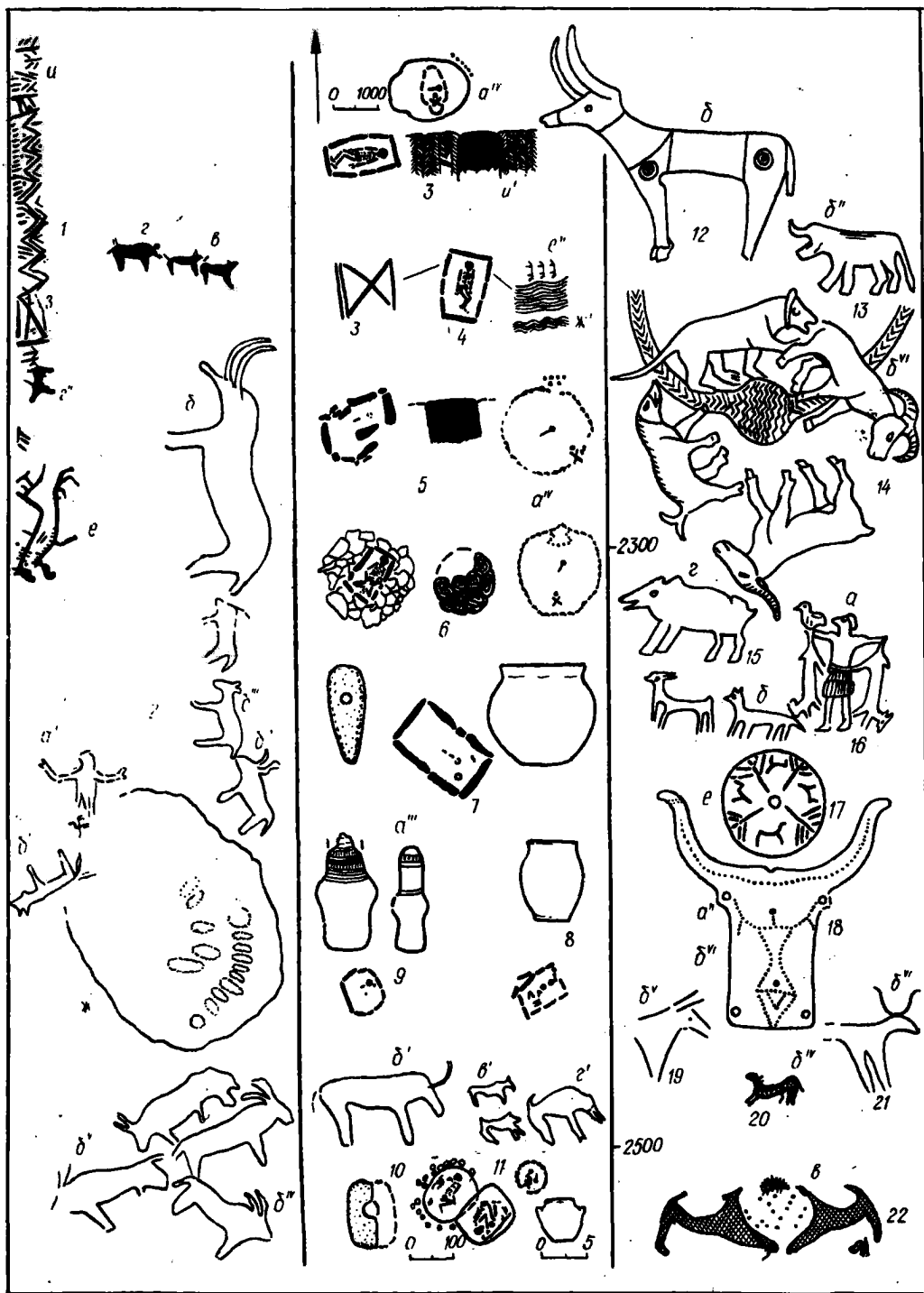

Рис. 3. Памятники из "грома быка" Каменной Могилы (1-2); из подкурганых погребений кеми-обинской (3-6), нижнемихайловской и трипольской культур (7-11); из круга Майкопа (12-16) и Триполья (17-22). 1 - изображения на карнизах, 2 - на потолке и полу "грома быка", 3 - п. 3, к. № 1 у с. Старо-10

селье, 4 - п. 8, к. № 1 у с. Баратовка, 5 - п. 14, к. № 11 у с. Новофилипповка, 6 - п. 7. Велико-александровского кургана, 7 - п. 1 Константиновского кургана, 8, 9 - п. 16. 17 к. № 1 у с. Баратовка; 10, 11 - п. 24, 23 Великоалександровского кургана; 12 - Аладжа (Малая Азия, вторая половина III тыс. до н.э.), 13, 14 - май-

трипольских статуэтки (рис. 3, 8—9). Комплекс этих данных позволяет синхронизировать погребения 16 и 17 с погребением 24, 23 и 7 Великоалександровского кургана. Особый интерес представляет следовавшее за погребениями 16 и 17 погребение 8: одна из восьми плит его ящика была орнаментирована косым крестом (рис. 3, з), а на другой изображены трое животных, стоящих перед 10+4 извилистыми линиями (рис. 3, 4). Техника орнаментации аналогична "гроту быка": в обоих случаях изображения протерты в мягком камне. Обращает на себя внимание совпадение количества линий на плите из погребения 8 и лунок на камне на полу "грома быка" (рис. 3, 2). Иконографических соответствий животным нет; такие соответствия можно указать на стелах усатовской позднетрипольской культуры¹⁸. Елочная орнаментация ящика погребения 3^а из кургана № 1 у с. Староселье, обнаруживающего преемственность от погребения 7 Великоалександровского кургана¹⁹, также выполнена частично в технике протирания, причем, как и в "гrote быка", протертый орнамент был затем закрашен охрой (а часть орнамента выполнена охрой без предварительного протирания камня). Заметны специфические совпадения отдельных деталей орнаментации погребения 3 и "грома быка" (рис. 3, 1, 3).

Подытоживая кеми-обинские аналоги "грома быка", подчеркнем их генетическую преемственность от нижнемихайловско- (с майкопскими влияниями) трипольских, что отчетливо прослежено в преемственности обряда кеми-обинского погребения 7 (имеющего продолжение в обряде погребений 3 и 4 кургана № 1 у с. Староселье), от обряда нижнемихайловского погребения 24 и трипольского погребения 23 Великоалександровского кургана. При этом следует иметь в виду, что исследователи "грома быка" Каменной могилы хоть и указывают на некоторый (незначительный) хронологический разрыв между изображениями на потолке и карнизах, но не настаивают на их культурно-размежевании.

Перейдем к рассмотрению символики "грома быка". Хронологические и культурно-исторические соответствия "грома быка" материалам погребений 24, 23 и 7 Великоалександровского кургана заставляют отказаться от предложенной В.Н.Даниленко интерпретации и присоединиться к точке зрения М.Я.Рудинского²⁰. Вместе с тем указанные материалы и их соответствия в курганах № 1 у сел Баратовка, Староселье и др. позволяют углубить и откорректировать выводы М.Я.Рудинского.

Применительно к кромлехам можно считать установленной символику годового обращения солнца и вселенной²¹. Достаточно уверенно можно предположить, что изображение быка на первом великоалександровском кромлехе символизирует зодиакальное созвездие Тельца, в котором в интересующее нас время (4440—1720 гг. до н.э.) солнце находилось в период весеннего равноденствия и поэтому почиталось народами Евразии как олицетворение вселенной и ее воспроизводящих начал²². Исходя из этого можно предположить, что изображения собак и вепря символизировали другие созвездия: вероятно, Большого и Малого Псов и Стрельца—Скорпиона (которые в древности не разделялись). Стрелец—Скорпион в период 4250—2200 гг. до н.э. противостоял Тельцу своим положением в точке осеннего равноденствия, отстоял от Тельца на шесть месяцев (как на шесть плит отстоят друг от друга изображения быка и вепря в первом великоалександровском кромлехе); Стрелец, кроме того, обнаруживает этнографические и лингвистические связи с образом вепря²³. Предлагаемое объяснение изображений на первом великоалександровском кромлехе аргумен-

копский курган (ок. 2300 г. до н.э.), 15 — Хафаджа (Месопотамия, рубеж XXIV—XXIII вв. до н.э.), 16 — Тель-Хузйра (Месопотамия, XXIV в. до н.э.), 17 — Паволочь (трипольская культура СII, 10), 18 — Бильче-Золотое — Вертеба (СII, 9), 19 — Кошиловцы — Обоз (СII, 8), 20 — Старые Бадражы (СII, 7), 21 — Бильче-Золотое — Сад II (СII, 2), 22 — Валя-Лупулуй (СII, 6)

1—4, 10—11 — камень, охра и сажа; 12—14 — металл; 15 — глиптика; 16 — камень; 17, 19—22 — керамика и краска; 18 — кость. Изображения из "грома быка" и их аналоги: а — человеческие фигуры, б — быки, в — собаки, г — вепри, д — волки, е — кони, ж—и — календарные символы

тируется общей астральной семантикой кромлехов и древностью связей изображений быка с Тельцом, звездной (север — юг) ориентацией обоих кромлехов Великоалександровского кургана, наличием развитых календарей в орнаменте ящиков погребений 3 и 4 кургана № 1 у с. Староселье, обнаруживающих преемственность от рассматриваемых материалов Великоалександровского кургана²⁴. В целом сюжет первого Великоалександровского кромлеха отвечает астрономической ситуации середины III тыс. до н.э., когда в период летнего солнцестояния на ночном небосводе после полугодового отсутствия поднимался Телец, а Стрелец—Скорпион на полгода уходил за горизонт; расположенные между ними созвездия Псов в это время ниже всего опускались к горизонту, как бы прогоняя Стрельца—Скорпиона (возможно, Вепря у древних). С этим согласуется и северо-восточная ориентация основного погребения 24 Великоалександровского кургана: головой к восходу в день летнего солнцестояния. Дуализм благоприятного и неблагоприятного полугодий нашел отражение и в раскраске изображений (красный бык и черный вепрь), отчетливое разграничение полугодий отражено и в календарной орнаментации ящиков погребений 3 и 4 кургана № 1 у с. Староселье.

В свете семантики древнейших материалов Великоалександровского и Первого Старосельского курганов становится понятней глубинный смысл "грота быка". Вторая группа изображений на потолке, представляющая четырех быков "в позиции круговой обороны", два из которых имеют признак пола и воспроизведения жизни, символизирует, очевидно, времена года с подразделением на благоприятное (весенне-летнее) и неблагоприятное (осенне-зимнее) полугодия. Подобные четырехчастотно-круговые композиции широко распространены в изобразительном искусстве Древнего Востока, имеются они в Триполье и в Майкопском кургане, где также трактуются в качестве символов направлений мира и времен года²⁵. Третью группу можно трактовать как развернутое следствие второй: шестие четырех времен года, возглавляемое весенним Тельцом (основное изображение "грота быка"); третий в этом ряду безрогий телок символизирует, вероятно, осень: молодое, сеголетнее животное. В свете предложенной трактовки второй и третьей групп смысл расположенной между ними первой группы предстает как семиотический индекс перехода от второго к третьему состоянию: маг (I) переводит вселенную из статики (II) в динамику (III), открывает течение времен года. Поверженный волк у ног мага символизирует, вероятно, победу над силами зла, а многочисленные лунки—бофры и "копья" — действенность магии и многократность повторения ритуалов в гроте. Сопряженный с первой группой геометрический орнамент, как и родственную ему орнаментику карнизов, можно трактовать в качестве указаний на конкретные дни и месяцы года: именно так представлены сходные мотивы в орнаментации погребения 3 кургана № 1 у с. Староселье. Хронологические различия между изображениями на потолке и карнизах могут отражать как изменения исторической обстановки, так и переход от общей идеи течения годового цикла к конкретно-календарной его разработке. Такой переход, а вместе с тем изменения обстановки, отчетливо прослежен при анализе материалов Великоалександровского и Старосельских курганов.

Подытожим выводы сопоставлений "грота быка" Каменной Могилы с древнейшими материалами Великоалександровского и других курганов. Изображения на потолке грота могут быть отнесены к XXV—XXIV вв. до н.э. и определены как следствие контактов позднетрипольского и нижнемихайловского (испытавшего протомайкопские воздействия) населения. С этими изображениями может быть связано раскопанное Б.Д. Михайловым погребение у с. Константиновка в каменном ящике, но с инвентарем майкопского типа²⁶. Фриз "грота быка" выполнен, по-видимому, формирующимся на основе вышеуказанных контактов населением кеми-обинской культуры. То обстоятельство, что изображения вепрей и собак на фри-

зе еще сохраняют традиции Майкопа и Триполья СІ, сближает датировки фриза и потолка; на эту же культурно-хронологическую близость указывают аналоги композиции четырех животных первого великоалександровского кромлеха — изображения главного быка на потолке, собак и вепря юго-восточного участка фриза (рис. 3, 1—2, 10—11). Следовательно, фриз можно датировать не позднее рубежа XXIV—XXIII вв. до н.э. С ним может быть синхронизировано кеми-обинское погребение 14 кургана № 11 у с.Ново-Филипповка²⁷, типологически промежуточное между погребением 7 Великоалександровского кургана и погребением 3 Первого Старосельского кургана (рис. 3, 3, 5, 6). Возможная связь названных погребений у сел Константиновка и Новофилипповка с "гротом быка" доказывается изготовлением их гробниц из каменномогильского песчаника.

"Грот быка" связан, очевидно, с сакральной календарной обрядностью. Связующим звеном двух периодов использования грота явилось, наверное, почитание весеннего созвездия Тельца и приверженность к лунному календарю, подобному обнаруженному в орнаментации ящика погребения 3 кургана № 1 у с.Староселье²⁸. Сущность обрядов, производившихся в "гроте быка", направлена на обуздание неблагоприятного и поклонение благоприятному полугодью. Этот тезис следует рассматривать в связи с ранее сделанными М.Я.Рудинским выводами о скотоводческой магии "грота быка".

Если наличие двух периодов использования грота можно объяснить установлением контактов носителей нижнемихайловского (протомайкопского) и позднетрипольского (конца СІ) кругов XXV—XXIV вв. до н.э., а затем формированием вследствие их сосуществования населения кеми-обинской культуры XXIV—XXIII вв. до н.э., то последующее забвение грота следует выводить из стечения двух обстоятельств. Во-первых, в конце XXIII в. до н.э. произошло мощное миграционное движение, в которое оказались втянуты и древнейшие кеми-обинцы Нижнего Поднепровья²⁹. Во-вторых, точка весеннего равноденствия (то есть начала благоприятного полугодия) стала приближаться к созвездию Овна — и Телец стал утрачивать свое главенствующее положение.

¹ Сообщение о разведке Веселовского Н.И.: ОАК 1890. — Спб., 1893. — С. 2—4; *Бадер О.Н.* Древние изображения на потолках гротов в Приазовье // МИА. — 1941. — № 2. — С. 126—139; *Даниленко В.М.* Про наскельні зображення Кам'яної Могили // Археологія. — 1950. — Т. 4. — С. 78—90; *Рудинский М.Я.* Кам'яна Могила. — К., 1961. — 140 с., XXX табл.; *Даниленко В.Н.* Неолит Украины. — Киев, 1969. — С. 9—19, 30—45.

² Позиция указанных авторов отчетливее всего выражена в следующих работах: *Бадер О.Н.* Работы Азово-Черноморской экспедиции Института археологии АН УССР // Тр. Сов. секции INQUA. — 1937. — Вып. 6; *Земляков Б.Ф.* Об изображении мамонта из "Мамонтового грота" Каменной Могили на Мелитопольщине // КСИИМК. — 1939. — Вып. 2. — С. 33—34; *Даниленко В.М.* Кам'яна Могила. — К., 1986; *Земляков Б.Ф.* Указ. соч. — С. 33—36; *Рудинский М.Я.* Указ. соч. — С. 39—49.

³ *Даниленко В.М.* Про наскельні зображення Кам'яної Могили, с. 89. В.Н.Даниленко обозначил I и II—III группы (по О.Н.Бадеру) как соответственно V и VI.

⁴ *Даниленко В.Н.* Неолит Украины. — С. 10—15. — Рис. 1, 7; С. 216.

⁵ *Земляков Б.Ф.* Указ. соч. — С. 34—36.

⁶ *Даниленко В.М.* Про наскельні зображення Кам'яної Могили. — С. 85.

⁷ *Рудинский М.Я.* Указ. соч. — С. 46.

⁸ *Лагодська О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л.* Михайлівське поселення. — К., 1962. — С. 30—38; *Шапошникова О.Г.* Пам'ятки типу нижнього шару Михайлівки // Археологія Української РСР. — К., 1971. — Т. 1. — С. 257; *Шапошникова О.Г., Неприна В.И.* Новорозановское многослойное поселение // Древности Поингуля. — Киев, 1977. — С. 52—65; *Елагина Н.Г., Петренко В.Г.* Раскопки курганов на Ингульце // АО 1968. — М., 1969. — С. 251—353; *Збенович В.Г.* К проблеме связей Триполья с энеолитическими культурами Северного Причерноморья // Энеолит и бронзовый век Украины. — Киев, 1976. — С. 63; *Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Балушкин А.М.* Курганная группа близ с.Старогорожено // Древности Поингуля. ... С. 99—145.

⁹ *Черныш Е.К., Массон В.М.* Энеолит Правобережной Украины и Молдавии // Энеолит СССР. — М., 1982. — С. 302. — Табл. LXXXI.

¹⁰ Там же. — С. 308. — Табл. LXXXVII; *Николаева Н.А., Сафронов В.А.* Хронология и происхождение майкопского искусства // Хронология памятников эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982. — С. 55—56. — Рис. 3—4.

- 11 Там же. — С. 58. — Рис. 6.
- 12 Нечитайло А.Л. О сосудах майкопского типа в степной Украине // СА. — 1984. — № 4. — С. 127–128. — Рис. 1, 1–2.
- 13 Черныш Е.К., Массон В.М. Указ. соч. — С. 175. — Табл. 10.
- 14 Николаева Н.А. Проблема классификации, периодизации, хронологии и этнической атрибуции майкопской культуры в археологической литературе // Хронология памятников эпохи бронзы Северного Кавказа. — С. 9–28; Николаева Н.А., Сафронов В.А. Указ. соч. — С. 28–62; Сафронов В.А. Хронология, происхождение и определение этнической принадлежности майкопской культуры по археологическим и письменным источникам // Там же. — С. 63–76, 104. — Табл. 1.
- 15 Черныш Е.К., Массон В.М. Указ. соч. — С. 276, табл. LXI.
- 16 Елагина Н.Г., Петренко В.Г. Указ. соч.; Петренко В.Г., Елагина Н.Г. Отчет ингулецкой Скифской степной экспедиции 1968 г. // НА ИА АН УССР, 1968/64. — С. 46–72. — Рис. 17, 6; рис. 127–171.
- 17 Шилов Ю.О. Перший та четвертий Старосільські кургани // Археологія. — 1977. — 22. — С. 48–58; Шилов Ю.А. Календарная символика и хронология кеми-обинских погребений из кургана № 1 у с. Староселье // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. — Киев, 1982. — С. 29–38.
- 18 Патокова Э.Ф. Усатовское поселение и могильники. — Киев, 1979. — С. 48. — Рис. 19, 7; С. 64. — Рис. 25.
- 19 Шилов Ю.О. Найстародавніші монументальні споруди на території України // Нариси з історії природознавства і техніки. — 1984. — Вип. 30. — С. 32 і др.
- 20 Рудинский М.Я. Указ. соч. С. 46–48. Принимая точку зрения М.Я. Рудинского, следует отметить, что она, на наш взгляд, не отвергает предложенную В.Н.Даниленко интерпретацию, а развивает ее и преломляет в свете выдвинутых М.Я.Рудинским хронологических посылок.
- 21 Мещанинов И.И. Кромлехи // ИГАИМК. — 1930. — Т. 6. — Вып. 3. — С. 20 и др.; Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. — М., 1978. — С. 222–224.
- 22 Чмыхов Н.А. Некоторые проблемы истории зодиака // Астрометрия и астрофизика. — 1979. — Вып. 38. — С. 108–120; Чмыхов Н.А. Принципы зодиакального (астрономического) датирования в археологии // Материалы по хронологии археологических памятников Украины... — С. 16 и др.
- 23 Знойко О.П. Міфологія астрального культу на Русі // Людина і світ. — 1980. — № 5. — С. 28–32.
- 24 Шилов Ю.О. Обсерваторії та календарі у курганах Нижнього Подніпров'я III–II тис. до н.е. // Нариси з історії природознавства і техніки. — 1981. — Вип. 27. — С. 39–40; Шилов Ю.А. Календарная символика и хронология кеми-обинских погребений из кургана № 1 у с. Староселье... — С. 32–34.
- 25 Черныш Е.К., Массон В.М. Указ. соч. — С. 241–252, 303. — Табл. LXXXII; С. 308. — Табл. LXXXVII; Николаева Н.А., Сафронов В.А. Указ. соч. — С. 60–61. — Рис. 8–9.
- 26 Михайлов Б.Д. Раскопки на р. Молочной // АО 1973. — С. 308–309; Нечитайло А.Л. Указ. соч. — С. 129. Рис. 2, 5; С. 131.
- 27 Вязьмитина М.І., Іллінська В.А., Покровська Є.Ф., Тереможкін О.І. Кургани біля с. Новопилипівки і радгоспу "Аккермень" // АН УССР. — 1960. — Т. 8. — С. 112–113, 116–117.
- 28 Шилов Ю.А. Календарная символика и хронология кеми-обинских погребений из кургана № 1 у с. Староселье... — С. 32–34. — Рис. 2, 4.
- 29 Шилов Ю.А. Нижнее Поднепровье в середине III – середине II тыс. до н.э. : Автореф. дис. . . канд. ист. наук. — Киев, 1982. — С. 19; Шилов Ю.А. Памятники старосельского типа (археологические источники и историческая интерпретация) // Хронология памятников эпохи бронзы Северного Кавказа. . . — С. 108–110.

Ю.А.РАССАМАКИН

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ПОЗДНЕЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ БАССЕЙНА р. МОЛОЧНАЯ

Широкие и целенаправленные раскопки курганов в бассейне р. Молочная в последние годы позволили выделить на этой территории серию энеолитических погребений, одни из которых были отнесены к типу так называемых вытянутых, другие — к нижнемихайловским¹. Третий тип памятников представлен в погребениях в подбоях². Погребения нижнемихайловского типа делились на два этапа: более древний, синхронный древнейшим "вытянутым", и поздний, соответствующий широчанско-баратовскому (по Д.Я.Телегину)³, которому синхронны, вероятно, и погребения в подбоях. Обнаруженные в двух "вытянутых" погребениях специфические костяные фигурные пронизи позволили синхронизировать их с однотипными, на наш взгляд, памятниками Правобережья Днепра и Орельско-Самарского

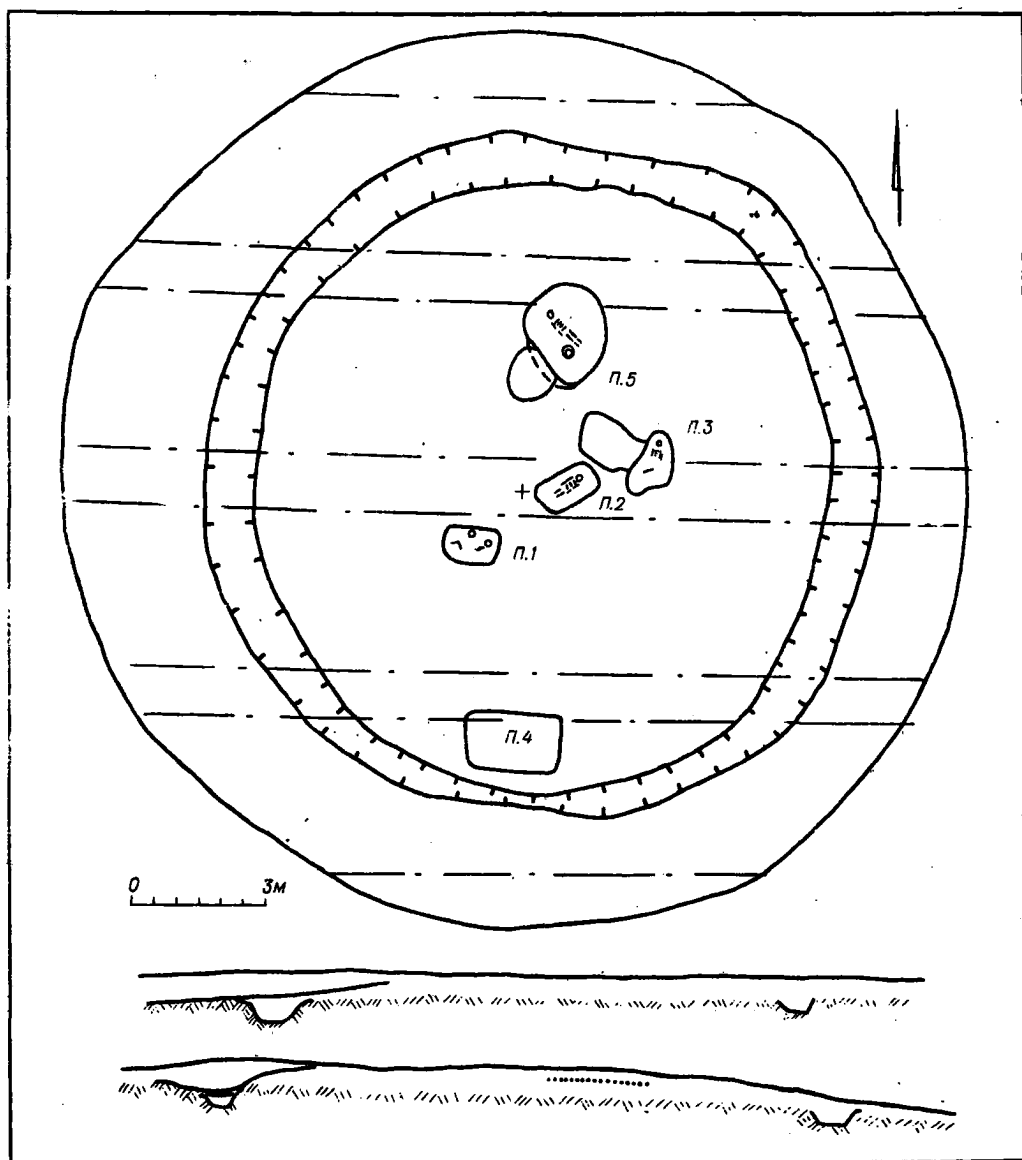

Рис. 1. Общий план кургана № 14 у с. Виноградное и стратиграфические разрезы

междуречья⁴, но при этом не вывели на конкретные хорошо изученные и датированные археологические культуры. Для сопоставления и синхронизации погребений нижнемихайловского типа был использован сравнительно-типологический метод и данные стратиграфии, так как отсутствовал даже синхронизирующий инвентарь, в частности в погребениях позднего этапа, составляющих большинство данного типа. Существующий пробел в определенной степени восполняют материалы из кургана, исследованного в 1983 г. Запорожской экспедицией ИА АН УССР у с. Виноградное Токмакского р-на Запорожской обл.*

К у р г а н 14 (рис. 1) находился в составе группы из шести насыпей, расположенных на краю плато правого высокого берега р. Молочная. Насыпь регулярно распаивалась и курган выделялся на поверхности незначительным всхолмлением высотой 0,5 м, диаметром 20 м. Удалось устано-

* Курган исследован Л.Ф.Константинеску.

вить, что курган был возведен в два приема, древний горизонт фиксировался на глубине 0,3 м по уровню залегания материкового выкида из основного погребения 2. Первая насыпь фиксировалась в профилях бровок по тонкой светлой прослойке. Всего в кургане исследованы пять погребений: п. 1, 2 — энеолитические; п. 4 — ямное, кенотаф; п. 3, 5 — катакомбные. Первую насыпь окружал ров, фиксированный на уровне материка (—0,6 м). Ров в плане круглый, диаметром 12,5 м, шириной 0,9—1,0 м. В южной части рва оставлен проход. Максимальная глубина рва 0,65—0,7 м от уровня древнего горизонта, дно плоское, стенки сужаются; внутренняя — более пологая. Со временем ров заплыл черноземом первой насыпи и на ее поверхности образовался тонкий дерновый слой, прослеживаемый в виде светлой прослойки.

В северной части рва, на дне, обнаружены фрагменты рога и трубчатых костей животных, невыразительные мелкие кремневые отщепы и два небольших фрагмента стенки толстостенного сосуда (размер большого фрагмента 3,5x4 см). Внешняя поверхность заглажена, на внутренней — следы глубоких расчесов. Тесто плотное, с обильной примесью измельченной ракушки, в изломе черного цвета со светло-охристой полосой с внешней стороны. Толщина фрагмента 0,8—1 см, толщина охристой полосы 0,3—0,5 см. Стратиграфическое соотношение энеолитических погребений 1 и 2 точно не прослеживалось, но отсутствие выкида и смещение погребения № 1 относительно центра рва показывают, что оно было впускным. В верхнем слое материка по всей подкурганной площадке встречались скопления и отдельные створки раковин "Unio". За пределами рва они не фиксировались.

П о г р е б е н и е 2 (рис. 2, 1) — основное, находилось в центре рва. Яма удлиненно-овальной формы, ориентирована по оси северо-восток — юго-запад, размер 1,55x0,72 м. Глубина погребения 0,8 м от уровня древней поверхности (—1,1 м от 0). В черноземном заполнении были встречены фрагменты костей человека и створки речных раковин "Unio". Дно и стенки, частично скелет, нарушены норами. Погребенный, ребенок, лежал на спине, в вытянутом положении, головой на северо-восток. Руки вытянуты вдоль тела. У левой глазницы найден керамический окатыш, в тесте которого содержалась примесь мелкотолченой ракушки с отблесками слюды на шероховатой поверхности серого цвета. Окатыш круглой формы, овальный в сечении, размером 3x2,6 см, толщиной 1 см (рис. 2, 2). Под правой рукой сложены заготовки из створок раковин "Unio" с хорошо обработанными гранями (37 шт.). Выделяются три формы: круглые (3 шт.), широкие сегментовидные (18 шт.) и узкие треугольные (16 шт.) (рис. 2, 3). На двух сегментовидных заготовках видны полукруглые выемки искусственного происхождения. Размер заготовок в среднем от 3x2 до 1,5x0,7 см, самые большие 3,5x2,8 см. Заготовки лежали в слое розовой охры, пятно такой охры отмечено у левой лопатки. На костях ног и под ними прослеживалась слабая посыпка охрой вишневого цвета.

П о г р е б е н и е 1 (рис. 2, 4) — впускное, находилось в 1,25 м к юго-западу от центра рва. Яма овальной формы, ориентирована по оси восток — запад, размер 1,2x0,9 м. Глубина погребения 1,06 м от 0. В черноземном заполнении встречались отдельные кости человека и фрагменты сосуда. Дно и стенки ямы, частично скелет, нарушены норами. Погребенный, ребенок, лежал на правом боку в сильно скорченном положении, головой на восток. Положение рук точно не восстанавливается, так как сохранились только плечевые кости. Ноги согнуты под острым углом к телу и в коленях. Перед грудной клеткой лежал развал сосуда со слабо выраженными плечиками и уплощенным дном. Венчик плавно отогнут, край закруглен. Внешняя поверхность серого цвета, хорошо заглажена; внутренняя — шероховатая, со следами сглаживания. Сосуд тонкостенный, тесто плотное, в изломе — черного цвета с незначительной примесью мелкотолченой ракушки и кварца. Высота сосуда 9 см, диаметр венчика 9,1 см, диаметр дна 5 см (рис. 2, 6). У нижней челюсти погребенного находилась роговая под-

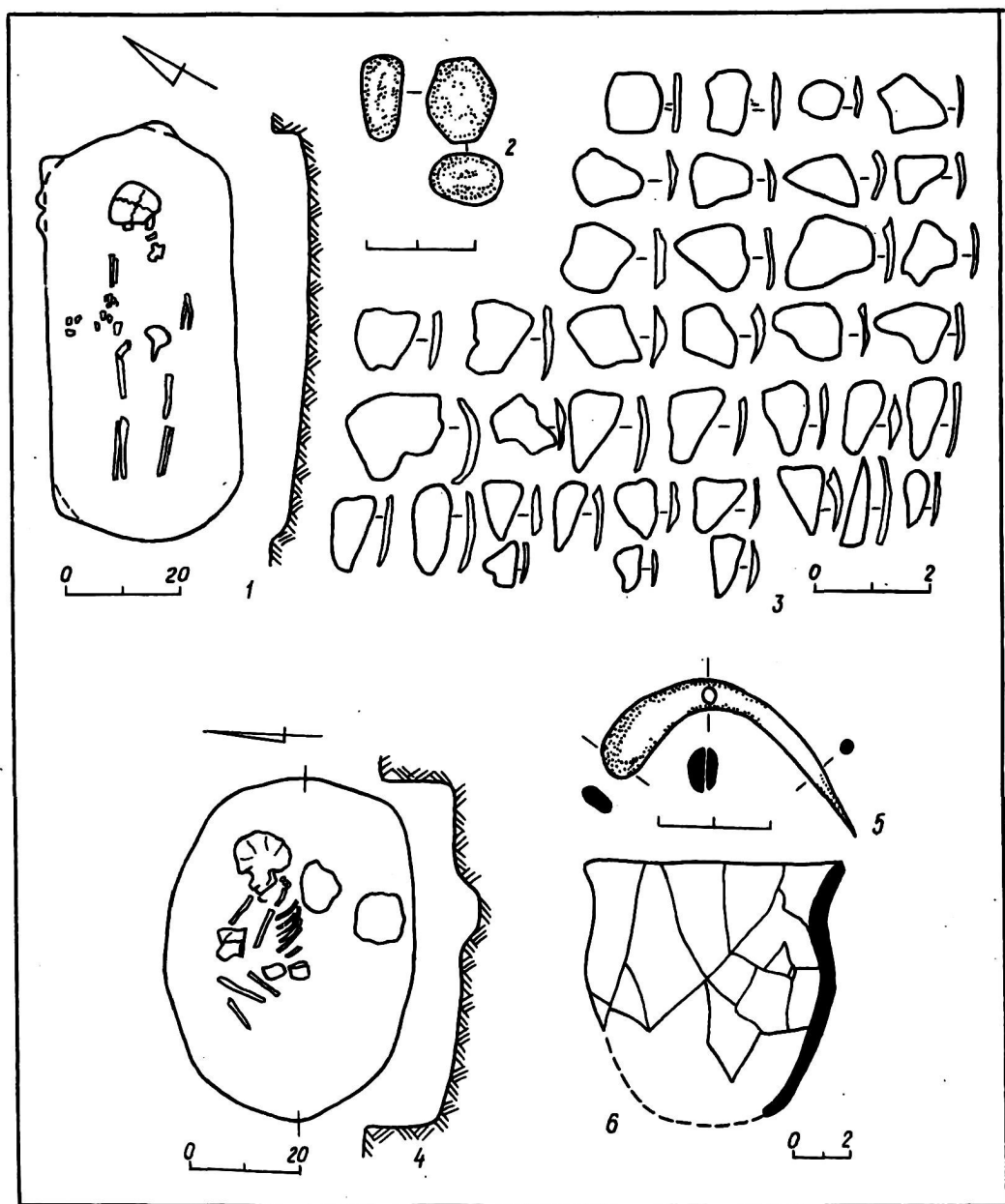

Рис. 2. 1 – погребение № 2 из кургана № 14 у с. Виноградное; 2 – керамический окатыш из п. № 2, к. № 14; 3 – заготовки украшений из створок раковин; 4 – план погребения № 2; 5 – роговая подвеска из п. № 2, к. № 14; 6 – сосуд из п. № 1, к. № 14

веска, напоминающая клык животного с одним округлым уплощенным, другим – острым концом. В изгибе просверлено отверстие для подвешивания (рис. 2, 5). Поверхность хорошо заглажена, местами заполирована. Длина по хорде 4,5 см, диаметр сечения у отверстия 0,7 см. Кости скелета не окрашены, только на нижней челюсти и на сосуде отмечена посыпка охрой.

Следующее, ямное погребение 4, вероятно, впущено, когда ров уже заплыл и на поверхности образовался тонкий слой дерна.

По всем признакам погребение 2 принадлежит к типу "вытянутых" или "постмариупольских"⁵, занимающих сейчас одно из ключевых мест в систе-

ме энеолитических памятников степной Украины. В бассейне р. Молочная уже известны 19 таких захоронений, составивших достаточно компактный культурно-хронологический пласт на этой территории⁶. Погребение 2 примечательно набором обработанных створок раковин "Unio", которые могли служить для детской игры или имели определенное производственное назначение, о чем свидетельствуют полукруглые выемки на двух экземплярах. Можно допустить и то, что некоторые, в частности круглые экземпляры, могли быть заготовками для украшений — кольцевых бусин, широко распространенных и характерных для раннеэнеолитического периода⁷. Наличие мелких предметов, изготовленных из створок раковин "Unio", свидетельствует в пользу раннеэнеолитического возраста "вытянутых" погребений бассейна р. Молочная (во всяком случае, значительной их части), синхронизирует их с наиболее древними погребениями этого типа Орельско-Самарского междуречья⁸, ранней группой "а" Правобережья Днепра⁹ и древнейшими погребениями Северского Донца¹⁰. Такую древность погребений подтверждают находки фрагментов раннеэнеолитической керамики с гребенчатым орнаментом при "вытянутых" погребениях в кургане у с. Терпенье¹¹, сопоставимой с керамикой из тризн, связанных с "вытянутыми" погребениями Орельско-Самарского междуречья¹² и бассейна Северского Донца¹³. Здесь уместно вновь вернуться к упомянутым выше находкам — фигурным костяным пронизьям. Сейчас известно семь опубликованных комплексов с этими украшениями, пять из них относятся к типу "вытянутых": два — в Орельско-Самарском междуречье — с. Булаховка, к. гр. I, к. 3, п. 9¹⁴; с. Верхняя Маевка, к. гр. XIV, к. 5, п. 6¹⁵; два — в бассейне р. Молочная, с. Виноградное, к. 2, п. 3; к. 3, п. 41¹⁶; один — на Правобережье Днепра, с. Разумовка, к. 1, п. 5¹⁷. Два случая находок пронизей связаны со скорченными погребениями, типологически близкими нижнемихайловским: в Северном Присивашье — с. Танковое, к. 9, п. 15¹⁸ и в междуречье Орели и Северского Донца — с. Князево, к. 1, п. 7¹⁹ *. Этот тип специфических украшений дает возможность синхронизировать разнотерриториальные памятники, но датировать памятник по ним нельзя, так как они не найдены пока в комплексах, хронологическое место которых четко определено. Поэтому инвентарь из погребения 1 публикуемого кургана 14 представляет особый интерес.

Погребение 1 относится к так называемому нижнемихайловскому типу²¹, в частности ко второму этапу их развития на данной территории²². Стратиграфия кургана косвенным образом подтверждает это. В бассейне р. Молочная сейчас уже известно около 20 захоронений этого типа, имеющих несомненную типологическую и, вероятнее всего, культурную близость с памятниками Правобережья Днепра, составляющих один культурно-хронологический горизонт²³. Сосуд из погребения (рис. 2, 6) по форме и технологии близок сосуду из с. Верхняя Маевка, к. гр. XIV, к. 1, п. 16²⁴, не имеющего однозначного культурно-хронологического определения, хотя авторы раскопок и относят погребение к раннеямным²⁵. Данные об этом погребении противоречивы, а сам сосуд выпал из поля зрения в изданной И.Ф.Ковалевой работе²⁶. Отличие сосуда от керамики древнеямной культуры очевидно. Но для рассматриваемого нами вопроса наиболее важной оказалась находка роговой подвески (рис. 2, 5). Учитывая яркое своеобразие этого украшения, вероятно, не будет ошибкой рассматривать аналогичные предметы как синхронизирующие, существовавшие в узкий хронологический период. Последний определяется погребениями с абсолютно аналогичными подвесками, имеющими, в отличие от погребений с фигурными пронизьями, четкие хронологические определения.

В настоящее время опубликованы три погребальных комплекса, в составе которых обнаружены крючковидные подвески: г. Болград Одес-

* Возможно, еще об одном комплексе писал Добровольский (II Кичкасский могильник, к. 6), где при скорченном погребении в каменном ящике, окруженном кромлехом, были найдены три костяных бусины, орнаментированные по краю треугольными вырезами²⁰.

ской обл., к. 6, п. 1²⁷; с. Подгородное Новомосковского р-на Днепропетровской обл., к. гр. X, к. 3, п. 7²⁸; пос. Койсуг Азовского р-на Ростовской обл., курган "Радутка", п. 24²⁹ *.

Первый комплекс относится к поздне трипольским памятникам усатовского типа, периодизация и хронология которых хорошо разработана. Погребение из Болграда наряду с другими усатовскими захоронениями Днестро-Дунайского региона (Огородное, Брэзилица и др.) исследователи относят к финальной фазе развития поздне трипольских памятников³¹.

Погребение из с. Подгородное включено в состав "животиловской" группы, выделенной по материалам Орельско-Самарского междуречья³². Появление этой группы памятников объясняется проникновением на данную территорию поздне трипольского населения, в частности городско-касперовской локальной группы³³.

Погребение 24 из кургана "Радутка" представляет особую VI группу энеолитических погребений, выделенных в Нижнем Подонье как самостоятельное культурное явление, происхождение которого объясняется майкопским влиянием³⁴. Аналогичные погребения известны и в Степном Прикубанье, где они выделены в восьмой тип (второй вариант)³⁵. Последние сопоставляются с погребениями нижнемихайловского типа Приазовья и Нижнего Поднепровья и частично с группой "вытянутых" погребений, отражая позднеэнеолитический этап развития памятников Степного Прикубанья, синхронный с началом второго этапа майкопской культуры³⁶.

Крючковидные костяные подвески являются важным синхронизирующим, но не единственным звеном, связывающим перечисленные выше локальные группы. Более детальное сопоставление обряда и инвентаря погребений этих групп позволяет найти в них гораздо больше общих черт.

Нельзя не отметить близость погребений "животиловской" группы Присамарья и VI группы Нижнего Подонья. Захоронения совершены в прямоугольных ямах с уступами, в сильно скорченном положении, преимущественно на левом боку в позе адорации, с ориентацией в восточном, реже — южном направлении. Погребения занимают одинаковое стратиграфическое положение — впускные при более древних энеолитических (реже — основные при впускных ямных)³⁷. Из инвентаря особое внимание заслуживает один тип керамики: сосуды из Соколово, к. гр. I, к. 6, п. 4; курган "Майдан", п. 5 у с. Животиловки³⁸; аналогичны по формально-технологическим признакам сосудам из ст. Уляп, к. 4, п. 10 и ст. Шахаевской II, к. 3, п. 8³⁹. Для них характерна биконическая форма, высокий плавнотогнутый венчик, желобок у его основания, прочерченная или пролощенная орнаментация угловыми композициями верхней части. Глина хорошо отмучена, без заметных примесей, поверхность ангобирована, лощеная. И.Ф.Ковалева отметила, что в Присамарье в появлении подобных сосудов определенную роль могла играть керамика майкопской культуры⁴⁰. А.Л.Нечитайло рассматривает подобную керамику как импорт позднемайкопской культуры с территории Западного или Центрального Кавказа и называет этот тип центрально-кавказским вариантом позднемайкопской керамики⁴¹. Иной точки зрения придерживаются В.Г.Эбенович и Т.Г.Мовша, определенно высказавшиеся в пользу трипольской принадлежности данных сосудов. Так, сосуды из Присамарья Т.Г.Мовша считает связанными с городско-касперовской локальной группой, правда без учета находок в Степном Предкавказье⁴², а В.Г.Эбенович считает изготовление сосуда из ст. Уляп в трипольском ареале более чем вероятным⁴³.

Из других общих категорий инвентаря выделим мелкие кольцевые бузинки из гагата и раковин и особо подчеркнем совсем не характерные для степных памятников амулеты-подвески, близкие печатям древних земле-

* О находке булавки в виде вопросительного знака упоминает Е.В.Яровой, описывая комплекс п. 21 из кургана у с. Бурсучены Азовского р-на Молдавской ССР⁴⁰. Еще о двух комплексах с подвесками из Молдавии сообщили В.А.Дергачев и С.М.Агульников.

дельцев Востока. Одну пуговицевидную мраморную подвеску опубликовала И.Ф.Ковалева, сравнивая ее с печатями фазы Д Суз⁴⁴. Еще выразительнее лигнитовая полусферическая подвеска с пышным резным геометрическим орнаментом из погребения 24 кургана "Радутка", поданная в работе В.Н.Даниленко в качестве печати⁴⁵.

С другой стороны, "животилловская" группа имеет общие черты в обряде и инвентаре с позднетрипольскими погребениями усатовского типа, что справедливо отмечено И.Ф.Ковалевой⁴⁶. Действительно, для погребального обряда обеих групп характерны прямоугольные ямы (в том числе с уступами), скорченное положение, преимущественно на левом боку в позе адорации, с ориентацией в восточном, реже — южном направлениях. Сосуды с росписью из погребений "животилловской" группы (Соколово, к. 6. п. 4) аналогичны хорошо известной усатовской керамике (II группа, подгруппа А по В.Г.Збеновичу)⁴⁷, серия которой найдена в позднеусатовских погребениях Днестро-Дунайского региона, в том числе и в Болградском погребении⁴⁸. Одинаково характерны для инвентаря обеих групп и мелкие кольцевые бусы⁴⁹. Основные черты обряда и отдельные категории инвентаря усатовских погребений близки к погребениям VI группы Подонья, хотя близость инвентаря ограничивается пока бусами и подвеской.

Для погребений усатовского типа, в сравнении с "животилловскими", присущи свои особенности: значительный процент ям овальной формы, редкость уступов, как правило, основное положение в курганах и реже — впускное при более древних энеолитических, отсутствие биконических сосудов с пролощенным или прочерченным орнаментом. Есть отклонение и в обряде. Эти особенности объясняются тем, что формирование усатовского варианта прошло раньше появления памятников "животилловской" и VI групп при непосредственном участии населения, оставившего в Степном Поднепровье памятники "нижнемихайловского" типа⁵⁰. В этой связи интересно сопоставление позднеэнеолитических погребений степного Поднепровья с тремя рассмотренными группами. Д.Я.Телегин выделил на этой территории наряду с ранними поздний "широчанско-баратовский" этап развития памятников "нижнемихайловского" типа⁵¹. Находки последних лет дали основание говорить о формировании здесь (междуречье Днестра и Южного Буга) в рассматриваемый период своеобразного синкретического явления, соединившего элементы трипольской культуры, собственно памятников "нижнемихайловского" типа и типа "вытянутых" погребений⁵². Процесс складывания единой культуры остался незавершенным и называть данное явление культурой мы не можем, но для упрощения терминологии будем употреблять условный термин — Днепро-Бугская группа. Время существования этой группы определяется по находкам в погребениях статуеток "серезлиевского" типа⁵³. Показателен комплекс из кургана 2 у с. Ермолаевка Первомайского р-на Николаевской обл., который можно отнести к данной группе⁵⁴. Сосуд из погребения аналогичен усатовской керамике и сосуду из "животилловского" комплекса. Также в "животилловском" комплексе обнаружен и каменный молот*. Подобные молоты, вероятно, следует рассматривать в рамках хронологически и культурно близких памятников, о чем свидетельствуют условия их находок, связанных в основном с наличием позднетрипольских элементов⁵⁶, а для погребений в курганах — одинаковых стратиграфических позиций**.

Ермолаевские статуетки имеют уже многочисленные аналоги и являются характерными для погребений Днепро-Бугской группы⁵⁹. В связи

* Вначале этот комплекс (с. Соколово, к. гр. I, к. 6, п. 6) был отнесен авторами раскопок к впускному погребению ямной культуры, а затем — к основному "постмариупольскому"⁵⁵.

** Известны девять: 1) Одесский музей, случайная находка; 2) г. Стеблев, Черкасская обл., случайная находка; 3—4) с. Ермолаевка, Первомайский р-н, Николаевская обл., к. 1, 2; 5—6) Софиевский могильник; 7) с. Соколово, Новомосковский р-н, Днепропетровская обл., к. гр. I, кн. 6; 8) с. Вербки, Павлоградский р-н, Днепропетровская обл., к. гр. 5, к. 1; 9) Выхватинский могильник⁵⁷. Разновидностью этих молотов являются молоты-клеветы, одна сторона которых удлинена и заострена: Краснохуторский могильник; Константиновка⁵⁸.

с находками в погребениях "животиловского" типа и VI группы Нижнего Подонья описанной выше биконической керамики представляет интерес сопоставление с последней серии сосудов из погребений Днепро-Бугской группы. Один из них полностью аналогичен по форме и технологически (курган у с.Чечелиевка Петровского р-на Кировоградской обл.)⁶⁰. Другие — изготовлены из теста с примесью мелкотолченой ракушки и являются подражанием биконическим или имели с ними одни исходные формы: г.Орджоникидзе, Никопольский р-н Днепропетровской обл., гр. Чкаловская, к. 3, п. 32; с. Широкое Криворожский р-н Кировоградская обл., к. 1, п. 3; с. Соколовка, Баштанский р-н, Николаевская обл., к. 2, п. 3⁶¹. Имея другие технологические особенности, характерные для нижнемихайловской керамики, эти сосуды выявляют черты, присущие биконическим: приземистость формы, плавно отогнутый высокий венчик, желобчатый или уступчатый переход к корпусу, лощение. На одном сосуде верхняя часть украшена прочерченными угловыми композициями, характерными для биконических сосудов (Широкое, к. 1, п. 3). Особенно сходен сосуд из Орджоникидзе, сохранивший даже биконичность. Из других категорий инвентаря погребений Днепро-Бугской группы выделим находки кольцевых бусин⁶².

Обряд погребений Днепро-Бугской позднеэнеолитической группы не имеет такого устойчивого единства, как обряд погребений "животиловского" типа VI группы Подонья или же усатовских⁶³. Но все же и здесь можно выделить специфические, хотя и немногочисленные, погребения в прямоугольных ямах в позе адорации, с аналогичной стратиграфической позицией в курганах: с. Днепрельстан, к. 5, п. I; пгт Александровка, к. 1, п. 23⁶⁴.

В целом сравнительный анализ погребений Днепро-Бугской группы показывает наличие общих черт с погребениями трех рассмотренных выше групп, что проявляется в сходстве погребального обряда и отдельных категорий инвентаря.

Обобщая имеющиеся данные, можно, вероятно, рассматривать позднеусатовскую, "животиловскую", VI группу погребений и погребения Днепро-Бугской группы как памятники синхронные и имеющие в разной степени общие черты в погребальном обряде и инвентаре. В эту схему можно включить и позднеэнеолитические погребения бассейна р. Молочная, а в более широком плане — всего степного Приазовья. Основная часть этих погребений близка погребениям Днепро-Бугской группы (овальные ямы, разнообразное положение умерших, керамика), но и среди них выделяется, как и в Поднепровье, серия погребений в прямоугольных ямах с обрядом адорации: Аккермень I, к. 11, п. 3; с. Волчанское, к. 1, п. 21; Юрьевка, к. 3, п. 5⁶⁵. Погребения сопровождаются категориями инвентаря, встречающимися во всех ранее рассмотренных группах (бисер, керамика).

На наш взгляд, намечается горизонт не только относительно синхронных, но и в определенной степени родственных групп памятников (своеобразный культурно-хронологический позднеэнеолитический пласт), охватывающий Доно-Дунайскую степную зону. Специфическими чертами погребений этих групп являются: одинаковое стратиграфическое положение в курганах (основное или впускное при более древних энеолитических), прямоугольные ямы (впускные с уступами), положение умерших в позе адорации (чаще на левом боку), ориентация в восточном или южном направлении. Из инвентаря особо выделим биконические сосуды, бусины и бисер из гагата или раковин, крючковидные подвески, каменные молоты. Близость групп можно объяснить длительностью общего направления культурного развития, определившегося уже в раннеэнеолитический период в границах указанной территории, и отчасти — наличием общих генетических корней.

Место памятников в системе энеолитических степных культур представляется достаточно ясным. По погребальному обряду и инвентарю группы,

составляющие выделенный культурно-хронологический горизонт, существенно отличаются от погребений ямной культуры и стратиграфически предшествуют им. Они могут быть включены в азово-черноморскую линию развития степного энеолита, составляя локальные варианты и группы, существование которых предполагал В.Н.Даниленко⁶⁶. В свете последних разработок данные памятники, а не ямные, являлись теми звеньями, которые замыкали с севера Циркумпонтийскую зону⁶⁷.

О направлении культурных контактов выделяемого горизонта мы не можем судить однозначно, говоря об исключительно трипольском или же кавказском влиянии. Интересно, что комплексы с биконической керамикой имеют, как правило, "смешанный" характер: в Подонье и Предкавказье они найдены с керамикой майкопского круга, а в Поднепровье — с расписной трипольской и в комплексе, явно местного характера (Чечелиевка). Происходит, возможно, и трансформация этой керамики на иной технологической основе (г.Орджоникидзе, Широкое, Соколовка). Многие категории инвентаря в неолитических погребениях Азово-Черноморского региона носят "интернациональный" характер и встречаются в погребениях различных типов и групп (керамика, бисер, костяные проколки с округлой рукоятью, металл, каменные молоты). Днепр служил в определенной степени, границей, восточнее которой преобладало кавказское влияние, а западнее — трипольской культуры, что видно при последовательном сопоставлении инвентаря всех рассматриваемых групп.

В целом можно говорить, вероятно, о том, что в степях Северного Причерноморья и Приазовья в позднеэнеолитический период сохранилась благоприятная мирная обстановка, сложившаяся в раннеэнеолитический период. Степное население перемещалось не только в западном направлении (с Кавказа или Нижнего Подонья), с элементами кавказских культур (майкопская), но и в восточном с чертами Триполья, потому и появились погребения с инвентарем смешанного характера (с. Волчанское, к. 1, п. 21; с. Костешты, к. 2, п. 2)⁶⁸ или с инвентарем одной культуры, но расположенные далеко от исходной территории (с. Любимовка, к. 23, п. 5; с. Соколовка, к. 1, п. 6; пгт Великая Александровка, к. 1, п. 23)⁶⁹.

Погребения в прямоугольных ямах, в позе адорации, часто впускные при более древних неолитических ("вытянутых", "нижнемихайловских"), видимо, можно рассматривать как одну из волн в среде культурно-родственных племен, занимавших Азово-Черноморские степи. В обряде и инвентаре этих погребений проявляются черты как майкопской культуры (поза, южная ориентация, керамика), так и Триполья (керамика, металл, каменные молоты).

Включая рассматриваемые памятники в Азово-Черноморский регион Циркумпонтийской зоны, нельзя не отметить наличие в обряде и инвентаре погребений элементов, непосредственно связывающих их с земледельческими культурами древнего Востока и Балкано-Карпатского региона. Это прежде всего обряд адорации, не характерный для неолитических степных культур⁷⁰, появление древнейших погребений в подбоях⁷¹, не отличающихся по обряду и инвентарю от погребений в ямах (поза адорации, восточная и южная ориентация, керамика); находки амулетов—печатей и, наконец, характер керамики — тонкая, лощеная, тщательно обработанная. Вероятно, в технологии ее изготовления были использованы традиции земледельческих культур.

Представляется, что именно население, оставившее в степном Причерноморье и Приазовье рассмотренные выше группы памятников, а не ямное, составило ту динамическую силу, которую Н.Я.Мерперт назвал "передаточной средой" в системе Циркумпонтийской зоны⁷².

Практически эти памятники представляют заключительную фазу развития Азово-Черноморского степного энеолита, четко определяющую грани-

цу с памятниками раннего бронзового века, которые имеют иной культурный облик и представлены позднеямными погребениями*.

Это положение наиболее наглядно подтверждает стратиграфия курганов. Погребения всех групп предшествовали ямным даже в том случае, когда были впускными. Исследователи, пытающиеся синхронизировать эти разнокультурные памятники в пределах степной азово-черноморской полосы, на наш взгляд, не имеют для этого убедительных доказательств⁷⁴. В качестве последних используются четыре случая "обратной" стратиграфии: 1) с. Колодистое, к. VIII; 2) курган в Брэилице; 3) с. Любимовка, к. 23; 4) с. Соколово, к. гр. I, к. 6⁷⁵. О первых двух случаях уже высказывались совершенно обоснованные сомнения, в частности о культурной принадлежности основных погребений⁷⁶. В связи с неполной публикацией в целом и ограниченными данными о погребениях в частности пользоваться этими источниками нужно крайне осторожно. Принадлежность основного погребения 8 к. 23 у с. Любимовка к ямным также вызывает большие сомнения. Абсолютно не характерна для ямных погребений яма с ступенчатым "коридором" — входом, да и сосуд из погребения нельзя назвать ямным. Поэтому А.М.Лесков совершенно справедливо отчленяет этот комплекс от ямных, предполагая его кавказское происхождение. Он пришел к правильному, хотя и одностороннему, на наш взгляд, выводу, что причерноморские степные районы занимали племена, продвинувшиеся с Кавказа и предшествовавшие появлению позднеямных памятников⁷⁷. Интересно, что этот период А.М.Лесков датировал по позднегрипольскому сосуду Любимовки⁷⁸. Таким образом, ситуация в к. 23 не противоречит обычным стратиграфическим колонкам.

Четвертый случай (с. Соколово, к. гр. I, к. 6), связанный с погребениями "животилловской" группы, требует детального анализа. Погребения этой группы были: в одном случае — основным**; в одном — впускными при разрушенном основном, и в одном случае — впускные при основном "вытянутом"⁸⁰. В кургане 6, по мнению раскопщиков, погребение 4 "животилловского" типа являлось первым впускным, как и ямное погребение 6***. Основным определено позднеямное погребение 1, в прямоугольной яме, на спине (? — Ю.Р.) с подогнутыми ногами, головой на северо-восток, сопровождавшееся деревянной рогатиной, костяной булавкой и амулетом из зуба животного. С этим же погребением авторы связывают остатки каменного кромлеха, две ритуальные ямки, в одной из которых найдено костяное навершие с изображением человеческих фигур, птицы, лука и звездообразных знаков⁸³. Рассматривая детально данные по этому кургану, возникают сомнения в том, что погребение 1 являлось основным: о выкиде материковой глины, о котором упоминается в публикации⁸⁴, в отчете не сказано ни слова, и в восточном профиле центральной бровки, к которой примыкает углом яма, выкид также не отмечен, хотя должен бы быть; нет его и на плане кургана⁸⁵; судя по плану кургана, погребение сильно смещено относительно центра первой насыпи и предполагаемого центра кромлеха, что не характерно для основных погребений; кромлехи, как в целом каменные конструкции в Азово-Черноморских степях вообще не характерны для погребений ямной культуры, а в Орельско-Самарском междуречье практически отсутствуют даже каменные перекрытия, в данном слу-

* Автор согласен с В.Г.Збеновичем, который рассматривает этот период как переходный от энеолита к раннему бронзовому веку⁷⁹.

** В отчете погребение определено как вытянутое на спине, в публикации — скорченное на правом боку⁷⁹.

*** Об этом погребении существуют противоречивые сведения: по отчету скелет лежал на спине с руками вдоль тела, кисти у таза, головой на северо-восток, ноги согнуты, упали влево; на фото видно, что нижняя часть полностью срезана, а от верхней сохранились череп и ряд позвонков. На чертеже — левая рука согнута в локте, кисть у плеча, а от правой сохранилась плечевая кость⁸¹. Относительно стратиграфического положения: по отчету погребение более позднее, чем в п. 4, и с ним связана первая досыпка, а в публикации — наоборот⁸².

чае связывать сохранившуюся часть кромлеха с ямными захоронениями нет оснований; судя по описанию и фотографии пятна могильной ямы, заполнение состояло из "пестрого" чернозема, то есть с включением материковой глины, что, как правило, не характерно для основных погребений, а обычно для впускных, когда над ними сооружались досыпки из грунта "пестрой" структуры из-за значительной примеси материковой глины. В данном кургане первая досыпка еще сохраняла однородную структуру, а все впускные ямные погребения имели такое же мешанное черноземно-материковое заполнение, как и погребение 1⁸⁶; вызывает сомнения принадлежность ритуальных ям с костяным навершием в одной из них. Возможность случайного заноса изделия не исключают и раскопщики⁸⁷.

При общей близости погребений "животиловской" группы усатовским и VI группе Нижнего Подонья, последние не имеют случаев обратной стратиграфии, хотя при всей их многочисленности, особенно для усатовских, эти случаи должны были стать закономерными, как получилось, например, с погребениями кеми-обинской культуры и ямными. Но этого нет.

Вероятно, погребение 1 является впускным в кургане 6, причем не первым, образуя с близкими ему ямными погребениями 3 и 5, в одном из которых также найдена молоточковидная булава, один, близкий по времени могильник, где ямные погребения размещены по кругу, с последующими досыпками или без них. Подобные могильники часто встречаются в курганах ямного времени. Основное же погребение, вероятно, энеолитическое, судя по их обычной незначительной глубине (иногда в пределах погребенного чернозема, а то и на его поверхности), могло со временем быть разрушено или не прослежено*.

Резюмируя изложенный выше анализ случаев "обратной" стратиграфии, отметим, что убедительных данных, позволяющих синхронизировать группы позднеэнеолитических погребений с позднеямными памятниками, мы сейчас не имеем. Не могут пока служить этому и даты по C¹⁴. Вопрос о синхронизации с раннеямными памятниками не ясен, так как отсутствуют случаи прямой стратиграфии последних с погребениями азово-черноморской линии развития**. Наличие фрагментов поздне трипольской расписной керамики в нижнем горизонте среднего слоя Михайловского поселения еще не доказывает синхронности поздне трипольских памятников с раннеямными⁹⁰, так как культурная принадлежность нижнего горизонта недостаточно ясна. После раскопок 1960 г. О.Г. Шапошникова высказала сомнения о полном отсутствии связи между нижним и средним слоем поселения именно благодаря выделению нижнего горизонта по материалам жилища VIII с поздне трипольской керамикой. А позднее керамика этого горизонта была выделена в особую культурную группу — рогачикскую, близкую более древнему типу Пивиха⁹¹. Стратиграфически этот горизонт предшествует собственно раннеямному.

Таким образом, в настоящее время мы не располагаем убедительными данными, позволившими синхронизировать в Доно-Дунайских степях памятники азово-черноморской линии развития и собственно ямные. Отсутствуют и данные о двухсторонних контактах: в погребениях азово-черноморского энеолита не обнаружены вещи, характерные для ямных, и наоборот, мало общего и в обряде захоронения. Смена населения азово-черноморских степных пространств, в первую очередь восточной части, происходила, вероятно, быстро, о чем свидетельствует массовость ямных погребений. В этом отношении можно говорить о хронологическом стыке двух

* Высказанные сомнения подтвердились с выходом новой работы И.Ф. Ковалевой, в которой полностью перекраивается стратиграфия этого кургана, погребение 6 уже определено как основное "постмариупольское", при этом абсолютно не оговаривается сделанная ранее публикация и выводы на ее основе⁸⁸. Причем в этих работах говорится о достоверности сделанных наблюдений⁸⁹. Такие изменения ставят под сомнение достоверность первоисточника.

** То есть, случаи, когда принадлежность ямного погребения к раннему этапу не вызывает сомнения и четко установлена культурная интерпретация энеолитического.

разнокультурных миров. Механизм этой смены может быть выяснен по мере решения проблемы формирования и развития ямной культуры и, в частности, памятников репинского типа, выделяемых сейчас в отдельную культуру⁹².

Вопросы абсолютного датирования позднеэнеолитического горизонта азово-черноморской линии развития степного энеолита в задачу работы не входили, но заметим, что датировка усатовских памятников 2400–2000 гг. до н.э., которую можно было бы использовать для этого, требует уточнения с углублением ближе к середине III тыс. до н.э.⁹³

- 1 *Рассамакин Ю.Я.* Энеолитические погребения бассейна р. Молочной // Древнейшие скотоводы юга Украины. – Киев, 1987. – С. 37–48.
- 2 *Там же.* – С. 41–42.
- 3 *Телегин Д.Я.* Энеолитичні стели і пам'ятки нижньомихайлівського типу // Археологія – 1972. – Вип. 4. – С. 15.
- 4 *Рассамакин Ю.Я.* Энеолитические погребения. . . – С. 38–39.
- 5 *Ковалева И.Ф.* Вытянутые погребения Днепровского ареала Волго-Днепровской культурно-исторической общности эпохи энеолита // Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н.э. – Днепропетровск, 1978. – Вып. 3. – С. 61–79; *Ее же.* К вопросу о культурной принадлежности вытянутых подкурганных энеолитических погребений // Курганы степного Поднепровья. – Днепропетровск, 1980. – С. 50–60; *Ее же.* Север Степного Поднепровья в энеолите – бронзовом веке. – Днепропетровск, 1984. – С. 4–63; *Рассамакин Ю.Я.* Древнейшие энеолитические погребения в курганах юга Украины // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР: Тез. докладов. – Киев, 1981. – С. 28–29.
- 6 *Рассамакин Ю.Я.* Энеолитические погребения. – С. 37–38.
- 7 *Телегин Д.Я.* Дніпро-Донецька культура. – К., 1968. – С. 154; *Його ж.* Середньостогівська культура епохи міді. – К., 1973. – С. 106.
- 8 *Ковалева И.Ф.* Кильченская группа энеолитических вытянутых погребений и общие вопросы их датировки // Курганы степного Поднепровья. – Днепропетровск, 1980. – С. 45–46.
- 9 *Николова А.В., Рассамакин Ю.Я.* К вопросу о позднеэнеолитических памятниках Правобережья Днепра // СА. – № 3. – С. 52–53.
- 10 *Городцов В.А.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 г. // Тр. XIII АС. – М., 1907. – Т. 1. – С. 216–217.
- 11 *Даниленко В.Н.* Энеолит Украины. – Киев, 1974. – С. 69.
- 12 *Ковалева И.Ф.* Север Степного Поднепровья. . . – С. 26–27; 47.
- 13 Сообщение Константинову Л.Ф. на молодежной конференции Института археологии АН УССР в 1981 г.
- 14 *Ковалева И.Ф.* Вытянутые погребения. . . – Рис. 1, 5.
- 15 *Ее же.* Кильченская группа. . . – Рис. 2, 5.
- 16 *Рассамакин Ю.Я.* Энеолитические погребения. . . – С. 37–40.
- 17 *Ляшко С.Н.* Энеолитические "вытянутые" погребения в Днепровском Надпорожье // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веке. – Днепропетровск, 1981. – Рис. 1, 3.
- 18 *Щепинский А.А., Черепанова Е.Н.* Северное Присаванье в V–I тыс. до н.э. – Симферополь, 1969. – Рис. 75, 7.
- 19 *Ковалева И.Ф.* Север Степного Поднепровья. . . – С. 35.
- 20 *Добровольский А.* Звіт за археологічні досліді на території Дніпрестану року 1927 // Збірник Дніпропетровського краєвого історично-археологічного музею. – Дніпропетровськ, 1929. – С. 99–100.
- 21 *Телегин Д.Я.* Энеолитичні стели. . . – С. 14; *Шапошникова О.Г., Бочкарев В.С., Шарфутдинова И.Н.* О памятниках эпохи меди – ранней бронзы в бассейне р. Ингул // Древности Понигулья. – Киев, 1977. – С. 8.
- 22 *Рассамакин Ю.Я.* Энеолитические погребения. . . – С. 41.
- 23 *Там же.*
- 24 *Ковалева И.Ф., Волкобой С.С., Марина З.П., Лихачев В.А., Попцов В.А.* Исследование курганных могильников у с. Верхняя Маявка в степном междуречье рек Орели и Самары // Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н.э. – Днепропетровск, 1977. – С. 37. – Табл. 7, 6.
- 25 *Ковалева И.Ф., Марина З.П.* Раннеямные погребения "репинского" типа в курганах степного Левобережья Днепра // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. – Днепропетровск, 1976. – С. 44–51.
- 26 *Ковалева И.Ф.* Север Степного Поднепровья. . .
- 27 *Субботин Л.В., Шмаглия Н.М.* Болградский курганный могильник // МАСП, 1970. – Вып. 6. – С. 126. – Рис. 10, 1–4.
- 28 *Ковалева И.Ф.* Погребения "животиловского" типа в Присамарье // Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н.э. – Днепропетровск, 1978. – С. 48. – Табл. 3, 4–5.
- 29 *Максименко В.Е.* Новые материалы по эпохе ранней бронзы на Нижнем Дону // СА. – 1973. – № 1. – С. 25. – Рис. 3, 6.
- 30 *Яровой Е.В.* Охранное раскопки кургана у с. Бурсучены // АО 1978. – М., 1979. – С. 491–493.
- 31 *Збенюк В.Г.* Хронологія пізнього Трипілля // Археологія. – 1972. – Вип. 7. – С. 11; *Его же.* Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. – Киев, 1974. – С. 134–135; *Мовша Т.Г.*

- Періодизація і хронологія середнього та пізнього Трипілля // Археологія. – 1972. – Вип. 5. – С. 13; *Авилова Л.И.* К изучению позднетрипольского погребального обряда // СА. – 1978. – № 3. – С. 66–67; *Дергачев В.А.* Памятники позднего Триполья. – Кишинев, 1980. – С. 108–109; 144–145; Энеолит СССР. – М., 1982. – С. 227.
- 32 *Ковалева И.Ф.* Погребения "животиловского" типа... – С. 48.
- 33 *Там же.* – С. 48; *Мовша Т.Г.* Хронология Триполья–Кукутени и степные культуры эпохи раннего металла в ее системе // Проблемы археологии Поднепровья III–I тыс. до н.э. – Днепропетровск, 1984. – С. 68–69.
- 34 *Максименко В.Е.* Некоторые итоги исследований Койсутского курганного могильника // Археологические раскопки на Дону. – Ростов-на-Дону, 1973. – С. 44–45; *Кияшко В.Я.* Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы // Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Архив ИА СССР. – Р-2, № 21143–21143а. – С. 114–117, 148.
- 35 *Трифонов В.А.* Степное Прикубанье в эпоху ранней и средней бронзы // Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Л., 1983. – С. 8; 11.
- 36 *Там же.* – С. 8.
- 37 *Ковалева И.Ф.* Погребения "животиловского" типа... – С. 46–54; *Максименко В.Е.* Новые материалы... – С. 149–154; *Кияшко В.Я.* Нижнее Подонье... – С. 114–115.
- 38 *Ковалева И.Ф.* Погребения "животиловского" типа... С. 47; табл. 1, 5; *Лагодовська О.Ф.* Пам'ятки усатівського типу // Археологія. – 1953. – Т. 8. – С. 104. – Рис. 5.
- 39 *Федорова-Давыдова Э.А.* Раскопки курганной группы Шахаевская II на р. Маныч // Древности Дона. – М., 1983. – С. 49. – Рис. 19, б; *Сокровища курганов Адыгеей* // Каталог. выставки. – М., 1985. – С. 51. – Фото 1.
- 40 *Ковалева И.Ф.* Погребения "животиловского" типа... – С. 48.
- 41 *Нечитайло А.Л.* О сосудах майкопского типа в Степной Украине // СА. – 1984. – № 4. – С. 133–135.
- 42 *Мовша Т.Г.* Хронология Триполья–Кукутени... – С. 69.
- 43 *Збенович В.Г.* Место трипольской культуры в энеолите Причерноморья // Доклад, подготовленный на международную конференцию в г. Телави в 1986 г.
- 44 *Ковалева И.Ф.* Погребения "животиловского" типа... – С. 48. – Табл. 3, 3.
- 45 *Максименко В.Е.* Новые материалы... – С. 254. – Рис. 3, 7; *Даниленко В.Н.* Энеолит Украины... – Рис. 28, 4.
- 46 *Ковалева И.Ф.* Погребения "животиловского" типа... – С. 48.
- 47 *Там же.* – С. 48. – Табл. 2, 3; *Збенович В.Г.* Позднетрипольские племена... – С. 90. – Рис. 34.
- 48 *Субботин Л.В., Шмаглий Н.М.* Болградский курганный могильник... – С. 126. – Рис. 10, 4.
- 49 *Ковалева И.Ф.* Погребения "животиловского" типа... – С. 47–48; *Збенович В.Г.* Позднетрипольские племена... – С. 64–65.
- 50 *Телегин Д.Я.* Энеолітичні стели... – С. 14; *Збенович В.Г.* Позднетрипольские племена... – С. 148–149.
- 51 *Телегин Д.Я.* Энеолітичні стели... – С. 15.
- 52 *Николова А.В., Рассамкин Ю.Я.* К вопросу о позднеэнеолитических памятниках... – С. 54–55.
- 53 *Там же.* – С. 44–45.
- 54 *Рыбалова В.Д.* Некоторые новые данные к изучению позднетрипольской культуры на Южном Буге // АСЭ. – 1964. – № 6. – С. 80–83.
- 55 *Ковалева И.Ф.* Погребения "животиловского" типа... – С. 48; *Ее же.* Север Степного Поднепровья... – С. 19.
- 56 *Ковалева И.Ф.* Север Степного Поднепровья... – С. 32.
- 57 *Ярова Е.Х.* Кам'яні знаряддя праці з фондів Одеського археологічного музею // МАПШ. – Одеса, 1960. – Вип. 3. – С. 210. – Табл. 1, 22; *Рыбалова В.Д.* Некоторые вопросы... – С. 79–80. – Рис. 1; 2, 1; *Захарук Ю.М.* Софіївський типопальний могильник // АП. – 1952. – Т. 4. – С. 114. – Табл. 1, б; *Ковалева И.Ф.* Север Степного Поднепровья... – С. 31–32. – Рис. 5, 10–11; *Дергачев В.А.* Выхватийский могильник. – Кишинев, 1978. – С. 13. – Рис. 5, 19. О находке у г. Стеблев сообщали В.И.Клочко и М.Ю.Видейко.
- 58 *Даниленко В.М., Макаревич М.Л.* Червонохутірський могильник мідного віку з трупоспаленням // АП. – 1956. – Т. 6. – С. 98. – Табл. 1, 12; *Михайлов Б.Д.* Раскопки на р. Молочная // АО 1973. – М., 1974. – С. 308–309.
- 59 *Николова А.В., Рассамкин Ю.Я.* К вопросу о позднеэнеолитических памятниках... – С. 44–45.
- 60 *Нечитайло А.Л.* О сосудах майкопского типа... – С. 134.
- 61 *Николова А.В., Рассамкин Ю.Я.* К вопросу о позднеэнеолитических памятниках... – Рис. 10, 4; *Крилова Л.П.* Археологічні розкопки стародавніх курганів на Криворіжжі в 1964–1966 рр. // Наш край. – Дніпропетровськ, 1971. – Вип. 1. – С. 19. – Табл. 11, 3; *Шарафутдінова И.Н.* Северная курганная группа у с. Соколовка // Археологические памятники Поингуля. – Киев, 1960. – С. 93. – Рис. 11, 1.
- 62 *Николова А.В., Рассамкин Ю.Я.* К вопросу о позднеэнеолитических памятниках... – С. 47.
- 63 *Там же.* – С. 54–55.
- 64 Раскопки Херсонской экспедиции в 1981 г. и экспедиции Запорожского краеведческого музея в 1984 г.
- 65 *Вязьмитина М.І., Іллінська В.А., Покровська Б.Ф., Тереножкін О.І., Ковпаненко Г.Т.* Курганы біля с. Новопилипівка і радгоспу "Аккермень" // АП. – Т. 8. – С. 114. – Рис. 86, 3; Раскопки Херсонской экспедиции в 1981 г. С материалами из курганов познакомили А.И.Кубышев и В.В.Дорофеев.
- 66 *Даниленко В.Н.* Энеолит Украины... – С. 87.

- 67 *Мерперт Н.Я.* Этнокультурные изменения на Балканах на рубеже энеолита и раннего бронзового века // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. — М., 1984. — С. 242–243.
- 68 *Дергачев В.А.* Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975–1976 гг.). — Кишинев, 1982. — С. 11–13. — Рис. 2, 11–43; 3, 1–10.
- 69 *Лесков О.М.* Деякі підсумки і перспективи археологічних досліджень на новобудовах Півдня України // Матеріали XIII конференції ІА АН УРСР. — К., 1972. — С. 72; *Шарафутдінова И.И.* Северная курганная группа... — С. 77. — Рис. 4, 3.
- 70 *Телегин Д.Я.* Об основных позициях в положении погребенных первобытной эпохи Европейской части СССР // Энеолит и бронзовый век Украины. — Киев, 1976. — С. 16; *Мерперт Н.Я.* Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы. — Куйбышев, 1980. — С. 15.
- 71 *Рассамакин Ю.Я.* Энеолитические погребения... — С. 39.
- 72 *Мерперт Н.Я.* Этнокультурные изменения... — С. 241.
- 73 *Збенович В.Г.* До проблем становлення енеоліту // Археологія. — 1985. — Вып. 51. — С. 8.
- 74 *Телегин Д.Я.* Об абсолютном возрасте ямной культуры и некоторые вопросы хронологии энеолита юга Украины // СА. — 1977. — № 2. — С. 13; *Ковалева И.Ф.* Погребения "животиловского" типа... С. 48–49.
- 75 *Спицын А.А.* Раскопки курганов близ с. Колодистого Киевской губернии // ИАК. — 1904. — Вып. 12. — С. 122–125; *Зирра В.* Культура погребений с охрой в закавказских областях РНР // МИА Юго-Запада СССР и РНР. — Кишинев, 1960. — С. 104; *Лесков А.М.* Раскопки Каховской экспедиции // АО 1968. — М., 1969. — С. 255; *Ковалева И.Ф.* Погребения "животиловского" типа... С. 46–47.
- 76 *Мовша Т.Г.* Періодизація і хронологія... — С. 9; *Шмаглій Н.М., Черняков И.Т.* Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (1964–1966) // МАСП. — Одесса, 1970. — Вып. 6. — С. 94; *Черняков И.Т., Тоцев Г.И.* Культурно-хронологические особенности курганных погребений эпохи бронзы Нижнего Дуная // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. — Киев, 1985. — С. 9.
- 77 *Лесков О.М.* Деякі підсумки... — С. 71.
- 78 *Там же.* — С. 72; *Лесков А.М.* Новые сокровища курганов Украины. — Л., 1972. — С. 42; *Его же.* Курганы: находки, проблемы. — Л., 1981. — С. 24.
- 79 *Ковалева И.Ф.* Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Фрунзенской оросительной системы за 1973 г. // НА ИА АН УССР. — № 1973/35. — С. 106–112; *Ее же.* Погребения "животиловского" типа... — С. 48.
- 80 *Ковалева И.Ф.* Погребения "животиловского" типа... — С. 46–48.
- 81 *Ковалева И.Ф., Марина З.П.* Отчет "Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы колхоза им. Жданова Новомосковского р-на Днепропетровской обл. 1976 г." // НА ИА АН УССР. — № 1976/66а. — С. 51–52. — Рис. 205, 206.
- 82 *Там же.* — С. 45; *Ковалева И.Ф.* Погребения "животиловского" типа... — С. 47.
- 83 *Ковалева И.Ф., Марина З.П.* Отчет... — С. 45–47.
- 84 *Ковалева И.Ф.* Погребения "животиловского" типа... — С. 46.
- 85 *Там же.* — Табл. 1, 1–2; *Ковалева И.Ф., Марина З.П.* Отчет... — С. 45.
- 86 *Ковалева И.Ф., Марина З.П.* Отчет... — С. 45.
- 87 *Там же.* — С. 46.
- 88 *Ковалева И.Ф.* Север Степного Поднепровья... — С. 19.
- 89 *Там же.* — С. 20; *Ковалева И.Ф.* Погребения "животиловского" типа... — С. 48.
- 90 *Збенович В.Г.* Позднетрипольские племена... — С. 138; *Телегин Д.Я.* Об абсолютном возрасте... — С. 15.
- 91 *Шапошникова О.Г.* Новые данные о Михайловском поселении // КСИА АН УССР. — Киев, 1961. — Вып. 11. — С. 42; *Ее же.* Пам'ятки рогацького типу в Подніпрів'ї // Матеріали XIII конференції ІА АН УРСР. — К., 1972. — С. 113–115.
- 92 *Синюк А.Т.* Репинская культура эпохи энеолита–бронзы в бассейне Дона // СА. — 1981. — № 4. — С. 8–20.
- 93 *Маркевич В.И.* Позднетрипольские племена Северной Молдавии. — Кишинев, 1981. — С. 65; *Рындина Н.В., Конькова Л.В.* О происхождении больших усатовских кинжалов // СА. — 1982. — № 2. — С. 41; *Мовша Т.Г.* Хронология Триполья–Кукутени... — С. 62; *Энеолит СССР...* — Табл. 10; *Археология Украинской ССР.* — Киев, 1985. — Т. 1. — С. 255.

Н.Д. ДОВЖЕНКО, Н.А. РЫЧКОВ

**К ПРОБЛЕМЕ
СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ
ПЛЕМЕН ЯМНОЙ
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ
ОБЩНОСТИ**

Многочисленные курганные могильники степей Северного Причерноморья — ценнейший источник для изучения общественных отношений первобытной эпохи. В литературе накопилось достаточно интересных

наблюдений, позволяющих ученым осмыслить социальную значимость подкурганных захоронений племен ямной культуры и синхронных им памятников соседних территорий¹.

Первые разработки вопросов социальной стратификации племен ямной культуры осуществлены на материалах уникального Михайловского поселения — крепости середины III — начала II тыс. до н.э. Мощные оборонительные сооружения, особенности топографии, трудоемкость отдельных жилищных комплексов, а также ряд других факторов (в частности, находки каменных булав) рассматривались как свидетельство имущественной дифференциации племен ямной культуры, существования крупных племенных объединений с мощными и развитыми стационарными центрами, возглавляемыми племенной верхушкой. В целом авторы придерживаются мнения, что для населения Михайловского поселения характерна сложная социальная организация, которая соответствовала стадии патриархата².

Значительный вклад в изучение социальной структуры племен ямной культуры внесен Н.Я.Мерпертом. На основании анализа двух основных видов источников — поселений и курганных могильников — он аргументирует и развивает тезис о существовании у ямного населения крупных племенных объединений и выделении знатной верхушки во главе с вождями³. Об этом свидетельствуют, по мнению исследователя, выделяющиеся по своим размерам, трудоемкости и сложности конструкций, подкурганные погребальные сооружения, а также находки изделий, представляющие собой знаки высшей власти.

Об инсигниях в погребениях ямной культуры (скипетрах и функционально близких к ним навершиях булав) как атрибутах лиц высокого социального ранга писали В.Н.Даниленко и Н.М.Шмаглий⁴. По их мнению, уже в середине IV тыс. до н.э. у пастушеских племен Юго-Восточной Европы возникает всадничество и сложная военная организация.

Разработка критериев выделения нерядовых захоронений ямной культуры на конкретном археологическом материале впервые была осуществлена Е.Е.Кузьминой, обратившей внимание на появление в эпоху ранней бронзы погребений с повозками⁵. В своем многоплановом исследовании автор отмечает зависимость решения вопросов социального устройства носителей ямной этнокультурной области от решения проблемы этнической принадлежности степных причерноморских племен III тыс. до н.э. Вслед за Н.Я.Мерпертом исследовательница предполагает их индоевропейское происхождение, идентифицируя погребения с повозками с захоронениями древнейшей индоиранской знати⁶.

Следует отметить, что почти все последующие работы 70—80-х годов по реконструкции социальной структуры племен ямной культуры проводились с учетом их индоевропейского происхождения. Исключение составляет работа М.Д.Хлобыстиной, содержащая попытку разработки номенклатурных понятий для палеосоциологического изучения погребального обряда, а также предположение о существовании обряда сепаратного погребения полов (подкурганные мужские погребения и грунтовые женские могильники) в древнеямном обществе Нижнего Поволжья⁷. Этот древний обряд не находит своего отражения в материалах степей Северного Причерноморья позднеямного времени и в целом представляется слишком архаичным для изучаемого периода.

Таким образом, в обобщающих и специальных статьях целого ряда ученых в той или иной степени подняты и решаются многие аспекты социальной проблематики ямной культурно-исторической области. Примечательно, что интересные и глубокие наблюдения по социальной структуре этих степных племен были сделаны до осуществления территориально-хронологического членения погребальных памятников. Это отразилось, с одной стороны, на несколько обобщенном характере некоторых выводов, с другой — на отсутствии попыток целостных реконструкций социальной стратификации племен ямной культуры, а также ограничилось разработкой

критериев для вычленения захоронений представителей лишь социальных слоев.

Изучение проблемы социальной стратификации древних обществ неизбежно предполагает предварительное территориально-хронологическое, культурно-хозяйственное и типологическое членение исследуемых объектов, а также достаточную обеспеченность массовыми материалами в рамках каждого исследуемого локального варианта, хронологического периода или горизонта⁸. Важным методологическим моментом исследования, особенно на первых его этапах, представляется территориальная компактность выборки, сформированной преимущественно из располагающихся рядом курганных могильников в пределах одного локального варианта культуры. Необходимо также предварительное исследование этнической специфики носителей изучаемой культуры, в первую очередь определение ее генезиса, слагаемых компонентов культуры, проведение оценки роли каждого из них при формировании культуры с целью выделения этнообразующих и социально дифференцирующих признаков⁹. Существенным при социологических реконструкциях по археологическим материалам является корректировка полученных результатов исследования в письменными либо иными источниками для исключения возможных разночтений, заложенных в самом характере археологического источника¹⁰.

Нарушение хотя бы одного из указанных выше моментов может привести к неверным выводам, как, например, у З.П.Мариной, рассмотревшей вне строгих хронологических рамок социальную структуру племенной культуры Орельско-Самарского междуречья¹¹. Кроме того, серьезные возражения вызывают ее расчеты по определению количества труда, затраченного на совершение одного захоронения ямной культуры.

Значительная разница в трудовых затратах на сооружение курганной насыпи требует специального рассмотрения, ибо может служить важным критерием при социологическом анализе.

Мы располагаем разработками по применению критерия трудовых затрат в палеосоциологических исследованиях древних обществ более поздних эпох¹².

Полевые наблюдения над материалами ямной культуры показывают, что наряду с могилами "стандартных" размеров имеются резко отличающиеся размерами, в первую очередь — шириной, а значит — и общим объемом.

Принимая во внимание состояние исследуемого вопроса, степень изученности источников, а также другие факторы, были определены следующие задачи работы: рассмотреть группу погребений ямной культуры с точки зрения трудовых затрат на их сооружение, привлекая возможно больше данных, насколько позволяют материалы выборки, для выяснения их "социально-дифференцирующих" показателей; выяснить, на какие группы делятся эти погребения по трудовым затратам, их количественное соотношение.

Для выполнения этого взята группа из 37 курганов эпохи ранней бронзы Поингуля, компактно расположенных на территории Баштанского и соседнего Новоодесского р-ов Николаевской обл. Большинство курганных могильников (Старогорожено, Соколовка, Отрадное, Константиновка, Пески, Христофоровка, Новоалександровка и Червоный Став) располагались на водораздельном плато левого берега р.Ингул, ряд курганов (Привольное, Костычи) — на правом берегу реки. Крупный могильник у с.Антоновка находился на правом берегу р. Громоклеи, притока Ингула.

В выборку вошли как стратифицированные курганы (Отрадное, к. 1, 22, 26; Пески, к. 1; Старогорожено, к. 1, 2; Соколовка, к. 1; Булгаково, к. 1; Константиновка, к. 9, 12; Христофоровка, к. 1; Костычи, к. 2; Антоновка, к. 4, 5, 7; Новоалександровка 1, к. 1; Новоалександровка 2, к. 1; Червоный став, к. 1), так и состоящие из одной насыпи (Старогорожено, к. 3; Соколовка, к. 3, 4; Отрадное, к. 25; Булгаково, к. 4; Констан-

тиновка, к. 1, 2, 13; Пески, к. 4, 5, 6, 8; Христофоровка, к. 3, 7, 8; Костычи, к. 1; Антоновка, к. 1, 8; Привольное, к. 2)¹³.

На первоначальном этапе исследования ограничились группой из 98 погребений взрослых, относимых к первому хронологическому горизонту, для которого характерны погребения первой и второй обрядовых групп. К первой — относятся погребения с каменными перекрытиями и скелетами, лежащими на спине с согнутыми в коленях ногами. Различие в положении рук и ног у погребенных этой группы обусловило выделение подтипов, разработанное В.Н.Фоменко для всего южнобугского локального варианта¹⁴. Основной "стандартной" позой является поза 1а — погребенный лежит на спине с вытянутыми вдоль туловища руками ладонями вниз, ноги сильно согнуты в коленях, ступни вместе, колени, первоначально поднятые вверх, упали в ту или иную сторону. Поза 1б отличается от основной тем, что руки погребенного разведены в локтях, а ноги, согнутые в коленях, распались ромбом. В позе 1в одна из рук лежит на тазе либо в области живота, а другая вытянута вдоль корпуса. Погребенные, у которых обе руки находятся у таза или живота, отнесены к позе 1д.

Во второй обрядовой группе погребенные лежат в скорченном положении на правом боку. Основная поза — 2а — устойчивая: правая рука вытянута вдоль туловища, кисть левой находится в области таза или живота. Отклонения встречаются редко, в основном — в расположении рук. Погребенные в позе 2б лежат на правом боку, руки вытянуты или согнуты в локтях. В позе 2в — единичные случаи — одна кисть руки находится у таза. Если перед лицом находились кисти обеих рук, то погребенные относились к позе 2г.

Избрав в качестве критерия социальной дифференциации трудовые затраты на погребальное сооружение, мы столкнулись с необходимостью выработки универсальной единицы их измерения. В связи с этим для предлагаемого опыта были привлечены лишь те составные компоненты погребального обряда, которые можно измерить и, главное, соотнести между собой. Таковыми являются трудовые затраты на подготовку ямы для захоронения, ее перекрытие и сооружение насыпи над погребением. Единой единицей измерения в данном случае являются объемы (m^3). Программа вычисления объемов насыпей в стратиграфических курганах разработана Г.Е.Волосюк.

Отметим, что принятая единица измерения — кубический метр — является приблизительной и не исчерпывает всех затрат на отправление погребального обряда. Однако она вполне соответствует поставленной в работе задаче и удобна при исследовании.

Итак, принимая за единицу измерения выкапывание ямы объемом $1 m^3$, мы имеем возможность, вычисляя объемы, получить представление о трудовых затратах на сооружение камер и входных ям.

Все погребения нашего массива были перекрыты каменными плитами. Сооружение такого перекрытия, на наш взгляд, сопряжено с большими трудностями. Если учесть, что плиты необходимо было добывать, доставлять к месту захоронения нередко издалека, укладывать и подгонять друг к другу, а в ряду случаев изготавливать изваяние, то приравнение $1 m^3$ каменного перекрытия к $2 m^3$ объема грунтовой ямы не покажется слишком завышенным, скорее наоборот. К $2 m^3$ грунта выкопанной могильной ямы мы приравниваем также $1 m^3$ курганной насыпи, поскольку, прежде чем насыпать грунт, его следовало накопать (та же копка ямы), транспортировать к месту захоронения, а затем уложить в насыпь (сюда входят формовка, утрамбовка, укрепление и т.д.). Принимая во внимание многочисленные наблюдения за примыкающей вплотную к кургану площадью, надо полагать, что земля для насыпи накапливалась в зоне, ближайшей к сооружаемому кургану или недалеко от него. Однако в данном случае сумма в целом представляется заниженной, ибо не учитываются затраты умственного труда на создание кургана архитектурного комплекса и проч.

Таблица 1. Совокупные объемы трудовых затрат на погребальное сооружение*

№ п/п	Адрес погребения	Объем насыпи, м ³	Объем ямы, м ³	Объем входной ямы, м ³	Объем каменного заклада, м ³	Совокупный объем, м ³	Группа
1	Отрадное 1/6	2427	3,0	—	2,0	4861	I
2	Пески 1/8	1994	2,3	19,0	0,58	4010,5	I
3	Новоалександровка П, 1/6	1995	1,66	—	1,93	3995,2	I
4	Отрадное 1/8	1961	2,7	—	0,46	3925,6	I
5	Червоный Став 1/8	1722	1,7	14,8	0,4	3461,3	I
6	Костычи 1/5	1578	1,3	—	1,3	3159,9	I
7	Костычи 2/4	1494	1,7	4,9	0,5	2995,6	I
8	Антоновка 1/6	1348	1,8	24,4	0,58	2723,4	I
9	Пески 6/3	1302	1,4	—	1,5	2608,4	I
10	Христофоровка 8/2	1090,9	2,05	—	1,9	2187,6	I
11	Соколовка 3/2	800	1,3	—	1,7	1604,7	II
12	Константиновка 1/6	795	1,8	—	0,6	1593,0	II
13	Червоный Став 1/7	774	1,74	—	0,5	1550,7	II
14	Привольное 2/15	700	2,3	3,8	0,52	1407,1	II
15	Антоновка 5/22	626	2,1	—	—	1254,1	II
16	Пески 1/9	616	1,5	—	1,2	1235,9	II
17	Антоновка 7/3	612	1,7	—	0,8	1227,3	II
18	Отрадное 25/6	530	2,4	—	0,69	1063,8	II
19	Соколовка 1/20	491	2,1	—	0,4	984,9	II
20	Константиновка 12/7	441	2,23	6,5	0,85	892,4	II
21	Христофоровка 7/9	425	1,7	—	1,84	855,4	II
22	Отрадное 22/14	418	2,1	3,4	0,95	843,3	II
23	Константиновка 2/3	386	1,5	—	1,14	775,8	II
24	Антоновка 4/12	340	2,3	—	0,88	684,0	II
25	Антоновка 4/4	340	1,8	—	0,52	682,8	II
26	Константиновка 13/13	246	1,8	3,4	0,81	498,8	II
27	Антоновка 8/2	236	1,9	—	0,9	475,7	II
28	Антоновка 1/17	231	1,4	—	0,6	464,6	II
29	Старогорожено 2/9	230	1,1	—	0,99	463,1	II
30	Старогорожено 2/3	230	1,04	—	0,25	461,3	II
31	Отрадное 26/4	175	2,1	5,8	0,83	359,6	II
32	Пески 8/1	152	1,7	—	0,5	306,7	II
33	Пески 4/4	146	1,74	—	1,1	295,9	II
34	Новоалександровка 11/6	140	1,98	—	0,95	283,9	II
35	Отрадное 26/1	139	1,6	—	1,1	281,8	II
36	Отрадное 26/13	139	1,4	—	1,2	281,8	II
37	Отрадное 26/2	139	1,7	—	0,65	281,0	II
38	Булгаково 1/21	128	1,5	—	0,4	258,3	II
39	Костычи 2/12	105	1,6	—	0,44	212,5	III
40	Пески 5/3	91	1,72	—	0,44	184,6	III
41	Отрадное 22/17	91	1,66	—	?	183,7	III
42	Антоновка 8/6	69	1,4	—	0,34	140,1	III
43	Соколовка 3/10	46 (?)	2,2	—	0,6	95,4	II
44	Соколовка 3/3	20 (?)	1,45	—	3,5	50,4	I
45	Отрадное 1/5	—	1,7	21,6	1,1	25,5	III
46	Пески 1/11	—	1,44	20,0	0,7	22,8	III
47	Костычи 2/6	—	1,7	17,9	0,5	20,6	III
48	Константиновка 1/2	(?)	2,34	13,2	1,3	18,1	II
49	Отрадное 1/7	—	1,54	14,3	0,3	16,1	III
50	Константиновка 9/13	—	1,36	13,5	0,5	15,9	III
51	Антоновка 1/1	—	1,27	11,8	0,3	13,7	III
52	Константиновка 2/4	(?)	1,9	7,5	2,0	13,4	I
53	Отрадное 1/20	—	1,6	10,3	0,62	13,1	III
54	Константиновка 9/15	(?)	1,8	9,0	0,4	11,6	III
55	Костычи 1/6	—	1,0	9,4	0,55	11,5	III
56	Антоновка 8/8	—	1,53	7,4	0,7	10,3	III
57	Антоновка 5/8	(?)	1,8	6,5	0,81	9,9	II
58	Антоновка 7/15	—	1,5	7,3	0,5	9,8	III
59	Антоновка 7/10	—	1,5	6,7	0,7	9,6	III
60	Константиновка 12/2	—	0,8	7,3	0,4	8,9	III
61	Константиновка 9/9	(?)	2,1	6,0	0,4	8,9	II

* Знак (?) означает, что с данными погребениями, возможно, были связаны досыпки кургана. Для погребений 3 и 10 кургана 3 у Соколовки объемы насыпи взяты приблизительно и могли быть больше.

№ п/п	Адрес погребения	Объем насыпи, м ³	Объем ямы, м ³	Объем входной ямы, м ³	Объем каменного заклада, м ³	Совокупный объем, м ³	Группа
62	Христофоровка 7/2	—	0,94	6,8	0,3	8,3	III
63	Антоновка 5/23	—	0,7	6,2	0,7	8,3	III
64	Константиновка 1/7	—	1,5	5,0	0,54	7,6	III
65	Константиновка 9/2	—	0,8	6,0	0,3	7,4	III
66	Константиновка 9/10	—	1,2	5,3	0,4	7,3	III
67	Константиновка 12/19	—	0,7	6,0	0,15	7,0	III
68	Константиновка 12/3	—	1,7	5,0	?	6,7	III
69	Отрадное 26/5	—	1,1	4,3	0,62	6,6	III
70	Привольное 2/11	—	1,29	4,9	0,2	6,6	III
71	Антоновка 7/13	—	0,95	4,34	0,45	6,2	III
72	Христофоровка 1/17	—	1,04	3,2	0,8	5,8	III
73	Старогорожено 1/14	—	0,95	4,2	0,34	5,8	III
74	Костычи 1/9	—	0,84	4,14	0,2	5,4	III
75	Антоновка 4/6	—	1,05	2,9	0,6	5,1	III
76	Костычи 2/11	—	0,44?	4,1	0,16	4,9	III
77	Старогорожено 1/31	—	1,0	2,9	0,2	4,3	III
78	Отрадное 26/12	(?)	1,9	—	0,82	3,5	I
79	Антоновка 7/14	—	0,9	2,25	0,2	3,5	III
80	Соколовка 1/6	(?)	2,1	—	0,6	3,3	I
81	Христофоровка 3/5	—	1,7	—	0,8	3,3	III
82	Антоновка 4/10	—	1,1	1,68	0,25	3,3	III
83	Старогорожено 1/15	—	1,44	—	0,9	3,2	III
84	Отрадное 25/1	(?)	1,8	—	0,63	3,0	III
85	Булгаково 4/7	—	1,29	—	0,7	2,7	III
86	Константиновка 1/5	—	1,65	—	0,5	2,6	III
87	Пески 4/11	—	0,7	—	0,68	2,1	III
88	Соколовка 4/15	—	1,04	—	0,53	2,1	III
89	Старогорожено 3/1	—	1,5	—	0,3	2,1	III
90	Константиновка 1/13	—	1,23	—	0,4	2,0	III
91	Отрадное 26/6	—	1,6	—	0,14	1,9	III
92	Антоновка 5/6	—	1,2	—	0,35	1,9	III
93	Антоновка 8/11	—	1,33	—	0,11	1,5	III
94	Соколовка 3/17	—	0,7	—	0,4	1,5	III
95	Антоновка 4/11	—	0,75	—	0,3	1,3	III
96	Константиновка 12/12	—	0,48	—	0,1	0,7	III
97	Старогорожено 2/12	—	0,73	—	?	0,7	III
98	Константиновка 9/16	—	0,4	—	0,07	0,5	III

Таким образом, подсчет совокупных затрат на совершенствование каждого конкретного захоронения осуществляется по следующей формуле:

$$T_c = V_{\text{мя}} + V_{\text{вя}} + 2V_{\text{п}} + 2V_{\text{н}};$$

где: T_c — совокупные трудовые затраты на погребальное сооружение, $V_{\text{мя}}$ — объем могильной ямы; $V_{\text{вя}}$ — объем входной ямы; $V_{\text{п}}$ — объем каменного перекрытия; $V_{\text{н}}$ — объем насыпи.

Подсчитав объемы трудовых затрат для каждого отдельного погребения и просуммировав их, мы получили целый ряд чисел от минимального, равного 0,5 м³, до максимального, равного 486 м³ (табл. 1). Составление для данного ряда чисел полигона распределений по правилам, описанным И.С.Каменецким¹⁵, позволило разделить все погребения на три группы. К первой группе относятся десять погребений, совокупный объем трудовых затрат которых превышал 2000 м³. Ко второй группе относятся 28 погребений с трудовыми затратами от 500 до 2000 м³. Все остальные погребения с объемом трудовых затрат менее 500 м³ были включены в третью группу (рисунок; табл. 1). Из 60 погребений третьей группы с десятью, по нашим предположениям, могли быть связаны последующие досыпки курганов (эти погребения в таблице 1 обозначены знаком ? в графе объемов насыпей). Об этом свидетельствует анализ данных отчетов и публикаций, хотя во время полевых исследований такую связь проследить не удалось. Естественно, если с такими погребениями были связаны досыпки,

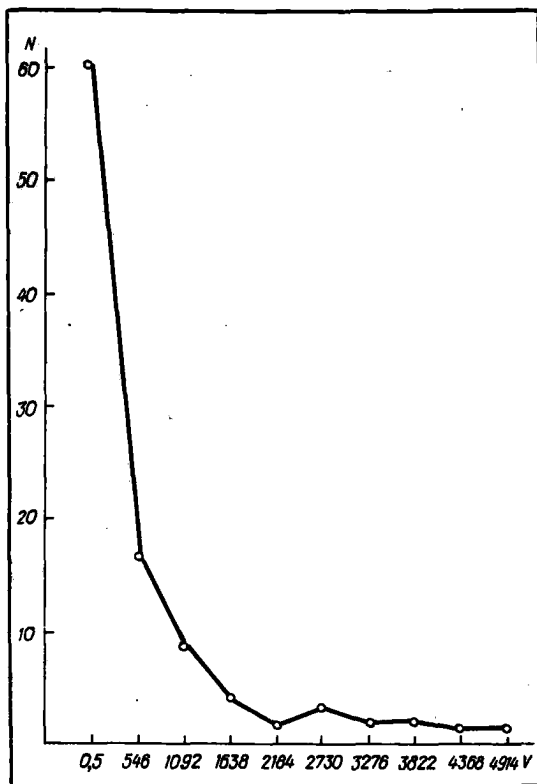

График группировки погребений по совокупному объему трудовых затрат на погребальное сооружение :

N — количество погребений, V — объем трудовых затрат

могилы объемом до $1,3 \text{ м}^3$, во вторую — от $1,3 \text{ м}^3$ до $1,92 \text{ м}^3$, в третью — объемом более $1,92 \text{ м}^3$. К первой группе могил по площади отнесены имеющие площадь до $1,3 \text{ м}^2$, во вторую — площадью от $1,3$ до $2,0 \text{ м}^2$, в третью — более $2,0 \text{ м}^2$.

По объему и площади перекрытий (каменных закладов) были выделены две группы погребений. В первую были включены могилы с каменными закладами объемом до $1,5 \text{ м}^3$, во вторую группу — с объемами более $1,5 \text{ м}^3$. Могилы с перекрытиями общей площадью до $4,5 \text{ м}^2$ составили первую группу, с перекрытиями более $4,5 \text{ м}^2$ — вторую.

2. Погребения, расположенные в зоне радиусом $4,5 \text{ м}$ от центра кургана (основного погребения), было принято считать расположенными в центральной, все остальные — расположенными в периферийной зоне кургана.

3. Ориентировка погребенных учитывалась по направлению головы умерших на север, юг, сектор восхода (восток, северо-восток, юго-восток) и захода (запад, северо-запад, юго-запад) солнца. В парных погребениях взрослого и ребенка учитывалась ориентировка взрослого, то же касается и позы умершего.

Результаты сравнительного анализа трех выделенных по трудовым затратам групп представлены в таблице 2. Из нее видно, что первую группу составляют основные и впускные, связанные с последующей досыпкой погребения (по 50 %). Все они расположены в центральной зоне курганов. Преобладает прямоугольная форма могильных ям (90,0 %) со средним и большим объемом камер (соответственно 50 % и 40 %), средней площадью (70 %), а также малые по объему и площади перекрытия (60 %). Инвентарь и каменные изваяния характерны в этих захоронениях (50 %). При этом полностью отсутствуют сосуды и изделия из металла. Преобладают

то и совокупный объем трудовых затрат на них должен быть выше показателей, вычисленных в таблице 1. В связи с имеющимися сомнениями относительно величины объемов трудовых затрат на погребальные сооружения этих захоронений, мы исключили их из дальнейшего анализа. Таким образом, в третью группу включены только 50 достоверных погребений. Сопоставим эти три группы между собой. С этой целью используем методику сравнительного анализа погребальных памятников, разработанную В.Ф.Генингом и В.А.Борзуновым¹⁶. Сравнение проводилось по 39 признакам. При формировании списка признаков были выработаны следующие установки.

1. Все мерные признаки (в данном случае касающиеся объемов и площадей) предварительно были разделены на интернальные группы по методике М.С.Каменецкого. Полигоны распределения признаков позволили выделить три группы могильных ям по объему и площади.

В первую группу вошли мо-

Таблица 2. Суммарная характеристика и сравнительный анализ групп погребений по совокупному объему трудовых затрат на погребальное сооружение*

	Но- мер груп- пы	Пока- затель исчис- ления	Основ- ные	Впускные		Расположение		Форма ям			
				с до- сыпкой	без досып- ки	цент- раль- ное	пери- ферий- ное	прямо- уголь- ная	оваль- ная	трапе- цие- видная	бочко- видная
Количество	I	10	5	5	—	10	—	9	—	1	—
	II	28	18	10	—	24	4	18	4	5	1
	III	50	4	1	45	14	36	44	3	2	1
Процентное распределение	I	100	50,0	50,0	—	100	—	90	—	10,0	—
	II	100	64,3	35,7	—	85,7	14,3	64,3	14,3	17,9	3,5
	III	100	8,0	2,0	90,0	28,0	72,0	88,0	6,0	4,0	2,0
	X		40,8	29,2	30	71,2	28,8	80,8	6,8	10,6	1,8
Тенденция распределения	I		1,2	1,7	—	1,4	—	1,1	—	0,9	—
	II		1,6	1,2	—	1,2	0,5	0,8	2,1	1,7	1,9
	III		0,2	0,1	3,0	0,4	2,5	1,1	0,9	0,4	1,1
Группировка			Л	Л	Ч	Л	Ч	УЛ	УЛ	УЧ	В

* Признак локальный — Л, частный — Ч, всеобщий — В, условный частный — УЧ, условный локальный — УЛ. Продолжение табл. 2 см. на с. 139.

позы умерших 1а и 1в (соответственно 50 % и 40 %), а также ориентировка их в сторону восхода солнца (80 %).

Во второй группе также преобладают основные погребения (64,3 %), расположены они большей частью в центральной зоне (85,7 %). При разнообразии форм чаще встречаются прямоугольные могильные ямы (64,3 %), но количество овальных и трапециевидных выше, чем в предыдущей группе (14,3 и 17,9 %). Большинство ям соответствует средним объемам и площадям (57,1 и 85,7 %). Перекрытия этой группы имеют малые объемы и площади (по 92,6 %). Преобладают безынвентарные погребения (60,7 %), а также погребения без каменных изваяний (75 %). Так же, как и в первой группе, ни разу не встречены погребения с сосудами и изделиями из металла. Наиболее часто встречающаяся поза умерших — 1а (57,1 %). Ориентированы умершие как в сторону восхода солнца, так и в сторону захода.

Почти все погребения третьей группы — впускные без досыпок (90 %), расположены на периферии кургана (72 %). Форма ямы чаще всего прямоугольная (88 %). Большинство составляют могильные ямы малых объемов и площадей (56 и 52). То же касается объемов и площадей каменных перекрытий (100 и 91,7 %). Погребения чаще всего безынвентарные (68,0 %), редки каменные изваяния (14 %). В этой группе встречаются все позы умерших, но чаще — поза 1а (32,0 %) и 1в (24,0 %). Преобладает ориентировка умерших в сторону захода солнца (46,0 %), но отмечены ориентировки на север и юг (по 12 %).

Перечисленные выше показатели распределения наиболее часто встречаемых признаков в сопоставляемых группах погребений не всегда четко отличают одну группу от другой. Нередко такие признаки являются всеобщими, то есть характерными для всех трех групп погребений, или локальными, характерными для двух из них. Особый интерес представляют частные признаки, характерные для одной группы. Потому определялась тенденция распределения признаков, которая вычислялась как частное от деления показателей их процентного распределения в каждой из групп на среднюю величину процентных распределений.

Для первой группы по тенденции распределения признаков можно считать характерными большие площади могильных ям, большие объемы и площади каменных закладов (тенденции 2,5 и 2,2), наличие каменных изваяний (1,7), позу погребенного 1в (1,6), а также ориентировку умерших в сторону восхода солнца (1,5). Однако если принимать во внимание представительность процентных показателей¹⁷, то, например, признак 15 (наибольшие площади могильных ям) является непреставительным и дан-

Таблица 3. Группировка признаков

Признак и его номер	Группа		
	I	II	III
1. Частные признаки			
3. Впускное без досыпки	—	—	90,0
5. Периферия кургана	—	14,3	72,0
10. Малые объемы ям	10,0	10,7	56,0
13. Малые площади ям	10,0	10,7	52,0
38. Ориентировка на север	—	—	12,0
39. Ориентировка на юг	—	—	12,0
17. Большие объемы перекрытий	40,0	7,4	—
19. Большие площади перекрытий	40,0	7,4	8,4
33. Поза 1д	—	—	8,0
2. Частные условно			
15. Большие площади ям	20,0	3,6	—
8. Трапециевидная форма ям	10,0	17,9	4,0
32. Поза 1б	—	10,7	4,0
9. Бочковидная форма ям	—	3,5	2,0
31. Поза 2а	10,0	10,7	20,0
24. Наличие сосудов	—	—	6,0
26. Наличие изделий из металла	—	—	4,0
35. Поза 2в	—	—	4,0
34. Поза 2б	—	—	2,0
3. Локальные признаки			
1. Основные погребения	50,0	64,3	8,0
2. Впускные с досыпкой	50,0	35,7	2,0
4. В центре кургана	100,0	85,7	28,0
12. Большие объемы ям	40,0	32,0	—
16. Малые объемы перекрытий	60,0	92,6	100,0
18. Малые площади перекрытий	60,0	92,6	91,7
4. Условно-локальные признаки			
14. Средние площади ям	70,0	85,7	48,0
36. Ориентировка на сектор восхода солнца	80,0	50,0	30,0
28. Поза 1а	50,0	57,1	32,0
22. Наличие каменных изваяний	50,0	25,0	14,0
23. Отсутствие изваяний	50,0	75,0	86,0
7. Овальная форма ям	—	14,3	6,0
6. Прямоугольная форма ям	90,0	64,3	88,0
29. Поза 1в	40,0	10,7	24,0

ребений, мы тем самым подчеркиваем меньшую вероятность этого и необходимость дополнительных исследований.

То же следует отметить и по поводу локальных признаков, наиболее характерных для двух из трех групп погребений. Достаточно уверенно можно выделить лишь шесть локальных признаков: четыре, характерных для первой и второй групп (признаки 1, 2, 4, 12), и двух — для второй и третьей (признаки 16, 18). Однако локальность означает не только то, что данный признак часто встречается в двух группах и редко в третьей. Этот признак может часто встречаться и в третьей группе, хотя в меньшем количестве, чем в остальных двух.

В таких случаях локальность означает, что разница в распределении данного признака в одной из групп по сравнению с двумя другими существенна и не случайна. Это хорошо видно по признакам 16 и 18 (малые объемы и площади перекрытий).

Восемь признаков мы отнесли к разряду условно-локальных, поскольку они четко в локальные не выделяются. Некоторые из них (6, 23, 28, 36)

ное его распределение во взятой выборке можно отнести к случайным. В связи с этим подобные признаки в дальнейшем следует перепроверять на больших выборках. Признаки присутствия каменных изваяний и ориентировки в сторону восхода солнца в силу тех же причин нельзя считать характерными только для первой группы, ибо с достаточной вероятностью они характерны и для второй группы. То же касается и признака 29 (поза умершего 1в), который может быть характерным и для третьей группы.

По тем же соображениям условно можно причислять к частным признакам, характерным для второй группы, наличие ям трапециевидной и бочковидной форм, а также позу умерших 1б, а для третьей группы — наличие сосудов, изделий из металла, поз 2а, 2б, 2в (табл. 3).

С достаточно высокой степенью вероятности можно говорить лишь о следующих частных признаках. Для первой группы это большие объемы и площади перекрытий, а для третьей — впускной характер погребений без досыпок, расположение погребения на периферии кургана, малые объемы и площади могильных ям, наличие позы погребенных 1д, а также ориентировки умерших на север или юг. Одиннадцать признаков были отнесены к частным условно. Не отрицая частный характер данных признаков для той или иной группы погребений,

Таблица 4. Коэффициенты парного сходства групп погребений по совокупному объему трудовых затрат на погребальное сооружение

Совокупность признаков	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Признаки	1-3	4-5	6-9	10-12	13-15	16-17	18-19	20-21	22-23	24-25	26-27	28-35	36-39	X
I-II	85,7	85,7	74,3	92,2	83,6	67,4	67,4	89,3	75,0	100,0	100,0	70,7	70,0	81,6
I-III	10,0	28,0	92,0	54,0	58,0	60,0	68,3	82,0	64,0	94,0	96,0	66,0	50,0	63,2
II-III	10,0	42,3	76,3	54,7	58,7	92,6	99,1	99,1	92,7	89,0	94,0	46,7	76,0	71,4

близки ко всеобщим, другие — к частным (7, 22). Они подобно условно-частным нуждаются в дальнейших уточнениях.

Особой пестротой отличается третья группа погребений. В первой и во второй группах частных признаков меньше, зато больше объединяющих их локальных признаков. Этот факт свидетельствует о большем сходстве первых двух групп между собой, чем с третьей. Если вычислить сходство выделенных нами трех групп по совокупности признаков, то в среднем третья группа сходна с первой на 63,2 %, а со второй — на 71,4 %. В то же время первая и вторая группы сходны на 81,6 % (табл. 4).

Уменьшение сходства третьей группы с двумя первыми наблюдается по совокупности признаков: стратиграфическое расположение погребений в кургане (1-3, сходство по 10 %), расположение погребений относительно центра кургана (признаки 4-5, сходство 28 и 42,3 %), признаки объемов и площадей могильных ям (сходство от 54,0 до 58,7 %), а также совокупность поз умерших (28-35, сходство 66 и 46,7 %).

Используя показатели тенденций распределения 39 признаков, попытаемся определить, к какой из трех групп должно быть отнесено каждое из 10 погребений, исключенных нами из анализа в начале работы.

Исходя из методики, предложенной В.З.Генингом¹⁸ определена принадлежность каждого из указанных погребений к той или иной группе по совокупности объема трудовых затрат на погребальное сооружение. Определение производилось следующим образом.

По таблице 1 отмечались признаки, присущие каждому конкретному погребению, исключая только признаки 1, 2, 3 как наиболее неопределенные для данной группы. Затем, соотнося погребение поочередно с каждой из трех групп, суммировались показатели тенденций распределения этих признаков в каждой из групп. Погребение относилось к той из групп, сумма показателей тенденций признаков которой была больше. Так, например, погребение 2 из кургана у с.Константиновка характеризовалось следующими признаками: трапециевидная форма ямы (признак 8), расположение в центральной зоне (4), небольшой объем ямы (12), средняя площадь ямы (14), малые объемы и площадь перекрытия (16, 18), безынвентарное (21), поза погребенного 1а (28), ориентирован на заход солнца (37). Сумма тенденций этих признаков для первой группы по трудовым затратам составила 11,5, для второй — 14,4, для третьей — 10. Следовательно, данное погребение должно быть отнесено ко второй группе погребений. Подобным образом было проверено каждое из десяти погребений четвертой группы. Результаты подсчетов сумм тенденций приведены в таблице 5. Исходя из данных этой таблицы, мы сочли возможным отнести к первой группе четыре погребения: Константиновка, курган 2, погребение 4; Соколовка, курган 3, погребение 3; курган 1, погребение 6; Отрадное, курган 26, погребение 12. Ко второй группе отнесли также четыре погребения: Константиновка, курган 1, погребение 2, курган 9, погребение 9; Соколовка, курган 3, погребение 10; Антоновка, курган 5, погребение 8. К третьей группе отнесены два погребения: Константиновка, курган 9, погребение 15; Отрадное, курган 25, погребение 1.

Таблица 5. Определение сумм тенденций признаков определяемых погребений в каждой из групп трудовых затрат

№ п/п	Адрес погребения	Сумма величин тенденций по группам		
		I	II	III
1	Константинов-ка 1/2	11,5	+14,4	10,0
2	Константинов-ка 9/9	11,5	+12,5	11,9
3	Константинов-ка 9/15	9,0	8,2	+18,8
4	Константинов-ка 2/4	+14,6	12,6	12,3
5	Отрадное 25/1	10,6	12,2	+13,1
6	Отрадное 26/12	+13,4	12,6	9,9
7	Соколовка 3/3	+15,8	10,7	9,4
8	Соколовка 3/10	12,2	+12,7	11,0
9	Соколовка 1/6	+13,2	12,3	10,4
10	Антоновка 5/8	12,4	+13,0	9,5

Добавив эти погребения к трем группам, получим массив первой группы, состоящий из 14 погребений, второй — из 32 погребений и третий — из 52 погребений.

Таким образом, с точки зрения трудовых затрат на отправление погребального обряда в ямной культуре Поингулья выделяются три группы, неравнозначные по численности. Причем, если две первые группы весьма близки между собой, то различие третьей группы с двумя первыми значительно (табл. 4), прежде всего в признаках 1—3, 4—5, 10—15, 28—35, которые мы склонны рассматривать как социально-дифференцирующие.

Каково возможное историческое содержание трех групп погребений, выделенных в результате применения критерия суммарных трудовых затрат? Для ответа на этот вопрос требуется отдельный анализ и корректировка полученных результатов на других источниках.

Так как исследования социальной структуры общества ямной культуры по материалам поселений пока отсутствуют, то особое значение приобретают лингвистические материалы, сопоставление которых с археологическими данными территории степного Причерноморья может пролить свет на исследование индоиранской, а следовательно, и всей индоевропейской проблемы в целом.

По мнению большинства советских лингвистов, прародину индоиранских народов следует искать именно в степях Юго-Восточной Европы. В пользу этого варианта решения проблемы выдвигаются лингвистические¹⁹, географические, а также другие историко-культурные аргументы²⁰. В защиту тезиса о причерноморской прародине индоиранцев выступили многие советские археологи (Н.Я.Мерперт, В.П.Шилов, Д.Я.Телегин, В.Н.Даниленко, К.Ф.Смирнов, Е.Е.Кузьмина и др.). Вслед за лингвистами они приходят к выводу о том, что носители древнеямной культуры — индоиранцы. Установленная на археологических материалах генетическая преемственность между древнеямной и срубной культурами (с особой отчетливостью проявившаяся в Поволжском регионе), а также близость последней с андроновской культурой, особенно на ранних этапах, позволяет целой группе советских ученых осуществить ретроспективный перенос иранской принадлежности на более древние культуры эпохи бронзы²¹.

В то же время в советской лингвистической литературе появилась принципиально иная концепция, разработанная Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Ивановым²². Анализ индоевропейской лексики и реконструированных фрагментов текстов, а также применение новой методики фонологической интерпретации индоевропейской системы смычных фонем позволили выявить новую картину возникновения и доисторического развития индоевропейских языков, сместившую первоначальную прародину индоевропейцев в Переднюю Азию²³. В то же время вопрос об индоевропейском происхождении племен древнеямной культуры в новой теории не только не оспаривается, но получает дополнительную аргументацию. Территория Северного Причерноморья и Поволжья, включая приуралье, рассматривается как вторая прародина индоевропейской общности, а именно: племен-носителей "древнеевропейских диалектов", пришедших в этот регион вместе с племенами ариев в результате длительных волнообразных миграций из региона на стыке Малой Азии и Армянского нагорья. Одна часть племен прошла

через Кавказ в Северное Причерноморье, другая — через Среднюю Азию в Поволжье, а оттуда в причерноморские степи и далее на запад. Исследователи разработали словарь общиндоевропейского языка, позволяющий представить социально-экономический уровень развития этой исторической общности²⁴. Ученые приходят к выводу, что такие атрибуты ямной культурно-исторической области, как скотоводство, земледелие, колесные повозки, применение домашней лошади и сооружение крепостей на возвышенностях, а также подкурганый обряд захоронения, наличие скипетров и каменных изваяний находят полное соответствие с атрибутами древней культуры, реконструируемой для индоевропейского уровня по лингвистическим данным. Особый интерес представляет социальный аспект этих лингвистических реконструкций. В.В.Иванов и Т.В.Гамкрелидзе считают характерным для реконструируемой части индоевропейских племен, расселившихся в Европе, выделение социальных рангов, наличие сословия предводителей племен, особого ранга воинов и жрецов. В общиндоиранском языке имеется особый термин для царя "гек", являющегося одновременно верховным жрецом и высшим военачальником. Отмечается определенное противопоставление рангов воинов и жрецов, рядовых общинников сословию "торговцев" и "ремесленников". Авторы гипотезы считают, что униженное положение последних объясняет, почему в религиозной и этнической традициях содержатся данные только об этих трех полноправных группах.

Значительный интерес представляют разработки Э.А.Грантовского по социальной структуре индоевропейских племен. Датируя распад общиранского диалектного единства рубежом III и II тыс. до н.э., Э.А.Грантовский идентифицирует эпоху ямной культуры с общиранским периодом или также праиранским и праиндийским²⁵.

Общество накануне распада индоевропейского единства характеризовалось, по мнению Э.А.Грантовского, высоким уровнем социального развития, с далеко зашедшими процессами социальной дифференциации, существованием сложных имущественных отношений. Свободные и полноправные члены этого общества делились на три группы (кастовые или сословные): священную (не только жрецы, но и представители иных "интеллектуальных" профессий с важными функциями в обществе); военную (военная и владетельная аристократия) и общинников. Члены военной и, очевидно, жреческой касты не являлись непосредственными производителями. Помимо этих трех групп имелись и другие, неполноправные, зависимые, а также, очевидно, рабы. Однако лишь три группы свободных были конституированы в культовой организации и ритуальных обрядах индоевропейской общины.

Подобной точки зрения придерживается и Е.Е.Кузьмина. Рассматривая племена ямной культуры как протоиндоиранские, исследовательница считает вполне выделившимися производственные функции, связанные со скотоводством, магико-юридические, связанные с отправлением обрядов и ритуалов, военные, обеспечивающие охрану коллектива. Принадлежность к определенному сословию в обществе протоиндоиранцев реконструируется как наследственная. К общиндоевропейскому уровню восходит древнеиранский термин "знатный" (*asata*), что значит "сын семьи с высоким положением в обществе". Е.Е.Кузьмина считает, что археологические материалы не противоречат гипотезе об индоиранской принадлежности населения причерноморских степей III тыс. до н.э., а также реконструируемому по лингвистическим материалам устройству общества²⁶.

Анализ социальной терминологии ведических источников, в первую очередь, Ригведы и Авесты, указывает на существование уже у протоиндоиранского населения евразийских степей трехчленной структуры. Представитель основной социальной группы — рядовой общинник — в Ригведе называется вайшья, в Авесте — *vastrya*, что означает "доставляющий корм скоту", то есть пастух. Социальная группа жрецов в индийских источниках

названа Brahman. Третья социальная группа воинов в Авесте обозначалась *ratastar*, то есть стоящий на коне. Известный и у индийцев этот термин чаще заменялся термином *ksatrija*, то есть "наделенный могуществом воин" или *rajanu* — "царственный". Это подтверждает тот факт, что *ksaya* — иранское "владыка", или *раджа*, принадлежал к социальной группе воинов.

Большинство исследователей считает, что как и термины — вайшья, брахман и кшатрия (*раджа*), — формирование этих трех социальных институтов следует относить к эпохе общиндоевропейской общности²⁷.

В этом аспекте, с новой точки зрения, можно рассматривать три группы погребений южнобугского варианта ямной культуры, выделенные в результате исследования совокупных трудовых затрат на их сооружение.

Численность погребений первой группы (совокупный объем трудовых затрат от 2000 до 4861 м³), сопровождавшихся крупными земляными насыпями, требовавшими использования от 545 до 1214 человеко-дней²⁸, позволяет высказать предположение о том, что эти захоронения могли принадлежать высшей социальной группировке, так называемым брахманам.

Вторая группа погребений — средняя по численности с совокупным объемом трудовых затрат от 258 до 2000 м³, перекрытая земляными насыпями средней мощности, требующими от 64 до 400 человеко-дней, предположительно связывается с сословием кшатриев.

Третью группу, численно наиболее представительную (впускные захоронения в основном на периферии кургана), предлагается сопоставить с погребениями рядовых общников, вайшьями.

Мы отдаем себе отчет в степени гипотетичности нашей интерпретации. Она требует не только дополнительных проверок на более массовых выборках по всей территории распределения древнеямной культуры, но и более детального анализа обрядовых особенностей и погребального инвентаря в пределах каждой из выделенных групп, а также привлечения антропологических данных. Мы лишь попытались наметить подходы к поискам решения проблемы социальной структуры ямного общества.

- ¹ *Иссен А.А.* К хронологии "больших кубанских курганов" // Советская археология. — 1950. — № 12. — С. 157–200; *Массон В.М.* Древние гробницы вождя на Кавказе (некоторые аспекты социальной интерпретации) // Кавказ и Восточная Европа в древности. — М., 1973. — С. 102–112.
- ² *Лагодовська О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л.* Михайлівське поселення. — К., 1962. — С. 168–172.
- ³ *Мерперт Н.Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. — М., 1974. — С. 55–63; *Мерперт Н.Я.* О пламенных союзах древнейших скотоводов Восточной Европы // Проблемы советской археологии. — М., 1978. — С. 55–63.
- ⁴ *Даниленко В.Н., Шмаглій Н.М.* Про один поворотний момент в історії неолітичного населення Південної Європи // Археологія. — 1972. — Вип. 6. — С. 10.
- ⁵ *Кузьмина Е.Е.* Колесный транспорт в этнической социальной истории древнего населения древнерусских степей // ВДИ. — 1974. — № 4. — С. 68–69, 86–87.
- ⁶ *Merpert N.J.* Comments on "The Chronology of the Early Kurgan Tradition" // *YIES*. — 1977. — Vol. 5. — N 4. — P. 373–378.
- ⁷ *Хлобыстина М.Д.* Древнейшие могильники Нижнего Поволжья как палеосоциологические объекты // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. — Куйбышев, 1976. — С. 30–31.
- ⁸ *Генинг В.Ф.* Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. — 1977. — № 4. — С. 21–31.
- ⁹ *Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. — М., 1977. — С. 78–80.
- ¹⁰ *Мерперт Н.Я.* О племенных союзах древнейших скотоводов... — С. 51–61.
- ¹¹ *Марина З.П.* Некоторые аспекты социальной структуры и идеологии древнеямного общества // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. — Днепропетровск, 1981. — С. 66–71.
- ¹² *Добролюбовский А.О.* О принципах социологической реконструкции по данным погребального обряда // Теория и методы археологических исследований. — Киев, 1982. — С. 54–68; *Бунятян Е.П.* Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV–III вв. до н.э.). — Киев, 1985.
- ¹³ *Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Балушкин А.М.* Курганная группа близ с. Старогорожено // Древности Поингуля. — Киев, 1977. — С. 99–145; *Шапошникова О.Г., Бочкарев В.С., Корпусова В.Н.* Курганная группа у с. Привольное // Археологические памятники Поингуля. — Киев,

1980. — С. 17–70; *Шарафутдинова И.Н.* Северная курганная группа у с. Соколовка // Археологические памятники Поингуля. — Киев, 1980. — С. 71–123; *Никитин В.И.* Курган к югу от с. Соколовка // Археологические памятники Поингуля. — Киев, 1980. — С. 124–131; *Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Балушкин А.М., и др.* Отчет о работе Ингульской экспедиции в 1971 г. // НА ИА АН УССР, № 1971/28, ф.э. 7127–7128; *Шапошникова О.Г., Бочкарев В.С.* / Отчет о работе Ингульской экспедиции в 1972 г. // НА ИА АН УССР, № 1972/3, ф.э. 6240–6241; *Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Бочкарев В.С. и др.* Отчет о работе Ингульской экспедиции в 1973 г. // НА ИА АН УССР, № 1973/8, ф.э. 6782–6783; *Шапошникова О.Г., Гребенников Ю.С., Фоменко В.Н. и др.* Отчет о работе Николаевской экспедиции в 1976 г. // НА ИА АН УССР, № 1976/7, ф.э. 8650–8652; *Шапошникова О.Г., Гребенников Ю.С., Фоменко В.Н.* Отчет о работе Николаевской комплексной экспедиции в 1980 г. // НА ИА АН УССР, № 1980/6, ф.э. 9518–9519.
- 14 *Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д.* Ямная культурно-историческая область. Памятники южнобугского локального варианта. — Киев, 1986.
- 15 *Каменецкий И.С., Узянов А.А.* О правилах построения гистограмм // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. — Свердловск, 1977. — С. 38–49; *Каменецкий И.С.* Искусственные и естественные классификации в археологии // Проблемы археологии. — Л., 1978. — Вып. 2. — С. 17–23.
- 16 *Генинг В.Ф., Борзунов В.А.* Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // ВАУ. — 1975. — Вып. 1. — С. 42–72.
- 17 *Рычков Н.А.* Оценка представительности и характера распределения признаков погребальных памятников // Методологические и методические вопросы археологии. — Киев, 1982. — С. 167–178.
- 18 *Генинг В.В.* К вопросу о традициях ориентировки погребенных ямного времени в степном Поднепровье // Исследования социально-исторических проблем в археологии. — Киев, 1988.
- 19 *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. — М., 1965. — С. 11–16; *Грантовский Э.А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. — М., 1970. — С. 346–352.
- 20 *Бонград-Левин Г.М., Грантовский Э.А.* От Скифии до Индии. — М., 1983. — С. 11–16; *Gimbutas M.* The first wave of Eurasian Steppe Pastoralist into Copper Age Europe // JIES. — 1977. — Vol. 4. — N. 5. — P. 277–338; *Lincoln B.* Priests, Warriors and cattle: a study in the ecology of religions. — London, 1981.
- 21 *Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших открытий... — С. 79–86.
- 22 *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема // ВДИ. — 1980. — № 3. — С. 466–479; *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Миграция племен — носителей индоевропейских диалектов — с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии // ВДИ. — 1981. — № 2. — С. 481–496.
- 23 *Гамкрелидзе Т.В.* Индоевропейский язык и индоевропейские миграции (К вопросу об индоевропейском праязыке и индоевропейской прародине) // Культурное наследие Востока. Проблемы. Понятия. Суждения. — Л., 1985. — С. 356–363.
- 24 *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. — Тбилиси, 1985. — Ч. 2. — С. 776–790.
- 25 *Грантовский Э.А.* Ранняя история иранских племен... — С. 347–352.
- 26 *Кузьмина Е.Е.* Происхождение индоевропейцев в свете новейших археологических данных // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. — М., 1961. — С. 101–125.
- 27 *Иванов В.В.* Социальная организация индоевропейских племен по лингвистическим данным // ВИМК. — 1957. — № 1. — С. 11–31; *Герценберг Л.Г.* Морфологическая структура слова в индоиранских языках. — Л., 1972. — С. 21–51; *Грантовский Э.А.* Ранняя история иранских племен... — С. 31–81; *Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий... — С. 76–81; *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. — Тбилиси, 1985. — Ч. 2. — С. 776–786.
- 28 При подсчете использованы нормы земляных работ, существовавшие в период III династии Ура. Древняя норма землекопа — 3 м³, норма насыпки земли 6 м³. См.: *Вайман Н.И.* Шумерско-вавилонская математика. — М., 1964. — С. 38.

С.Н.ЛЯШКО, В.В.ОТРОЩЕНКО
БАЛКОВСКИЙ КУРГАН

В течение ряда лет Запорожская экспедиция проводила археологические исследования курганов в зоне строительства Северо-Рогачикской оросительной системы в географическом треугольнике, образованном реками Днепр (теперь — участок Каховского водохранилища), Конка, Великая Белозерка. Эта степная территория насыщена курганами середины III — конца II тыс. до н.э. В наиболее высоких курганах (5–10 м), расположенных по краю плато, сконцентрированы погребения ямного времени¹. К та-

ким курганам относятся Балковский, Высокая могила, № 8 в г.Днепро-рудный, № 7 у с. Златополь. Изучение погребений ямного времени этого региона позволило прийти к выводу об активизации освоения этой территории племенами ямной культуры с середины III тыс. до н.э. Специфической чертой микрорайона следует признать отсутствие раннеямных захоронений.

Показателен в этом плане публикуемый курган, который располагался на восточной окраине с. Балки Васильевского р-на Запорожской обл. К началу раскопок северо-западный сектор насыпи был уничтожен карьером кирпичного завода. Сохранившаяся часть имела четкую полусферическую форму и была вытянута по линии север—юг. Высота кургана 5 м, диаметр 70х64 м (рис. 1).

Первичная насыпь кургана возведена над погребением 57 ямной культуры. К северо-западу и юго-востоку от ямы зафиксирован материковый выкид. Высота первичной насыпи 3 м, диаметр 24 м.

Первая досыпка кургана совершена, вероятно, над погребением 52 ямного времени. В первую досыпку впущены погребения 38, 56. Высота кургана после первой досыпки 3,6 м, диаметр 30 м.

С погребениями ямного времени (№ 20, 23, 31, 40, 41, 54) связывается вторая досыпка кургана. Погребение 50 в яме с заплечиками было впущено в насыпь кургана уже после второй досыпки. В юго-западном секторе кургана вторую досыпку прорезала прослойка материкового выкида мощностью до 0,2 м. Высота кургана после второй досыпки около 4 м, диаметр 38 м.

Третья досыпка — локальная, на северном склоне кургана, возведена над катакомбным погребением 44. Общий диаметр и высота насыпи после досыпки не изменились.

Четвертая, последняя досыпка совершена над погребениями катакомбной культуры, составлявшими второй (29, 42, 43, 48, 51) и третий (36, 39, 47) круги погребений. В первый круг входили погребения в ямах с заплечиками (31, 38, 40, 50, 52).

Кроме 11 ямных и 9 катакомбных в насыпи кургана обнаружены 2 погребения культуры многоваликовой керамики, 1 киммерийское, 1 гуннского времени и 23 позднесредневековых. Всего же в кургане зафиксировано 57 погребений.

П о г р е б е н и е 1 (киммерийское) — в 4 м к северу от условного центра*. На глубине 0,3—0,6 м — каменная закладка округлой формы диаметром 1,1 м. Под закладкой обнаружена прослойка истлевшей травы, уложенной на продольные деревянные плашки, которые, в свою очередь, лежали на коротких планках. Размер участка с деревом и травой, 1,65х1,05 м. На глубине 0,96 м, под просевшим перекрытием, находился истлевший человеческий скелет. Умерший лежал на спине головой на запад. Вытянутые кости рук смещены вправо. Ноги вытянуты и перекрещены в коленях. Под скелетом — подстилка из камыша. На уровне черепа находился развал крупного лепного сосуда — корчаги (рис. 2, 1, 2).

Корчага сероглиняная, толстостенная, с примесью шамота в тесте. Поверхность серого цвета, заглажена, шейка подлощена. Уплотненный край венчика резко отогнут наружу и находится почти под прямым углом к высокой шейке, расширяющейся в раздутый корпус, сужающийся к небольшому плоскому дну. Профиль сосуда изогнутый, без каких-либо уступов или ребер. На покатых плечиках три рельефных выступа (шишечки). Сосуд украшен по корпусу нарезным многоярусным орнаментом. Основание шейки окаймлено цепочкой вписанных треугольников, вершинами вверх. По плечикам прочерчены две пары горизонтальных линий, соединенных косой штриховкой. Ниже рельефных выступов — гирлянда

* Здесь и далее все глубины и привязки, кроме оговоренных, даются от условного центра кургана.

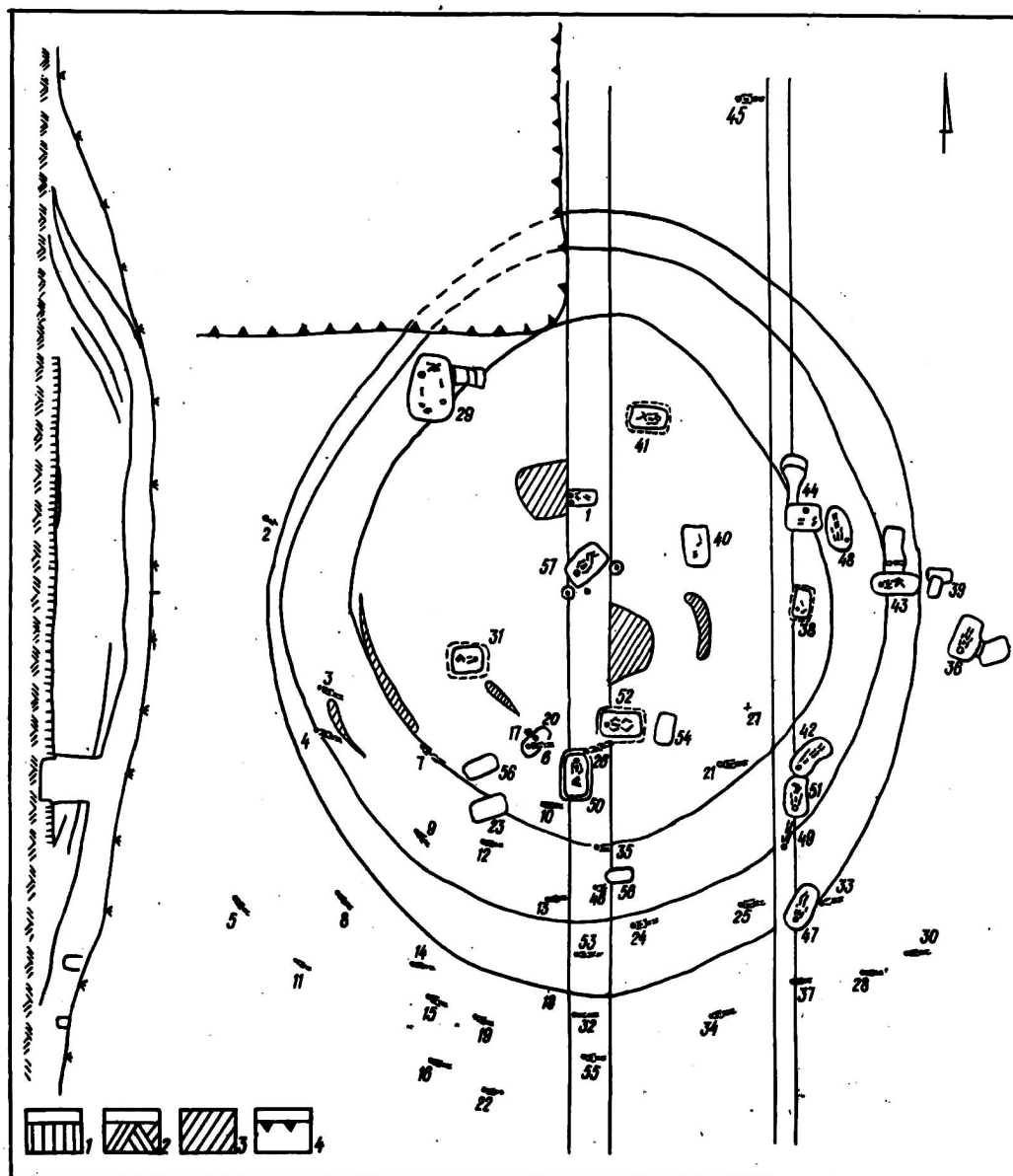

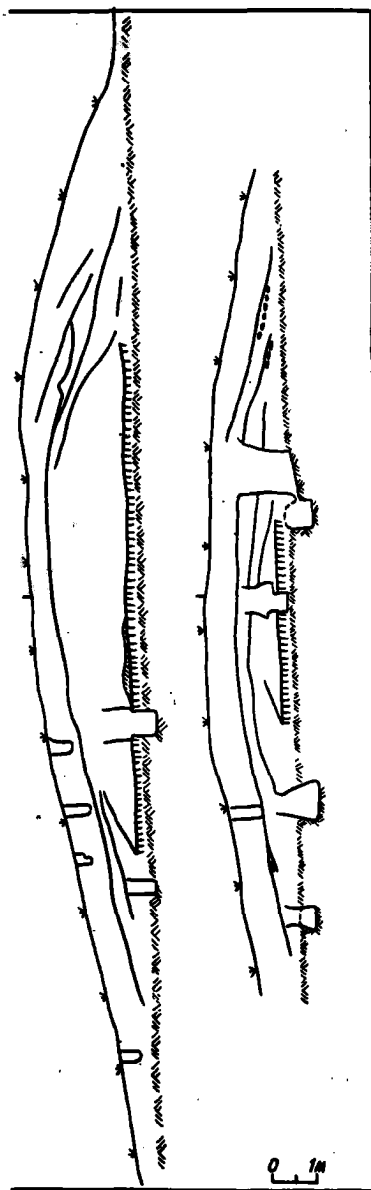
Рис. 1. Общий план и профили кургана:
 1 — погребальный чернозем, 2 — материк, 3 — материковый выкид, 4 — границы разрушенной части насыпи кургана

из вписанных треугольников вершинами вниз. Нижняя часть корпуса орнаментирована размашистым тройным зигзагом. Высота сосуда 40 см, диаметр венчика 17 см, диаметр корпуса 35, дна — 14 см (рис. 2, 3).

П о г р е б е н и е 2 (культуры многоваликовой керамики) — в 14 м на запад и в 3 м к северу на глубине 1,45 м от поверхности кургана. Скелет подростка 14—17 лет лежал скорченно на левом боку черепом на запад. Кисти рук находились перед лицом, ноги согнуты под острым углом (рис. 3, 1).

П о г р е б е н и е 3 (позднесредневековое) — в 11 м к западу и в 4,6 м к югу от 0 на глубине 1,3 м от поверхности насыпи кургана. Скелет мужчины 25—35 лет* лежал вытянуто на спине, черепом на запад-северо-запад. Руки вытянуты вдоль туловища.

* Половозрастные определения сделаны С.И.Круп.

Погребение 4 (позднесредневековое) — в 11,5 м к западу и в 6,5 м к югу на глубине 1,4 м от поверхности кургана. Скелет вытянут на спине, руки — вдоль туловища, череп — на запад-северо-запад.

Погребение 5 (позднесредневековое) — в 15 м к западу и в 14 м к югу на глубине 0,9 м от поверхности кургана. Скелет лежал в вытянутом положении на спине, руки вытянуты вдоль туловища, череп — на запад-северо-запад.

Погребение 6 (позднесредневековое) — в 6,7 м к югу и в 1,2 м на запад на глубине 1,25 м от поверхности кургана. К северу от скелета обнаружены вертикально вбитые деревянные колышки. Расстояние между колышками 25—30 см. Скелет мужчины (?) 40—50 лет лежал на спине в вытянутом положении головой на запад. Руки вдоль туловища. На грудной клетке лежал известняковый камешек (рис. 4, 1).

Погребение 7 (позднесредневековое) — в 8 м к югу и в 5,3 м к западу от 0 на глубине 2,1 м от поверхности кургана. Вокруг скелета отмечены вертикально вбитые деревянные колышки. Скелет мужчины (?) 50—60 лет лежал на спине черепом на запад-северо-запад. Руки вдоль туловища. Правая нога согнута вправо. На костях грудной клетки лежал известняковый камешек, под коленной чашечкой правой ноги — кремневый отщеп (рис. 4, 4).

Погребение 8 (позднесредневековое) — в 14 м к югу и в 10 м к западу от 0 на глубине 0,8 м от поверхности кургана. Скелет лежал на спине, череп — на северо-запад. Правая рука вытянута вдоль туловища, кисть левой находилась на тазовых костях.

Погребение 9 (позднесредневековое). В 11,8 м к югу и в 6 м к западу на глубине 1,2 м от поверхности выявлены

пять известняковых плит (средний размер 0,6 x 0,4 x 0,1 м). Плиты вытянуты цепочкой с севера на юг. Под камнями на глубине обнаружен скелет человека, в вытянутом положении на спине головой на запад-северо-запад. Руки вытянуты вдоль туловища. Скелет лежал на древесной подстилке с остатками камышовой циновки (?).

Погребение 10 (позднесредневековое) — в 9,5 м к югу и в 1 м к западу на глубине 1 м от поверхности кургана. Вокруг скелета отмечены вертикально вбитые колышки. Скелет ребенка 6—7 лет лежал вытянуто на спине головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища.

Погребение 11 (позднесредневековое) — в 16,5 м к югу и в 12 м к западу на глубине 1,1 м от поверхности кургана. Скелет погребенного лежал в вытянутом положении на спине головой на запад, руки — вдоль туловища.

Погребение 12 (позднесредневековое) — в 11,2 м к югу и в 3 м к западу на глубине 1,45 м от поверхности насыпи кургана. На глубине 0,75 м зафиксировано деревянное перекрытие, состоявшее из коротких

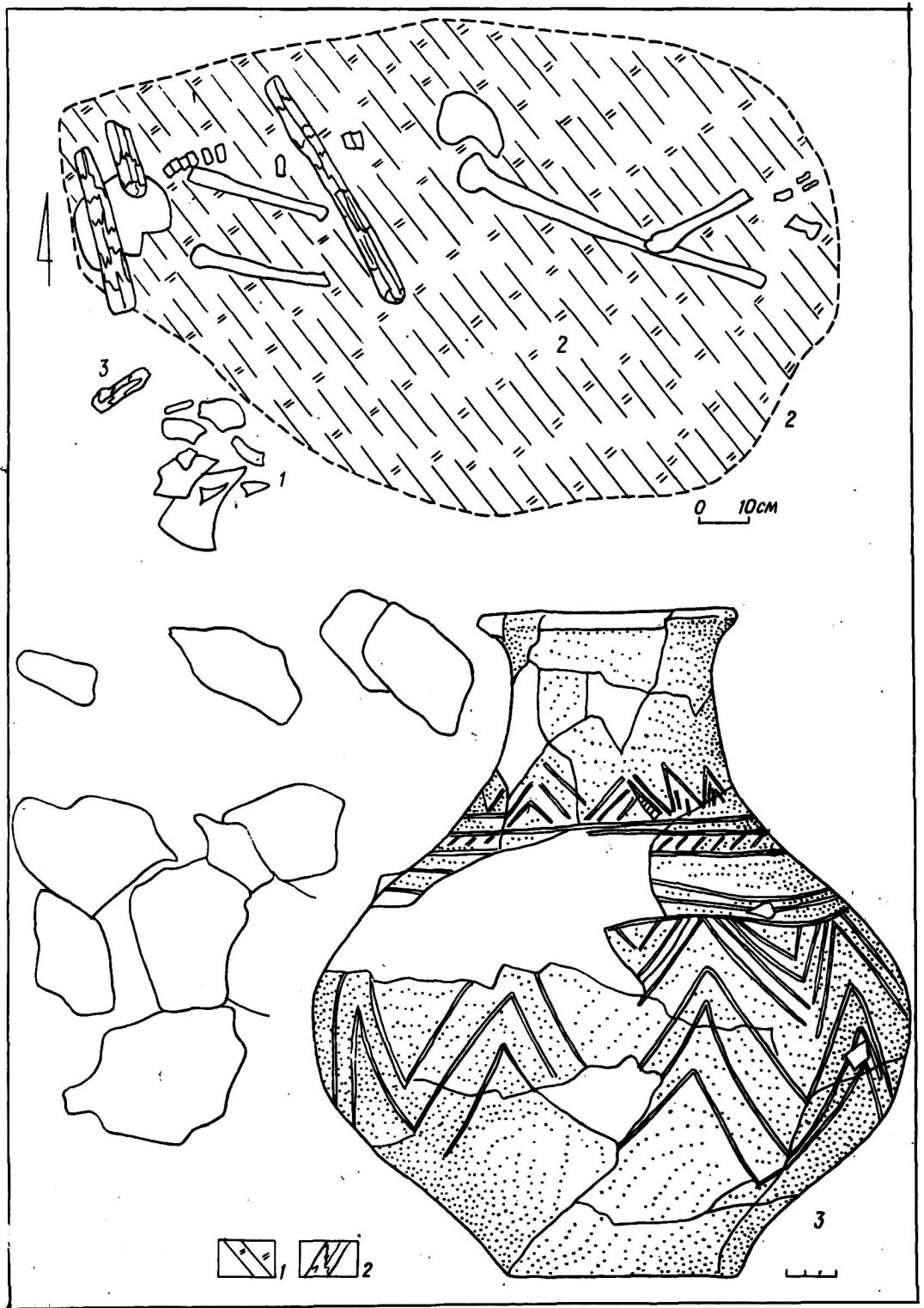

Рис. 2. I – скопления камней над п. 1; II – п. 1;
 III – сосуд из п. 1:
 1 – сосуд, 2 – камышовая подстилка, 3 – дерево

дощечек, лежавших поперек ямы (яму в черноземе насыпи проследить не удалось). В восточной части ямы грунт на уровне перекрытия был обожжен. Над перекрытием лежали три известняковых камня, уложенных один

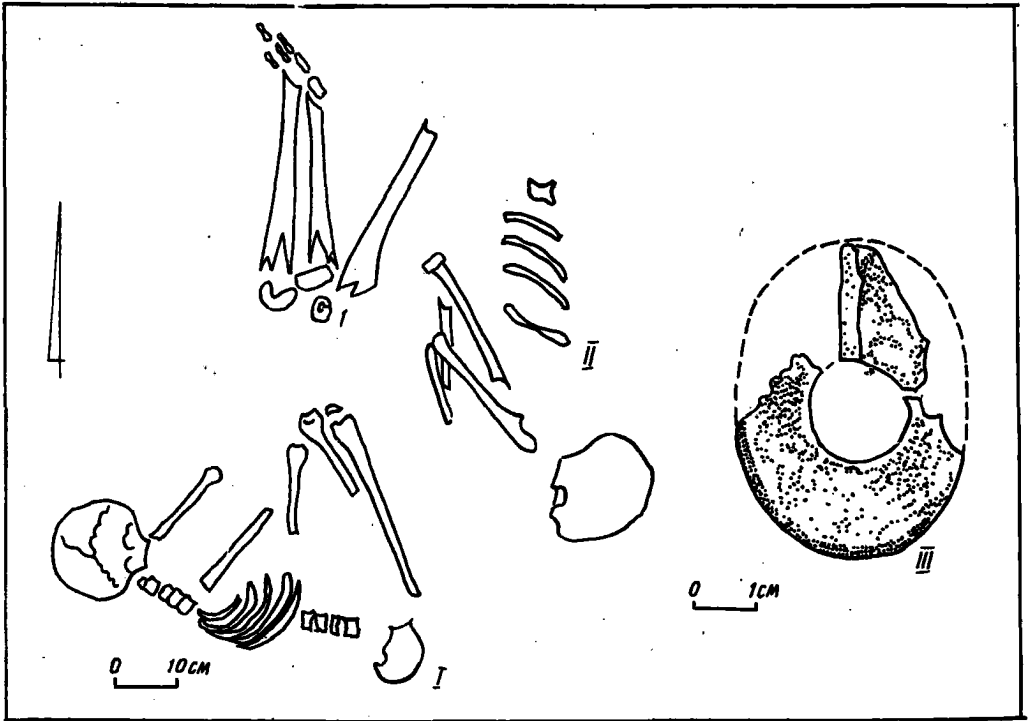

Рис. 3. I — п. 2; II — п. 17; III — пряжка из п. 17;
I — пряжка костяная

на другой. Скелет мужчины 25—35 лет лежал под перекрытием вытянуто на спине черепом на запад. Руки согнуты в локтях.

Погребение 13 (позднесредневековое) — в 13,4 м к югу на глубине 1,1 м. от поверхности кургана. Над черепом найдены несколько известняковых камней. Скелет мужчины 25—35 лет лежал на спине черепом на запад-юго-запад. Руки вытянуты вдоль туловища. Левая нога вытянута, правая согнута в колене (рис. 4, 5).

Погребение 14 (позднесредневековое) — в 16,5 м к югу и в 6,5 м к западу от 0 на глубине 1,6 м от поверхности кургана. Скелет подростка лежал вытянуто на спине черепом на запад, руки — вдоль туловища.

Погребение 15 (позднесредневековое) — в 16 м к югу и в 6 м к западу на глубине 1,35 м от поверхности кургана. Скелет погребенного лежал в вытянутом положении на спине черепом на запад-северо-запад. В ногах и у кисти правой руки было найдено по небольшому известняковому камню.

Погребение 16 (позднесредневековое) — в 21 м к югу и в 6 м к западу на глубине 1 м от поверхности насыпи кургана. Скелет ребенка лет пяти лежал вытянуто на спине черепом на запад. Руки слабо согнуты в локтях.

Погребение 17 (культуры многоваликовой керамики) — в 6,5 м к югу и в 1,5 м к западу на глубине 2,6 м от поверхности кургана. Скелет взрослого человека лежал на древесной подстилке скорченно на левом боку черепом на юго-восток. Руки согнуты в локтях, кисти перед лицом (рис. 3, 2). У коленной чашечки левой ноги лежала овальной формы костяная пряжка с большим центральным и малым боковым отверстиями. Вокруг центрального отверстия невысокий бортик. Размер пряжки 4,3 x 4 см, диаметр большого отверстия 1,4 см, меньшего — 0,2 см (рис. 3, 3).

Погребение 18 (позднесредневековое) — в 18 м к югу и в 0,7 м к западу на глубине 1 м от поверхности насыпи кургана. Скелет мужчины

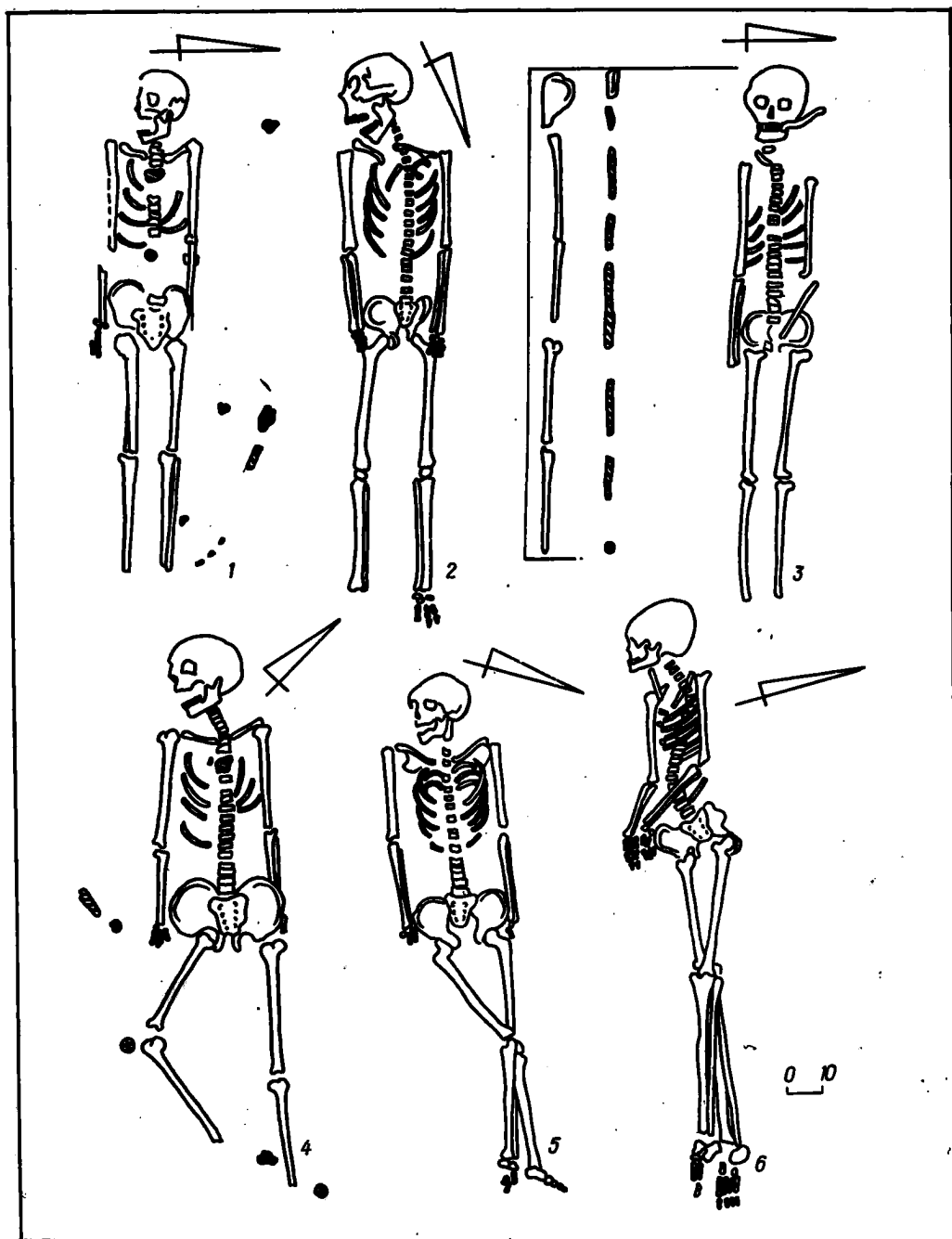

Рис. 4. Планы погребений:
 1 — п. 6, 2 — п. 49, 3 — п. 26, 4 — п. 7, 5 — п. 13,
 6 — п. 53

(?) 45—55 лет лежал вытянуто на спине, слегка завалившись на правый бок, черепом на юго-запад. Руки согнуты в локтях вправо. У ступни правой ноги найден небольшой камешек.

Погребение 19 (позднесредневековое) — в 18,7 м к югу и в 3,7 м к западу от 0 на глубине 1,1 м от поверхности кургана. Скелет ребенка лежал вытянуто на спине черепом на запад—северо-запад под перекрытием из поперечно уложенных дощечек.

Погребение 20 (ямное) — в 6,8 м к югу и в 1,6 м к западу на

глубине 4,25 м. Прямоугольная с закругленными углами яма была перекрыта поперек деревянными плашками и камышом. Ориентация ямы северо-восток, юго-запад, размер 1,5 x 1,1 м. На дне ямы находились скелеты женщины и ребенка. Скелет женщины лежал на спине головой на северо-восток. Ноги были согнуты и поставлены коленями вверх, а затем упали вправо. Лицевой частью черепа женщина повернута к ребенку. Скелет ребенка лежал в скорченном положении на левом боку головой на северо-восток (рис. 5, 1). Дно ямы было посыпано белой глиной, поверх которой зафиксирована деревянная подстилка. Кости ребенка, особенно череп и колени ног, окрашены охрой. Следы краски отмечены также и на костях левой руки женщины. У черепа и под ребрами скелета взрослого человека обнаружены мелкие угольки. У шейных позвонков ребенка было выявлено скопление шелухи зерен. У тазовых костей ребенка находился кремневый отщеп (рис. 6, 10), а в восточном углу ямы — лепная кружка с отбитой в древности ручкой. Вертикальный венчик через уступчик на плечиках переходит в округлый корпус, спускающийся к маленькому уплощенному дну. Поверхность сосуда покрыта расчесами. Высота кружки 11 см, диаметр венчика 9 см, диаметр дна 5,5 см (рис. 5, 2).

П о г р е б е н и е 21 (позднесредневековое) — в 7,7 м к югу и в 7,3 м к востоку от 0 на глубине 0,8 м от поверхности кургана. Скелет подростка находился под деревянным перекрытием, лежал вытянуто на правом боку черепом на юго-запад. Руки вытянуты вдоль туловища.

П о г р е б е н и е 22 (позднесредневековое) — в 22 м к югу и в 3,2 м к западу на глубине 0,9 м от поверхности кургана. Скелет женщины лежал в вытянутом положении на спине черепом на запад; руки — вдоль туловища.

П о г р е б е н и е 23 (ямное?, кенотаф) — в 10 м к югу и в 3,5 м к западу на глубине 4 м от поверхности кургана. Яма прямоугольной формы углублена в материк. Ее ориентация запад-северо-запад — восток-юго-восток, размер 1,75 x 1,05 м. В заполнении ямы было обнаружено просевшее камышовое перекрытие и обломок известняка.

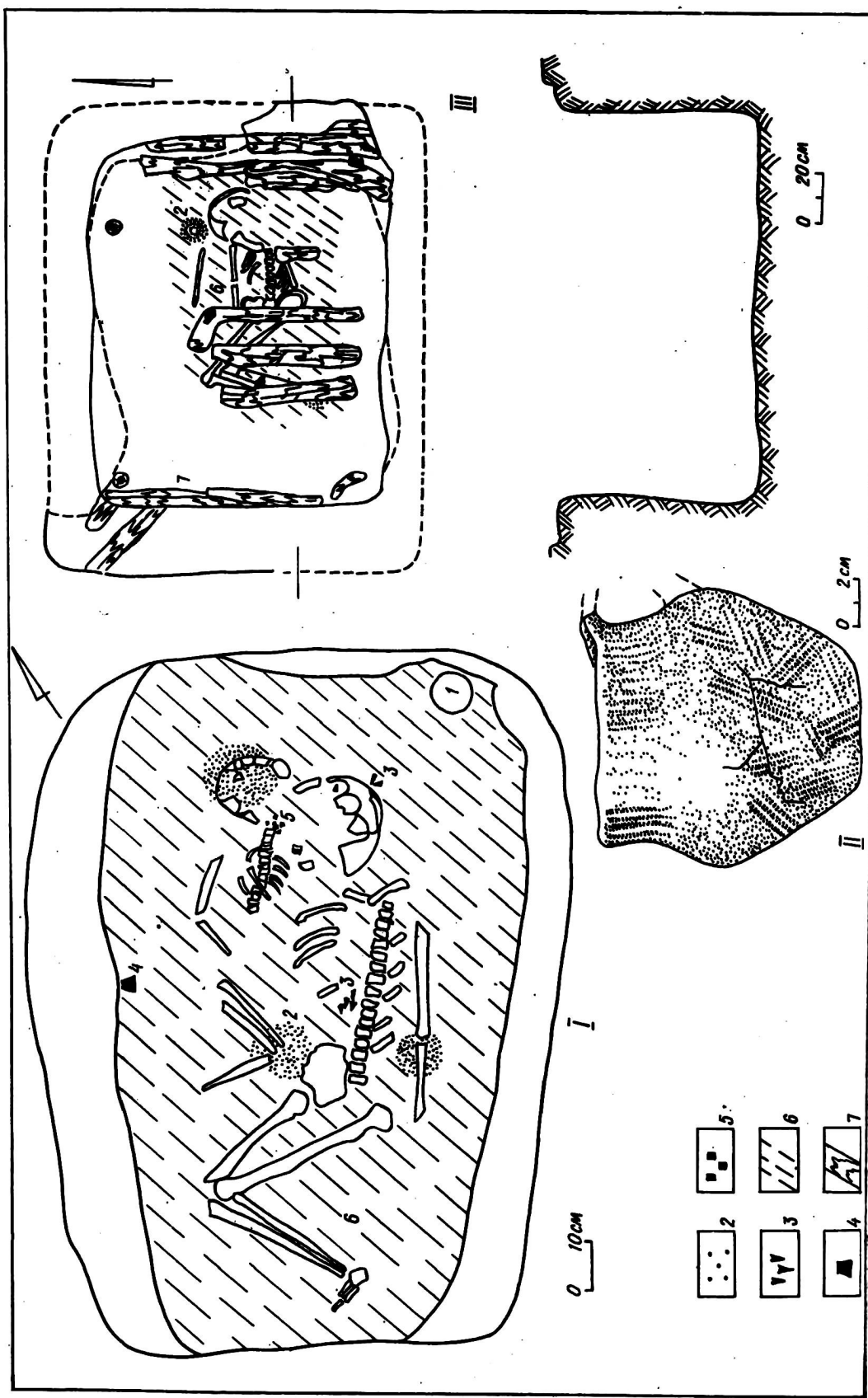
П о г р е б е н и е 24 (позднесредневековое) — в 14,8 м к югу и в 3 м к востоку на глубине 1,4 м от поверхности кургана. Скелет мужчины 40—50 лет на спине, головой на запад-юго-запад, правая рука вытянута вдоль туловища, левая — полусогнута в локте и кисть ее — на тазовых костях. У локтя правой руки находился кремневый отщеп. Над погребенным выявлены остатки поперечного деревянного перекрытия и вертикально стоящие деревянные столбики, на которые оно опиралось.

П о г р е б е н и е 25 (позднесредневековое) — в 13,5 м к югу и в 3 м к востоку на глубине 1,1 м от поверхности кургана. Скелет мужчины 25—35 лет лежал вытянуто на спине головой на запад-юго-запад. Правая рука вытянута вдоль туловища, кисть левой — находилась на тазовых костях. У ступней ног лежал кремневый отщеп. Над погребенным зафиксированы остатки деревянного перекрытия.

П о г р е б е н и е 26 (позднесредневековое) — в 7 м к югу и в 0,5 м к востоку на глубине 0,95 м от поверхности кургана. На глубине 0,7 м зафиксированы деревянные плашки перекрытия, уложенные поперек погребения. Длина плашек 0,4—0,5 м, ширина 0,1—0,15 м, толщина 0,02—0,03 м. Скелет мужчины 50—60 лет лежал в вытянутом положении на спине головой на запад, правая рука вытянута вдоль скелета, а левая слегка согнута в локте (рис. 4, 3).

П о г р е б е н и е 27 (позднесредневековое) — в 5 м к югу и в 8 см к востоку на глубине 2 м от поверхности кургана. От скелета сохранились несколько костей и осколки известняка.

П о г р е б е н и е 28 (позднесредневековое) — в 17 м к югу и 13,4 м к востоку на глубине 0,9 м от поверхности кургана. Скелет женщины (?) лежал вытянуто на спине, черепом на юго-запад, руки — вдоль туловища. Над погребенной было перекрытие из уложенных поперек деревянных плашек.

Погребение 29 (катакомбное) в 10 м к северу и в 3,8 м к западу от 0. Совершено в катакомбе. На глубине 4,4 м — прямоугольная входная яма, размер 2,8 x 1,1 м, ориентация север — северо-запад — восток — юго-восток. На глубине 5,9 м под восточной стенкой входной ямы была выявлена первая ступенька шириной 0,35 м, на глубине 5,95 м — вторая шириной 0,32 м. С глубины 6,15 м начинался наклонный спуск в камеру длиной 0,9 м. Входное отверстие в камеру высотой 0,45 м, шириной 0,8 м было закрыто плитой размером 0,7 x 0,55 x 0,2 м. Камера в плане овальная, ориентирована по линии север — юг, размер 3,1 x 2,1 м, высота свода 1,3 м, дно на глубине 7,15 м. Два скелета лежали посредине обширной камеры на спине черепом на юго — юго-восток. Руки были вытянуты вдоль туловища, ноги — подняты коленями вверх, а затем упали навстречу друг другу. Скелет, лежащий под восточной стенкой камеры, принадлежал мужчине 35—45 лет. Вплотную к скелету мужчины, слева от него, находился скелет женщины. Скелеты окрашены охрой. Подстилка под погребенными состояла из прослойки белой глины и коричневого налета на ней (рис. 7, 1).

Погребение 30 (позднесредневековое) — в 16,3 м к югу и в 15,3 м к востоку от 0 на глубине 1,4 м от поверхности кургана. Скелет погребенного лежал в вытянутом положении на спине черепом на запад — юго-запад, руки вытянуты вдоль туловища.

Погребение 31 (ямное) — в 3 м к югу и в 3,5 м к западу. Овальная в плане яма зафиксирована на глубине 2,05 м. По мере углубления она постепенно приобретала четырехугольную форму с закругленными углами. Ее ориентация восток — запад. На глубине 5,15 м был зафиксирован уступ с остатками поперечного перекрытия. Размер ямы с заплечиками 1,9 x 1,5 м. Дно ямы на глубине 5,95 м от 0. На стенках ямы в материке были отчетливо видны следы заостренного орудия типа кирки. Ширина ложбинок примерно 1,5 см. Размер ямы по дну 1,4 x 1,2 м. Скелет лежал по длинной оси ямы на спине, черепом на восток. Правая рука вытянута вдоль туловища, кисть левой, слегка согнутой в локте, — на тазовых костях. Ноги были подняты коленями вверх, а затем упали вправо. Лобная часть черепа и ступни ног посыпаны охрой пурпурного цвета. Под погребенным подсыпка из белой глины. Вправо от локтя правой руки отмечены остатки деревянных прутьев длиной до 0,3 м (рис. 5, 3).

Погребение 32 (позднесредневековое) — в 18,7 м к югу на глубине 0,8 от поверхности кургана. Скелет лежал вытянуто на спине. Правая рука вытянута, а левая согнута в локте, кисть ее на тазовых костях.

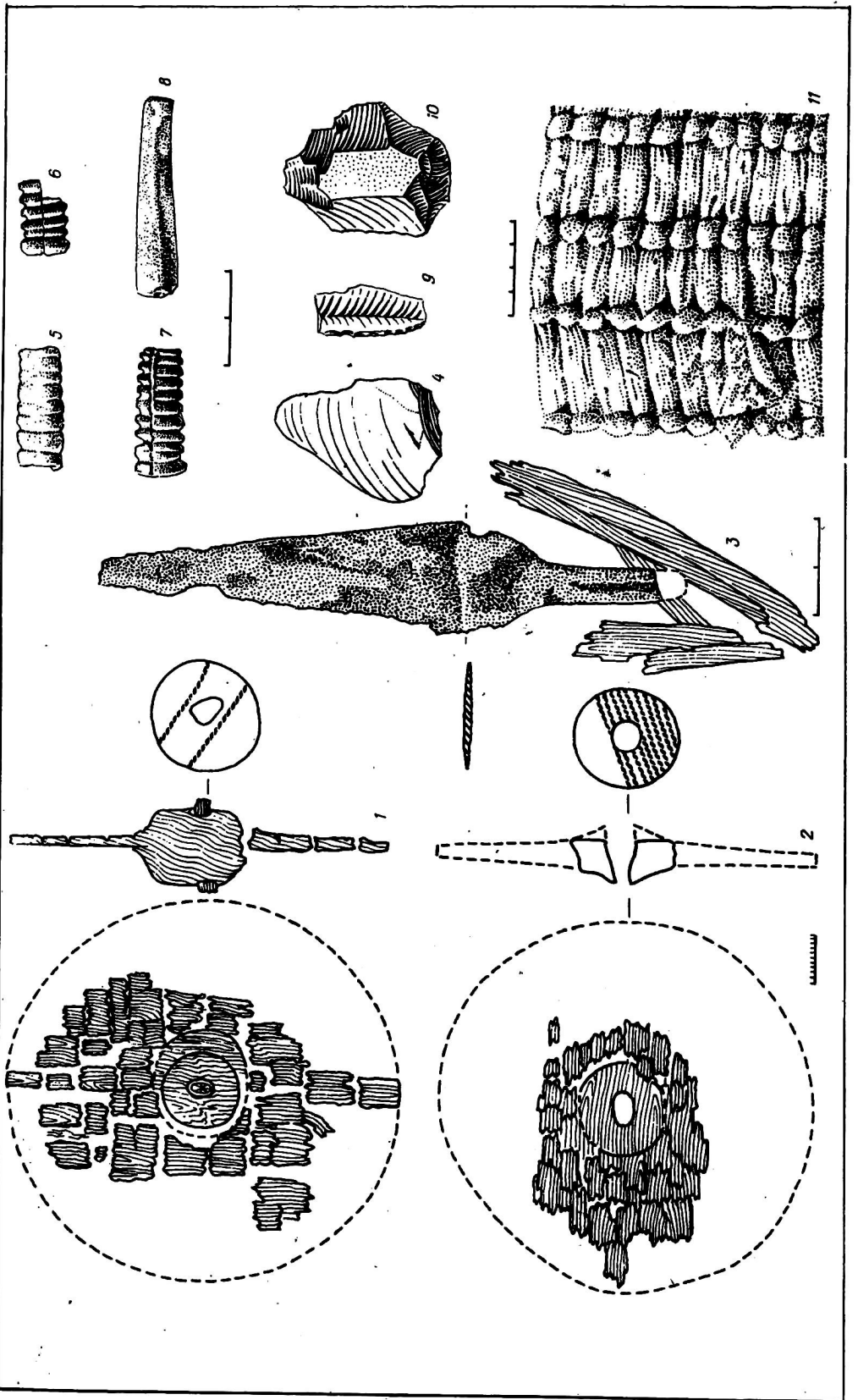
Погребение 33 (позднесредневековое) — в 14 м к югу и в 11,6 м к востоку на глубине 1,4 м от поверхности кургана. Скелет погребенного лежал на спине черепом на запад — юго-запад. Руки вытянуты вдоль туловища. Левая нога вытянута, а правая согнута под прямым углом в колене вправо.

Погребение 34 (позднесредневековое) — в 19 м на юг и 6,5 м на восток на глубине 0,7 м от поверхности кургана. Скелет ребенка 7—8 лет лежал на спине головой на запад — северо-запад. Правая рука вытянута, а левая согнута в локте вправо, кисть ее на тазовых костях.

Погребение 35 (позднесредневековое) — в 11,5 м к югу и в 1,6 м к востоку на глубине 1,1 м от поверхности кургана. Скелет женщины 55—60 лет лежал вытянуто на спине черепом на запад — юго-запад.

Погребение 36 (катакомбное) совершено в катакомбе. Входная яма — в 2,9 м к югу и в 18,7 м к востоку от 0. Входная яма диаметром 1,3 м. Дно входной ямы наклонно спускалось к северо-западу к камере. Глубина у входа в камеру 5,85 м. Вход в камеру шириной 0,75 м закрывала дере-

Рис. 5. I — п. 20; II — сосуд из п. 20; III — п. 31:
1 — сосуд, 2 — охра, 3 — угольки, 4 — кремь,
5 — скопление растительных остатков, 6 — белая
глина, 7 — дерево

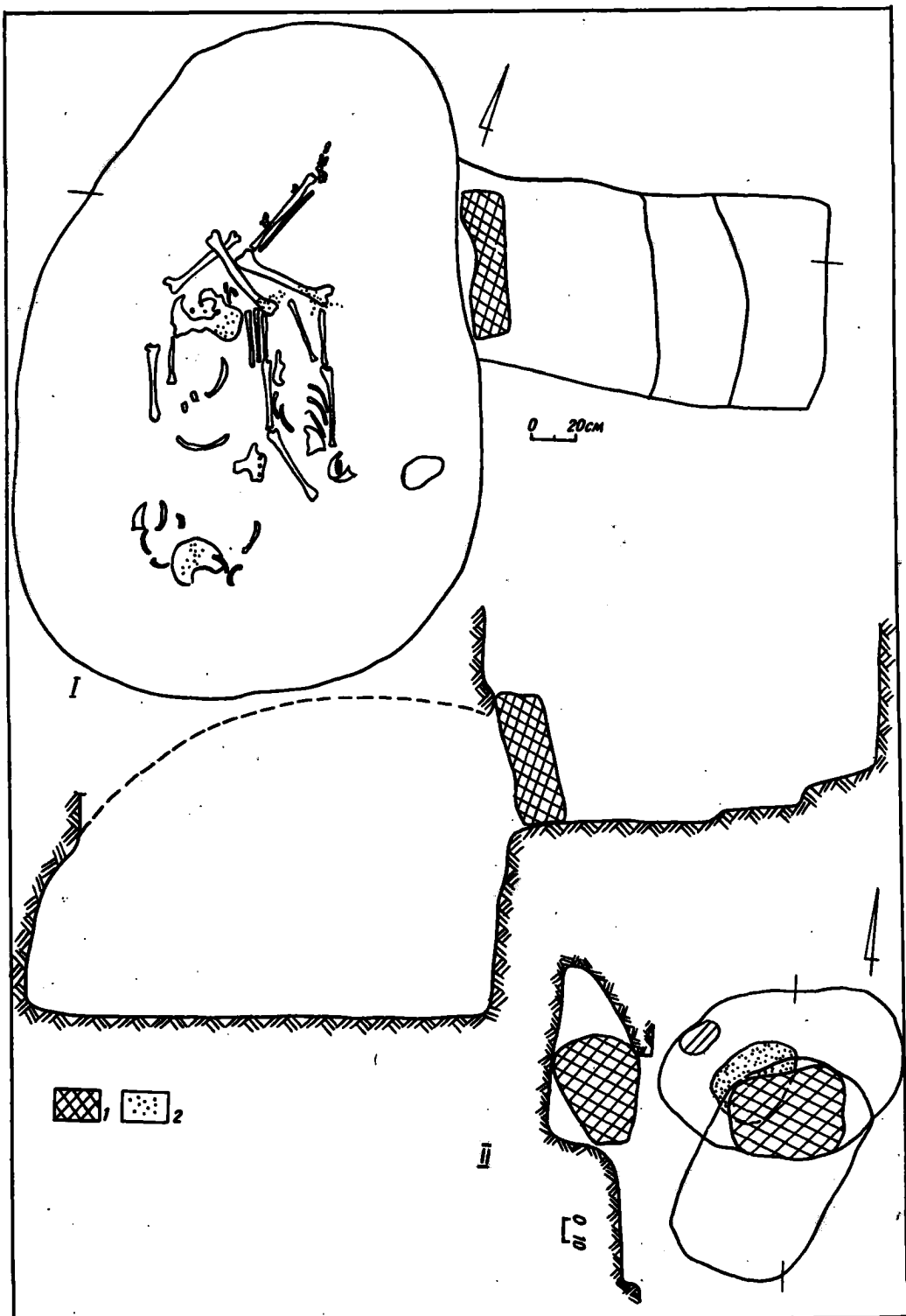

Рис. 7. I – п. 29; II – 39:
1 – камень, 2 – охра

Рис. 6. Инвентарь погребений:
1–4 – п. 57, 5–8 – п. 40, 9 – п. 38, 10 – п. 20,
11 – п. 54

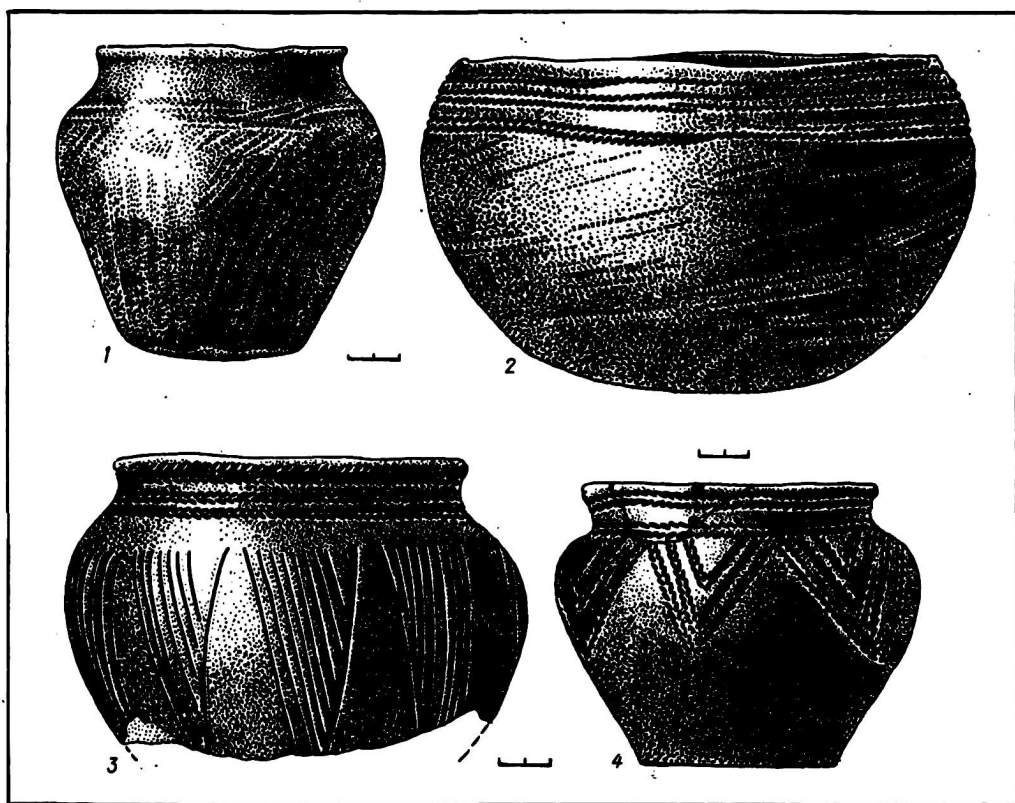

Рис. 8 Инвентарь погребений:
1 — п. 44, 2 — п. 36, 3 — п. 48, 4 — п. 42

вянная заслонка. Дно камеры на глубине 6,15 м, размер 2,3 x 1,6 м, фиксируемая высота свода 0,55 м. Овальная камера ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Скелет мужчины 45—55 лет лежал по длинной оси вытянуто на спине черепом на юго — юго-запад. Руки вытянуты вдоль туловища, кисти рук — на бедренных костях. Под погребенным — остатки растительной подстилки, посыпанной охрой. Охра отмечена на ступнях ног. Справа от черепа — пятно горелой травы и поставленная вверх дном глубокая миска. Уплотненный край венчика загнут вовнутрь, корпус округлый, дно уплощенное. Ниже венчика миска украшена тремя парами горизонтальных оттисков перевитого шнура. Высота 12 см, диаметр венчика 20 см, дна 10 см (рис. 8, 2).

П о г р е б е н и е 37 (позднесредневековое) — в 17,6 м к югу и 10,5 м к востоку на глубине 1,3 м от поверхности кургана. Скелет мужчины 40—50 лет лежал вытянуто на спине, ориентирован черепом на запад — юго-запад. Правая рука вытянута, левая согнута в локте.

П о г р е б е н и е 38 (ямное) — в 10,5 м к востоку от 0. Могильная яма впущена в насыпь, образовавшуюся после первой досыпки и связана со второй досыпкой кургана. Яма расширялась к заплечикам, на которые опирались деревянные с камышом перекрытия. Размер ямы на уровне заплечиков 1,65 x 1, ориентация север — северо-восток, юг — юго-запад, размер ямы по дну 1,25 x 0,75 м, дно на глубине 4,45 м. Скелет подростка лежал на спине черепом на север — северо-восток. Руки вытянуты вдоль туловища. Поднятые вверх коленями ноги упали влево. Под скелетом была подстилка из коры и насыпанной белой глины. В юго-западном углу ямы, в ногах погребенного, отмечена маленькая кучка охры (рис. 9, 2). Среди костей грудной клетки найден обломок тонкой подретушированной кремневой пластины размером 2,3 x 1,1 x 0,25 м (рис. 6, 9), в ногах бронзовое шило, обоудо-

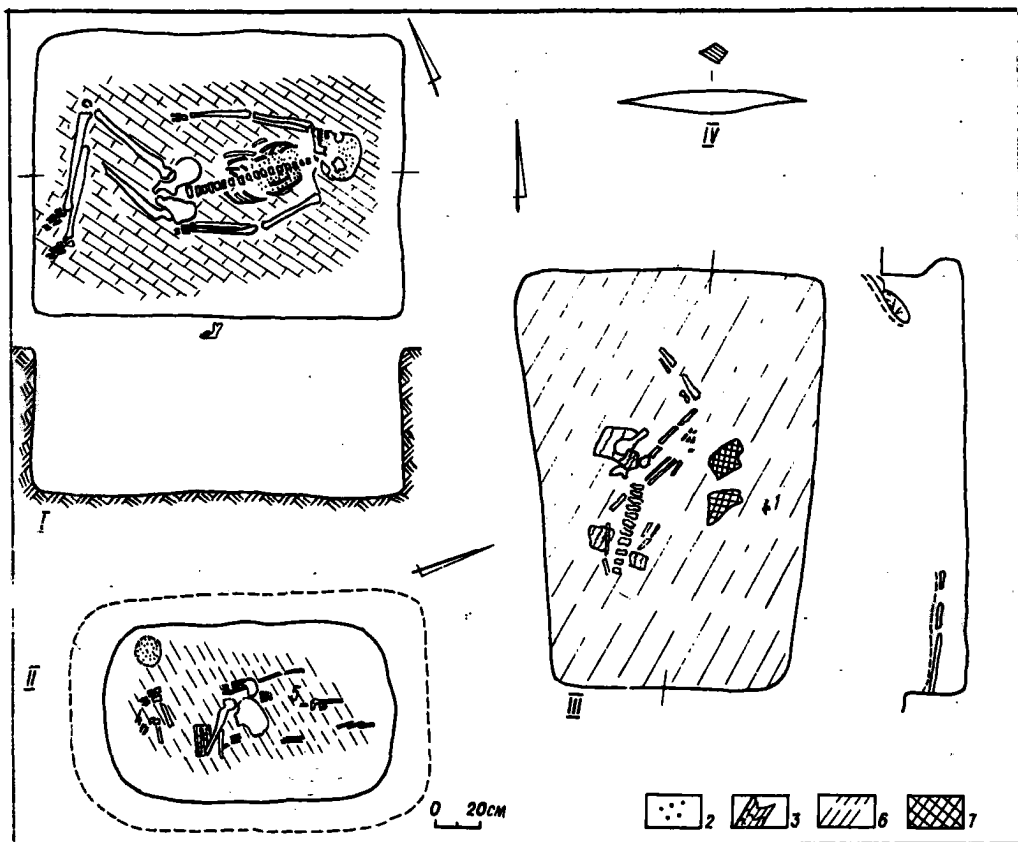

Рис. 9. I — п. 41; II — п. 38; III — п. 40; IV — шило из п. 38:

1 — пронизи костяные, 2 — охра, 3 — дерево, 4 — шило, 5 — кремьень, 6 — белая глина, 7 — кора

острое, квадратное в сечении. Длина шила 4,2 см, толщина 0,37 м (рис. 9, 4). Шило отлито и подвергнуто дополнительной горячей проковке. Не исключено, что ковка была связана не только с удалением пороков литья, но и имела упрочняющий характер*. Результаты спектрального анализа: Cu — основа, Sn — 0,005, Pb — 0,005, Bi — 0,005, Ag — 0,001, As — 0,35, Fe — 0,003, Ni — 0,012, Mn < 0,01**.

Погребение 39 (катакомбное, кенотаф) — в 16,6 м к востоку. Входная яма овальной формы (1,6 x 0,6 м), ориентирована по оси север — северо-восток — юг — юго-запад. Северную часть ямы занимала плита песчаника (0,55 x 0,4 x 0,25), закрывавшая вход в камеру. Камера в плане овальная, размером 1,0 x 0,75 м, ориентацией восток — запад, высота свода 0,35 м. Дно камеры — на глубине 6 м, посыпано охрой (рис. 7, 2).

Погребение 40 (ямное) — в 2 м к северу и в 5,5 м к востоку. Могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована север — северо-запад — юг — юго-восток. Размер ямы 2,0 x 1,45 м. В засыпке ямы обнаружен поперечный деревянный накат: две широкие дубовые колоды находились по краям, а плахи поменьше — посередине, на некоторых следы обугленности. Поверх деревянного перекрытия прослеживается камыш. Дно ямы — на глубине 5,2 м. Под северной стенкой ямы

* Металлографический анализ металла из Балковского кургана произведен в лаборатории структурного анализа при кафедре МГУ под руководством Н.В. Рыцдиной. Анализ шила № 599.

** Химический состав металла из Балковского кургана установлен в Лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР под руководством Е.Н. Черныха. Анализ шила № 1628.

небольшой подбойчик на 0,2 x 0,2 м. Размер ямы по дну 1,95 x 1,2 м. Скелет взрослого человека лежал под западной стенкой ямы на спине черепом на юг. Кисти рук направлены к коленям согнутых ног. Дно ямы посыпано мелом. Под скелетом сохранились остатки лежащих поперек плах (рис. 9, 3). У охристого пятна к востоку от скелета найдены 3 пронизи из обрезанных по краям трубчатых костей. Одна пронизь гладкая (длина 4,1 см, диаметр 0,6 см), две другие украшены винтовой нарезкой. Их длина 2,5 см, диаметр 0,5—0,9 и 1 см (рис. 6, 5—8).

Погребение 41 (ямное) — в 7,5 м к северу и в 3 м к востоку. Контуры ямы выявлены на уровне заплечиков на глубине 4,85 м. На заплечиках сохранились остатки поперечного деревянного перекрытия и челюсть мелкого животного. Размер ямы 1,6 x 1,25 м, ориентация запад — северо-запад — восток — юго-восток, дно на глубине 5,45 м. На вертикальных стенках ямы сохранились следы тесла с шириной лезвия 3 см. Скелет взрослого человека лежал в скорченном положении на спине черепом на восток — юго-восток. Руки слегка согнуты в локтях. Под скелетом древесная подстилка (кора?), мел. Череп, кости грудной клетки посыпаны охрой (рис. 9, 1).

Погребение 42 (катакомбное) — в 7 м к югу и в 10,5 м к востоку от 0 на глубине 5,32 м. Совершенно в катакомбе. Входная яма, вероятно, находилась с южной стороны камеры. Камера вытянута с северо-востока на юго-запад, ее размер 2,0 x 0,95 м. Скелет взрослого человека лежал ближе к северо-западной стенке камеры в вытянутом положении на спине. Руки вытянуты вдоль туловища, погребенный ориентирован на юго-запад (рис. 10, 1). У колена левой ноги лежал кусок известняка (0,38 x 0,2 x 0,15 м), а у левого плеча стоял вверх дном лепной горшок с закопченной поверхностью. Венчик вертикальный, слегка отогнут наружу, плечики высокие. Конусовидный корпус сужается к плоскому дну. По шейке два горизонтальных ряда оттисков тесьмы. От них на плечики и корпус опускаются треугольники вершинами вниз. В треугольники вписаны углы. Высота сосуда 11 см, диаметр венчика 11,5 см, дна — 8,5 см (рис. 8, 4).

Погребение 43 (катакомбное) — в 15 м к востоку. Совершенно в катакомбе. Входная яма трапециевидной формы с закругленными углами, ориентирована с севера на юг. Длина ямы 1,8 м, ширина 0,9 м у северной и 1,1 м у южной стенок. Дно ямы понижалось с севера на юг от 5,08 м до 5,36 м. В юго-восточном углу входной ямы на глубине 5,05 м в материке вырезан уступ (0,2 x 0,2 м). Вход в катакомбу находился с южной стороны и был закрыт вертикально поставленными известняковыми плитами. Две плиты закрывали вход по сторонам, третья — зазор между первыми двумя, четвертая помещалась сверху и прикрывала верхнюю часть входного отверстия. Размер наибольшей плиты 0,4 x 0,3 x 0,2 м. Ширина овального отверстия 0,75 м, высота 0,45 м. Дромос длиной около 0,3 м. Размер камеры 2,15 x 1,2 м, ориентация восток — запад, дно на глубине 5,5 м, на 0,15 м ниже дна дромоса. Высота свода 0,85 м. На стенках и своде камеры хорошо сохранились следы рабочего орудия с округлым рабочим краем шириной до 4 см. Скелет взрослого человека лежал по длинной оси камеры в скорченном положении на спине черепом на запад. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте и направлена к коленям. Слева от черепа и под коленными чашечками — остатки горелой травы. У левого плеча и у ступней ног россыпь охры (рис. 10, 2).

Погребение 44 (катакомбное) — в 4 м к северу и в 10,4 м к востоку. С этим захоронением была связана локальная третья досыпка. Входная яма прослеживалась с глубины 1,4 м от поверхности кургана. Дно ее на глубине 5 м, размер ямы 1,8 x 1,4 м, ориентация север — юг. Под северной стенкой ступенька шириной 0,65 м, высотой 0,1 м. Яма сужается и понижается к югу, переходя в узкий щелевидный дромос. Длина дромоса 0,6 м, ширина 0,7 м, высота 0,3 м. У входа в дромос зафиксированы кусочки дерева от перегородки. Камера в плане трапециевидная с четко выражен-

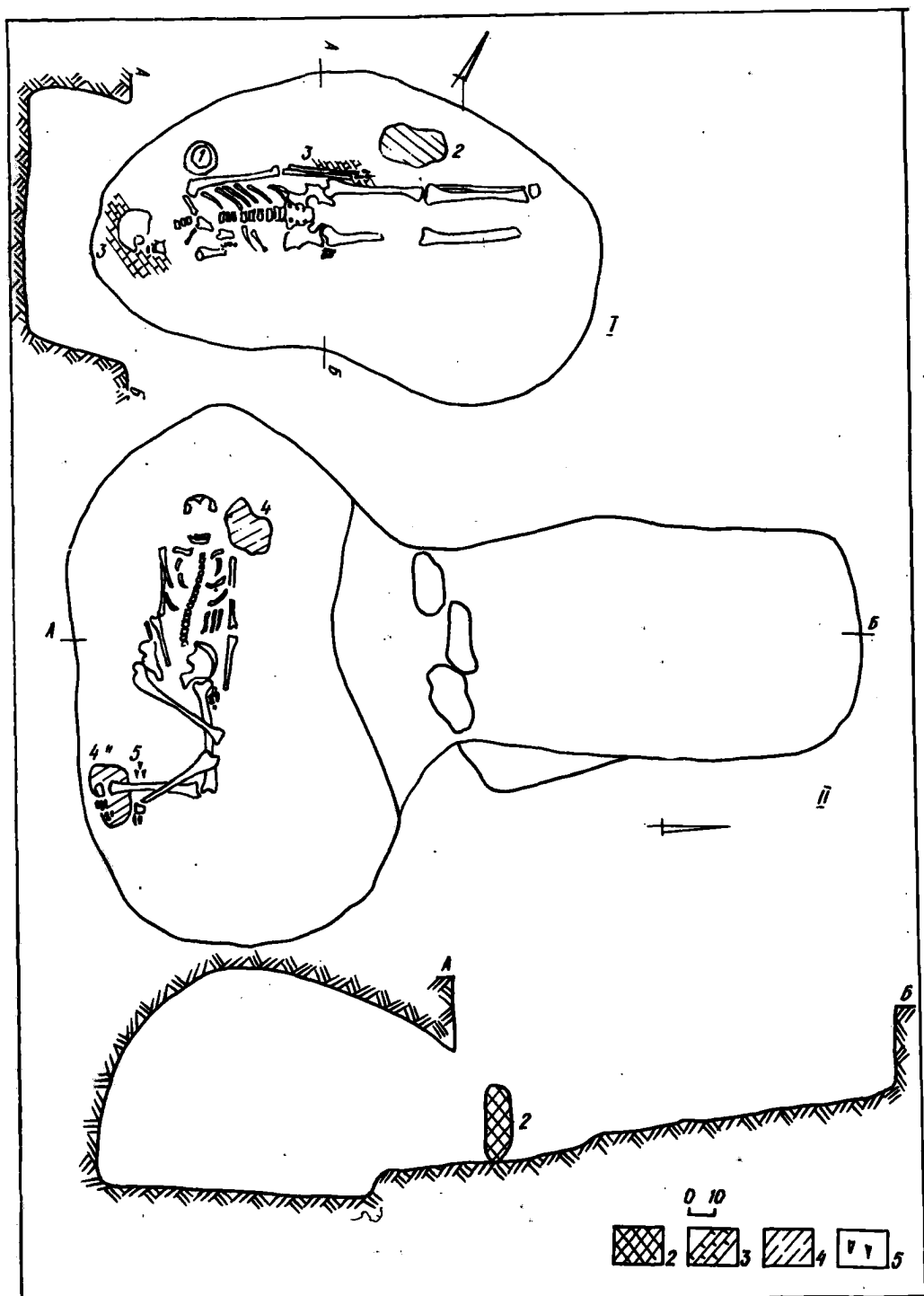

Рис. 10. I — п. 42; II — п. 43;
 1 — сосуд, 2 — камень, 3 — деревянная подстилка,
 4 — охра, 5 — горелая трава

ными закругленными углами. Размер камеры 1,7 x 0,9 м (западная) — 1,25 м (восточная стенка), ориентация — запад — восток. Фиксируемая высота свода около 1 м. Посередине катакомбы кучно лежали отдельные кости скелета (женщина?), а под северной стенкой найдены отдельные кос-

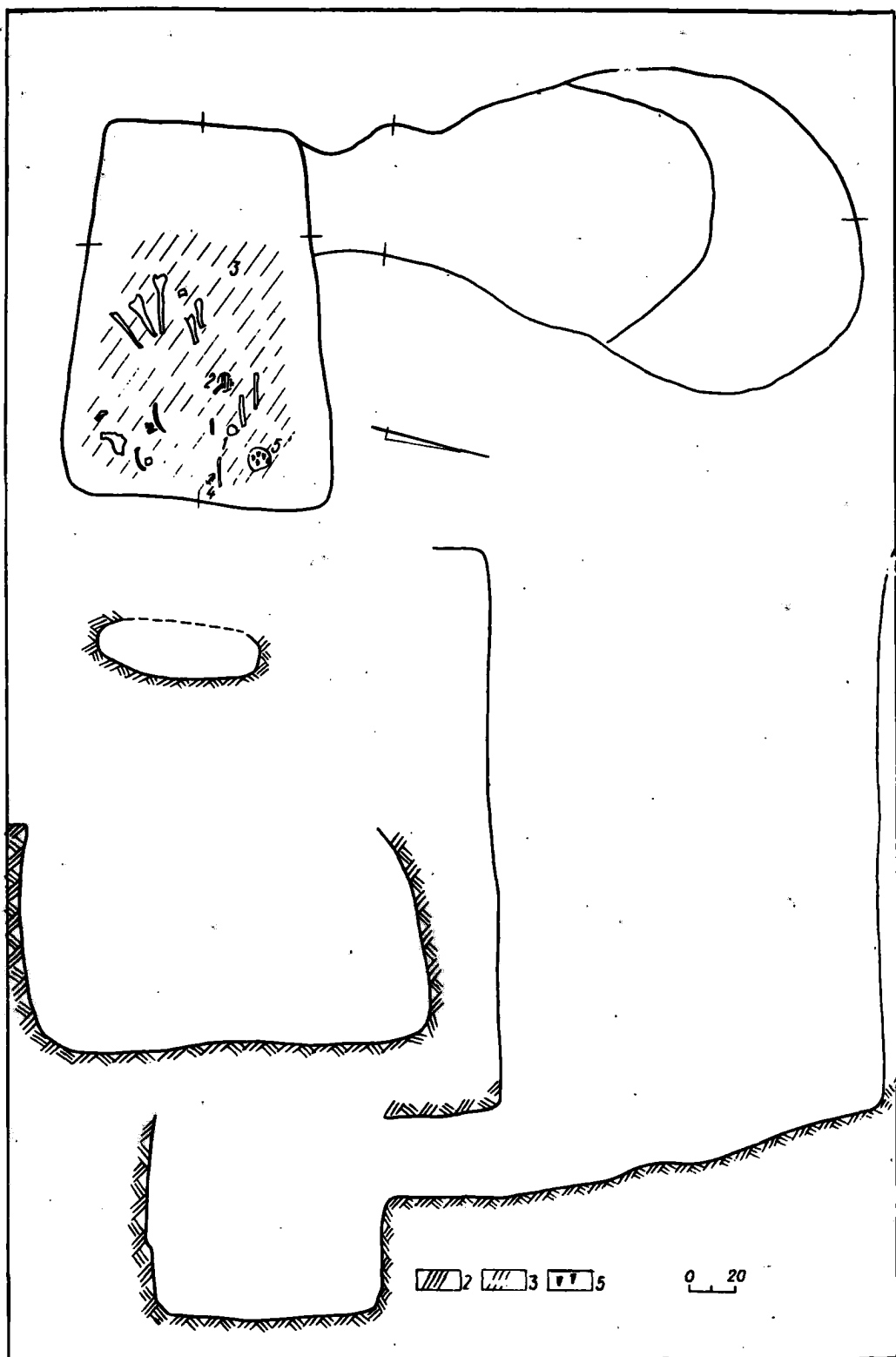

Рис. 11. п. 44:
 1 - сосуд, 2 - охра, 3 - белая глина, 4 - кость
 животного, 5 - угольки

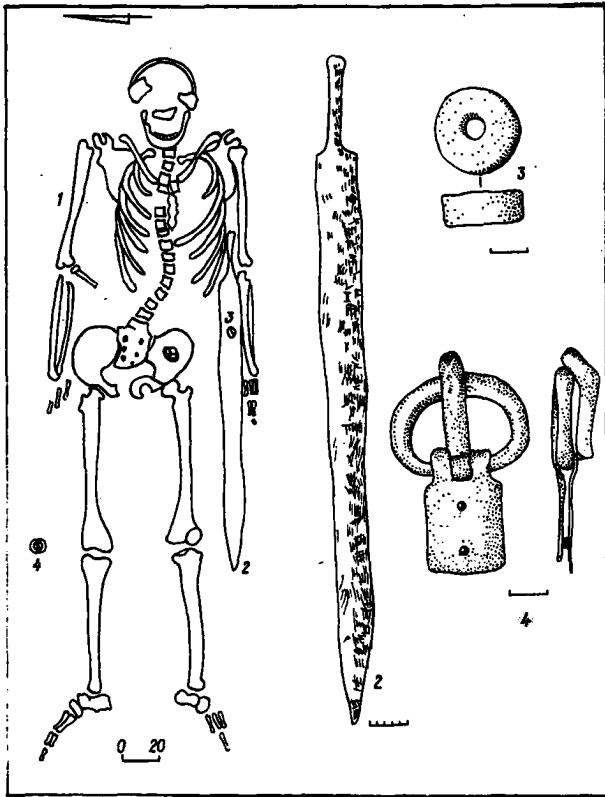

Рис. 12. п. 45:
1 — план п. 45, 2 — меч, 3 — "колесико", 4 — пряжка бронзовая

вытянутом положении на спине головой на восток: Руки вытянуты вдоль туловища (рис. 12, 1). Между телом и левой рукой лежал меч (1), на лезвии меча, напротив таза, каменное "колесико" (2), а на тазовых костях, слева, находилась бронзовая пряжка (3). У кисти правой руки лежал обломок песчаника, у колена правой ноги была найдена железная пряжка (4).

1. Меч длинный, прямой, неширокий, суживается к основанию с заостренным концом. Клинок плоский, без ребра. Перекрестие отсутствует. Черенок выкован с клинком, представляет плоский брусок, слегка расширяющийся к концу. Длина меча 91 см, длина черенка 10 см, ширина 2,5 см, длина лезвия 80 см, ширина 5 см, толщина 0,5 см (рис. 12, 2).

2. "Колесико" из мягкого белого камня шайбовидной формы. Его высота 0,9 см, диаметр 2,1 см, диаметр отверстия 0,6 см (рис. 12, 3).

3. Пряжка бронзовая, состоит из обоймы, кольца и язычка. Все детали пряжки изготовлены отдельно. Обойма сделана из согнутой вдвое прямоугольной пластины, размер которой 3,3 x 2,1 см. По длинной оси пластину скрепляют две заклепки (сохранилась одна). В месте сгиба пластины по краям ее вырезаны две петли, сквозь которые продевалось кольцо. Прорезь посередине служила для крепления язычка. Кольцо овальной формы, размером 3,7 x 2,8 см, выполнено из проволоки. Передняя часть кольца утолщенная, тыльная — более узкая. Толщина кольца 0,4—0,6 см. Язычок хоботовидной формы с сужающимся книзу свободным концом. С тыльной стороны язычка — пластинчатая петля, при помощи которой язычок крепился к кольцу пряжки. На окончании язычка с внешней стороны виден косой крест. Длина язычка 3,4 см, толщина 0,4 см (рис. 12, 4).

* В определении культурной принадлежности и датировки погребения принимали участие А. З. Симо-
нянко и Е. Л. Гороховский.

ти, принадлежащие грудному ребенку. Дно камеры посыпано белой глиной и охрой. Под западной стенкой лежала челюсть мелкого животного и древесные угольки. Между костями умерших вдоль длинной оси камеры лежало несколько прутьев и лепной сосудик (рис. 11). Уплотненный край венчика слегка отогнут наружу. Шейка короткая, плечики высокие, корпус яйцевидный. Дно выпуклое, неустойчивое. Внутренняя и внешняя поверхности заглажены гребенчатым штампом. Высота сосуда 12 см, диаметр венчика 10 см, дна — 6 см (рис. 8, 1).

Погребение 45 (гуннского времени)* обнаружено в 23,5 м к северу и в 6,5 м к востоку от 0 на глубине 1,2 м от поверхности кургана. Контуры ямы не прослеживались. Над скелетом лежала горизонтальная плита размером 0,65 x 0,3 x 0,1 м. Скелет принадлежал мужчине, который лежал в

4. Пряжка железная, плохой сохранности. Высота дужки 4 см, ширина 5 см, сечение стержня 0,7 см. Язычок отсутствует.

Погребение 46 (позднесредневековое) — в 13 м к югу. Яма ориентирована по линии северо — северо-запад — юго — юго-восток. С северной стороны на глубине 0,8 м от поверхности кургана яма имела ступеньку шириной 0,2 м. Южная стенка ямы была облицована двумя вертикально поставленными досками и известняковыми камнями. Дно ямы — на глубине 1,32 м. Параметры ямы не устанавливались. Скелет погребенного мужчины 25—35 лет лежал на спине головой на запад — юго-запад. Правая рука вытянута, левая согнута в локте, кисть ее на тазовых костях.

Погребение 47 (катакомбное) — в 14 м к югу и в 10,5 м к востоку. Совершено в катакомбе. Овальная в плане камера ориентирована с северо-востока на юго-запад. Ее размер 2,2 x 1,3 м. Фиксируемая высота свода 0,4 м. Скелет мужчины

35—45 лет лежал на спине черепом на юго-запад, руки вытянуты вдоль туловища. Дно камеры — на глубине 5,15 м, в юго-западной части посыпано белой глиной, под восточной — охрой. Слева от черепа пятно горелой травы. Под скелетом и вправо от плеча сохранились остатки деревянных плашек (рис. 14, 1).

Погребение 48 (катакомбное) — в 4 м к северу и в 12 м к востоку на глубине 5,2 м. Совершено в катакомбе. Входная яма не сохранилась. Овальная в плане камера ориентирована по линии северо — северо-запад — юго — юго-восток, ее размер 2,0 x 1,2 м. Скелет женщины лежал вытянуто на спине черепом на юго — юго-восток. Руки вытянуты вдоль туловища. На дне сохранилась подстилка из коры (?), посыпанная белой глиной и охрой (рис. 13, 2). Справа от черепа вверх дном стоял лепной горшок. Короткая шейка переходит в высокие плечики, корпус округлый, дно отсутствует. Край венчика с наружной стороны орнаментирован косыми насечками, по шейке три горизонтальных оттиска тесьмы. Плечики и корпус украшают прочерченные заштрихованные внутри треугольники, опущенные вершинами вниз. Высота сохранившейся части сосуда 11,4 см, диаметр венчика 13,8 см (рис. 8, 3).

Погребение 49 (позднесредневековое) — в 11 м к югу и в 8,6 м к востоку. На глубине 1,1 м выявлено камышовое перекрытие. Скелет женщины (?) 25—30 лет находился на глубине 1,3 м от поверхности кургана, лежал вытянуто на спине черепом на юго — юго-восток. Руки — вдоль туловища. Вокруг скелета были выявлены вертикально стоящие тонкие колышки (рис. 4, 2).

Погребение 50 (ямное) — в 7 м к югу. Яма с заплечиками была впущена с поверхности второй досыпки кургана. Заплечики находились на уровне древней дневной поверхности (4,5 м). Размер ямы с заплечика-

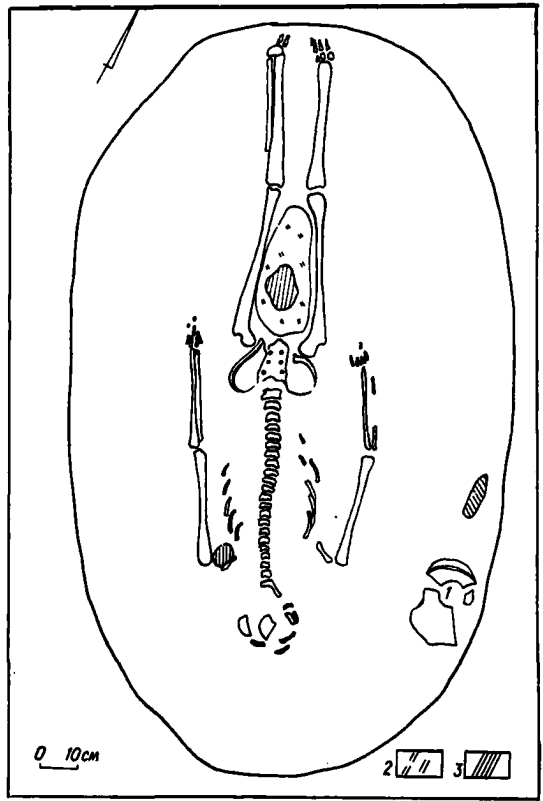

Рис. 13. п. 48:
1 — сосуд, 2 — белая глина, 3 — древесная подстилка

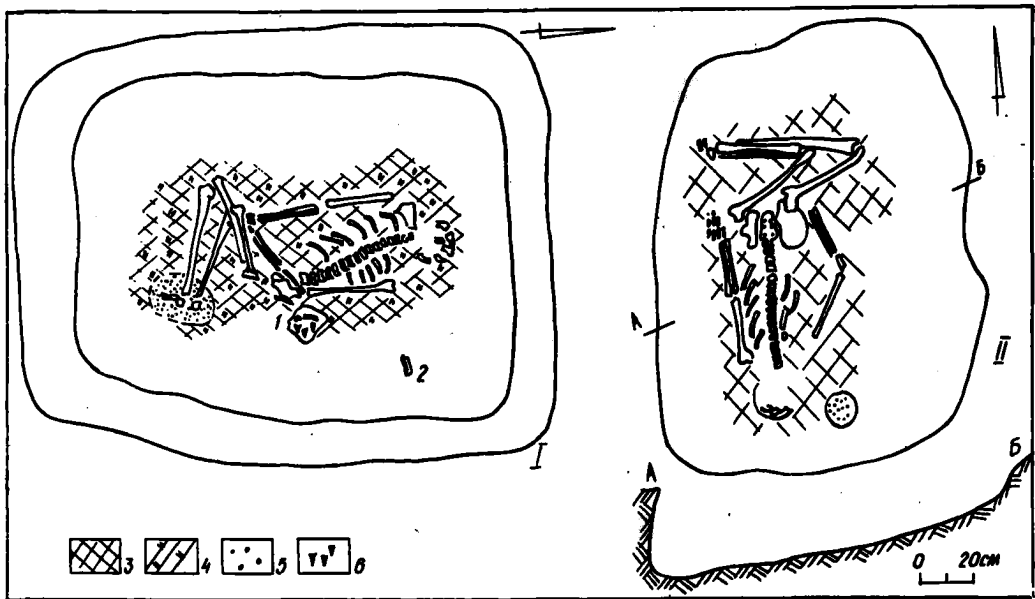

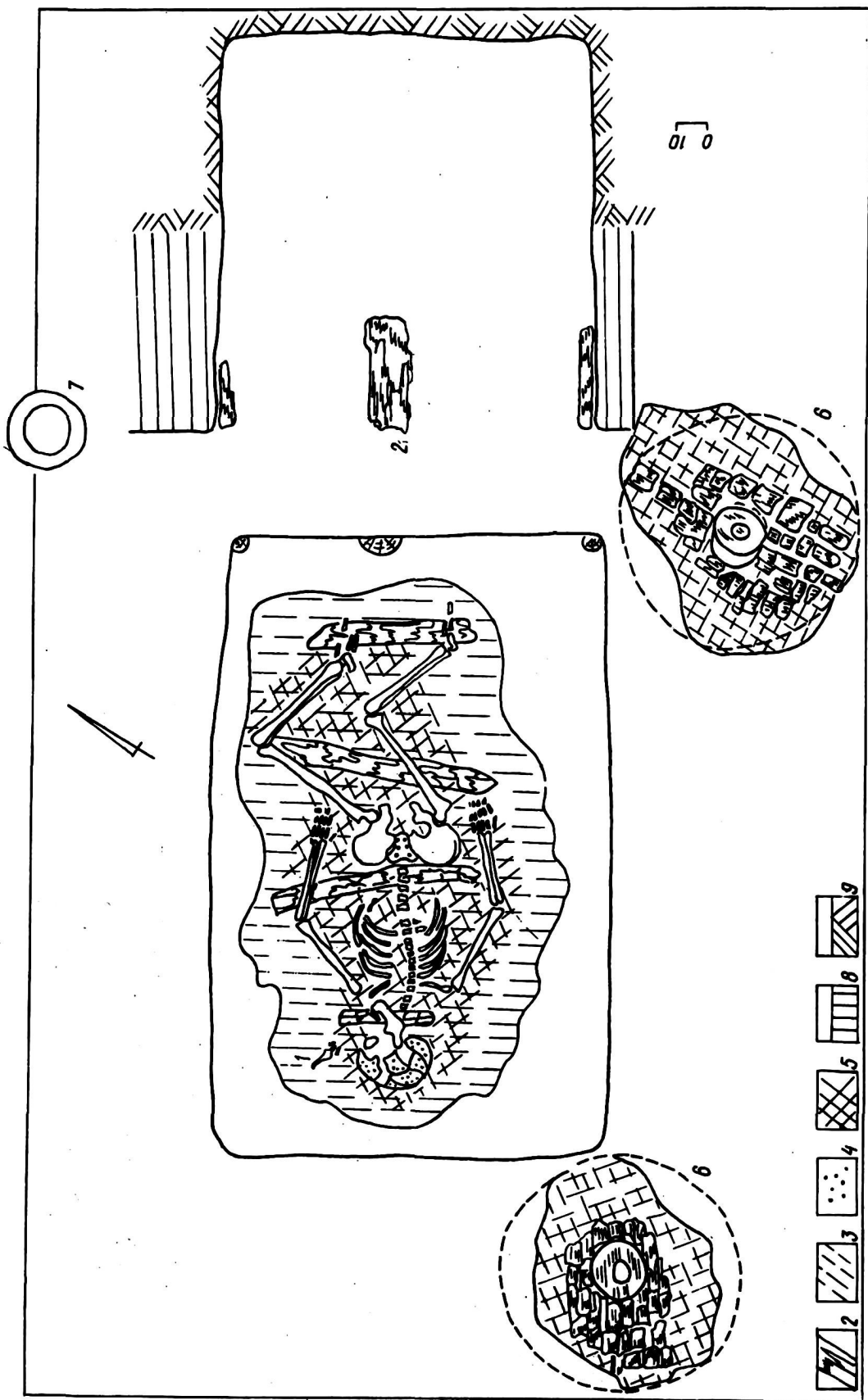
Рис. 14. I — п. 50; II — п. 51:

1 — *Unio*, 2 — челюсть мелкого животного, 3 — тлен белого цвета, 4 — древесная подстилка, 5 — охра, 6 — угольки

ми 2,1 x 1,7 м, ориентация север — юг. На уровне заплечиков яма перекрывалась камышом. Размер ямы по дну 1,65 x 1,3 м, глубина 5,4 м от 0. На стенках ямы в материке отмечены следы орудия с изогнутым и зазубренным рабочим краем шириной 2,5 см. Скелет лежал по длинной оси ямы на спине черепом на север. Прямая рука вытянута, левая согнута под тупым углом в локте, кисти рук смыкались у бедренных костей. Ноги согнуты под острым углом. По дну ямы беловатый тлен, древесная подстилка со следами охры. Наиболее интенсивно окрашены охрой ступни ног. Слева от умершего древесные угольки, створка раковины *Unio* и нижняя челюсть мелкого животного (рис. 14, 1).

Погребение 51 (катакомбное) — в 9 м к югу и в 10 м к востоку на глубине 6,05 м. Совершено в катакомбе. Предполагаемая входная яма находилась к востоку от фаселевидной в плане камеры, ориентированной по линии север — юг. Размер камеры 1,75 x 1,35 м, фиксируемая высота свода 0,5 м. На стенках камеры зафиксированы следы орудия с заостренным краем. Скелет лежал ближе к западной стенке камеры черепом на юг. Левая рука вытянута вдоль туловища, ноги согнуты в коленях под острым углом. Дно посыпано белой глиной с остатками древесной подстилки. Справа от черепа на плетении из тонких деревянных прутиков кучки охры (рис. 14, 2).

Погребение 52 (ямное) — в 5 м к югу и в 1,5 м к востоку. Совершено в яме с заплечиками. Ширина заплечиков 0,6 м. На заплечиках (глубина 4,45 м) сохранились остатки продольных плах перекрытия. Продольные лежали на редких поперечных плахах. На перекрытии сохранились остатки камышовых циновок. На заплечиках была найдена створка раковины *Unio*. Размер ямы под перекрытием 2,0 x 1,3 м, ориентация восток — запад. Дно ямы на глубине 5,67 м. На стенках ямы сохранились следы копательного орудия с заостренным концом (ширина желобков 1—1,5 см) и следы теслообразного орудия (ширина лезвия до 4 см). Скелет взрослого человека лежал на спине в центре ямы, черепом ориентирован на запад. Руки согнуты в локтях. Ноги, поднятые первоначально коленями кверху, упали в разные стороны. Дно ямы посыпано белой глиной. Подстилка состояла из тонких деревянных прутиков, лежащих поперек ямы. Охрой посыпаны череп, стопы ног.

Погребение 53 (позднесредневековое) — в 16 м к югу на глубине 1,05 м от поверхности кургана. На глубине 0,55 м яма имела поперечное перекрытие. Скелет женщины 30—40 лет лежал вытянуто на правом боку черепом на юго — юго-запад. Руки согнуты в локтях и кисти находятся у тазовых костей. Ноги перекрещивались в коленях (рис. 4, 6).

Погребение 54 (ямное, кенотаф) — в 5,5 м к югу и в 4 м к востоку на глубине 4,95 м. Яма прямоугольной формы, размером 1,3 x 0,9 м, с ориентацией северо — северо-восток — юго — юго-запад. На стенках ямы сохранились следы орудия труда с изогнутым и зазубренным рабочим краем шириной 1,1 м. Дно ямы покрыто гниловкой из стеблей рогозы. Под северной стенкой остатки горелой травы. С отпечатков циновки на дне ямы сделана гипсовая отливка (рис. 6, 11).

Погребение 55 (позднесредневековое) — в 20,5 м к югу на глубине 0,7 м от поверхности кургана. Умерший лежал под деревянным перекрытием (дерево уложено поперек) вытянуто на спине головой на запад. Руки вытянуты вдоль туловища.

Погребение 56 (ямное, кенотаф) — в 13 м к югу и в 1,5 м к востоку на глубине 5,4 м. Впущено в насыпь, образовавшуюся после первой досыпки кургана. Овальная яма вытянута с запада на восток. Размер ямы 1,1 x 0,45 м, глубина 1,3 м. На дне ямы находилось камышовое перекрытие.

Погребение 57 (ямное, основное) — по центру кургана в 1 м к северу от условного центра (рис. 15, 1). Яма опущена с уровня древней дневной поверхности на глубину 1,35 м. Размер ямы 2,1 x 1,33 м, ориентация северо-восток — юго-запад. На стенках следы орудия труда с заостренным рабочим краем (ширина ложбинки 2 см) и плоского теслообразного орудия (ширина лезвия около 3 см). Последним, очевидно, подравнивались стенки ямы. Выбранный из ямы грунт отодвинут от ее краев на 3 м к северо-западу и юго-востоку. Образовавшаяся площадка посыпана белой глиной. В 0,2 м к востоку от восточного угла ямы находилось небольшое пятно охры и подтретушированный кремневый отщеп (рис. 6, 4). У восточного и южного углов ямы на площадке уложено плашмя по одному деревянному колесу.

У северного угла ямы, на расстоянии 0,6 м от него в земле — трапециевидная в сечении и круглая в плане ямка диаметром 0,22 м — 0,16 м и глубиной 0,06 м, в которой были найдены тонкие чешуйки дерева. Возможно, это остатки деревянного сосуда.

Колесо 1 вытесано из цельного куска дерева. Имеет двухстороннюю ступицу с овальным осевым отверстием и обломком оси в нем. Ступица по обе стороны от осевого отверстия охвачена шнуром, отпечатавшимся в выемке под ступицей. Диаметр колеса 0,8 м, толщина до 4 см, диаметр ступицы 0,2 м, высота ступицы 0,16 м, осевое отверстие 4 x 3 см (рис. 6, 1).

Колесо 2 имеет такую же форму и размер, как и предыдущие, однако сохранность его гораздо хуже. Ступица охвачена девятью витками шнура. Размер осевого отверстия 6 x 4 см (рис. 6, 2).

Умерший лежал по длинной оси ямы на спине, головой на юго-запад. Руки согнуты под тупым углом в локтях. Ноги, поднятые первоначально коленями вверх, упали вправо. Дно могилы посыпано белой глиной. На подсыпку поперек ямы уложены с небольшим интервалом четыре доски², а поверх них — подстилка из коры. Скелет погребенного посыпан охрой. Слева от черепа лежал кинжальчик из мышьяковистой бронзы с деревянной распавшейся ручкой. Лезвие кинжала листовидной формы с высокими плечиками, в сечении линзовидное. Длина орудия 12,5 см, черенка — 3,5 см, длина открытой части лезвия 9 см, ширина 2,8 см, толщина до 0,2 см. Деревянная цельная ручка с заокругленным основанием закрывала черенок и

Рис. 15. п. 57:

1 — нож, 2 — дерево, 3 — белая глина, 4 — охра, 5 — коричневый глин, 6 — колесо, 7 — остатки деревянного сосуда, 8 — древний горизонт, 9 — материк

плечики кинжала. Длина ручки 12 см, ширина 2 см, толщина 0,7 см. Литая заготовка орудия была подвергнута доработке ковкой. Вероятно, вначале ковка велась нагорячо и была связана с удалением дефектов литья. Завершающаяся стадия обработки велась по остывшему металлу и была связана с упрочением лезвия ножа*. Химический состав металла: Cu — основа, Sn — 0,007, Ag — 0,001, As — 2,5, Fe < 0,001, Ni — 0,03, Au — 0,001**.

Для датировки основного погребения кургана мы располагаем такими находками, как деревянные колеса и медный нож.

Ближайшие аналогии по конструкции, размерам, по-видимому, колеса из погребения 8 кургана 1 у с. Староселье и погребений 6, 19 кургана 1 у с. Первоконстантиновка³. Колеса из погребения вместе с деревянными конструкциями, обнаруженными в засыпке могильной ямы (отпечатки двух узких досок в углах и широкой по оси стенки), а также досками, на которых лежал погребенный, можно рассматривать как остатки деревянной повозки⁴.

Большая часть известных погребений с колесами — в хронологических рамках второй половины III — первой половины II тыс. до н.э. Основываясь на наблюдениях Ю.А.Шилова, проследившего тенденции в изменении конструкции деревянных колес в погребениях ямного времени⁵, можно отнести колеса из рассматриваемого нами погребения к ранней группе колес, известных в этом регионе: к III четверти III тыс. до н.э.

Ножи листовидной формы с узким лезвием отнесем к четвертой группе классификационной системы, предложенной С.Я.Кореневским⁶. Такие ножи из мышьяковистой бронзы "появляются у племен ямной культуры в период их знакомства с кавказскими мышьяковистыми бронзами, то есть во второй половине III тыс. до н.э."⁷, в виде сырья и готовых изделий.

Предположение о кавказском происхождении ножа подтверждается химическим составом металла, из которого он изготовлен, а также химическим составом металла, из которого изготовлены шило из погребения 38 этого кургана (основу составляет медь, наиболее значительной примесью является мышьяк).

Кроме стратиграфических наблюдений в процессе раскопок кургана, анализа инвентаря погребений мы имеем данные радиоуглеродного анализа древесины ступицы колеса погребения 57 и накатника погребения 40. Так, основное погребение 57 датируется 2420 ± 120 г. до н.э. (анализ КИ-606)⁸. Образцы дерева из погребения 40 определялись дважды: в Ленинградской лаборатории получена дата 2130 ± 90 г. до н.э. (анализ ДЕ-1168) и в Киевской — 2040 ± 110 (анализ КИ-601)⁹. Настораживает разрыв в 300—400 лет между основным и впускным погребениями. Погребение 40 связывается со второй досыпкой кургана. По обряду оба погребения близки, что предполагает небольшой хронологический разрыв между ними. По нашему мнению, наиболее достоверной датой может быть первая 2420 ± 120 г. до н.э. Эта дата приближается к нашей датировке колес из основного погребения 57. Необходимо признать, что стратиграфические наблюдения в сочетании с археологическими методами датировки на сегодня для памятников бронзового века являются более надежными и точными определителями времени, чем радиоуглеродные даты.

Единственным сосудом в инвентаре ямных погребений Балковского кургана являлась кружка из погребения 20. Надо отметить, что в курганах по линии Балки — Днепрорудный — Златополь кружки являются едва ли не ведущим типом погребальной посуды в погребениях (6) ямного времени.

Подводя итоги исследованиям погребений Балковского кургана, сделаем краткие выводы. В целом комплекс ямных погребений можно датировать позднеямным временем в пределах второй половины III тыс. до н.э. Всего в кургане обнаружено 11 погребений ямного времени.

* Металлографический анализ № 601.

** Спектральный анализ № 16309.

Среди погребений катакомбной культуры отчетливо выделяются две хронологические группы: ранняя со скорченными на спине и расчлененными скелетами и сосудом ямного облика. Камеры имеют прямоугольную входную яму (29, 43, 44, 51); поздняя с вытянутыми на спине скелетами и нарядно орнаментированной посудой. Камеры имеют округлую входную яму (36, 42, 47, 48).

Если ранняя группа катакомбных погребений обнаруживает известную связь в керамике с ямной культурой, то поздняя хронологически, на наш взгляд, культурно смыкается с памятниками ингульского типа¹⁰.

Погребений культуры многоваликовой керамики в кургане два (2 и 17). При определении культурной принадлежности погребений решающую роль сыграла овальная костяная пряжка. Подобные вещи характерны для памятников с многоваликовой керамикой на Украине¹¹.

Отсутствие срубных погребений в Балковском кургане не случайно. Последние редко использовали для погребальных целей наиболее высокие курганы, предпочитая средние и малые насыпи. В то же время редкие киммерийские погребения совершались на господствующих высотах (Высокая могила, Малая Цимбалка, Балковский курган). В перечисленных курганах были обнаружены все четыре известные на сегодня киммерийские погребения в данном микрорайоне. Погребение 1 Балковского кургана по положению и ориентации скелета относится к новочеркасской группе киммерийских¹². Наиболее близкой аналогией по обряду и инвентарю (сосуд) является погребение 1 в кургане С-2 у с. Меркель в Саратовском Заволжье¹³.

Редким для данной территории является погребение 45 гуннского времени, которое датируется второй половиной IV в. до н.э.¹⁴

Позднесредневековое кладбище Балковского кургана намечает северную границу распространения своеобразной группы памятников, трактуемых в литературе как ногайские¹⁵, татарские¹⁶, или принадлежащие оседлому населению, не связанному с христианством¹⁷.

Ориентировочная дата этих кладбищ XIV—XV вв.¹⁸, которую при отсутствии датировочных вещей в погребениях уточнить трудно. Антропологическая обработка 16 скелетов, произведенная С.И. Круц, дала следующие результаты: 11 принадлежали взрослым мужчинам, 4 — женщинам, 1 — ребенку 6—7 лет. Мужские черепа мезобрахикранные с высоким сводом, широким и высоким ортогнатным, несколько уплощенным лицом, средневыступающим носом и невысоким переносьем. В целом антропологический тип смешанный, с заметным налетом монголоидности. Женские черепа представлены таким же антропологическим типом. Тот факт, что черепа обращены лицевой частью на юг, в сторону Мекки, указывает на принадлежность этих погребений населению, исповедовавшему мусульманство.

¹ *Отрощенко В.В., Болтрик Ю.В.* Культурно-хронологическое и территориальное распределение могильников Днепро-Молочанской степной области // *Материалы по хронологии археологических памятников Украины.* — Киев: Наук. думка, 1982. — С. 38—39.

² Близкая к рассмотренной система расположения досок под погребенным зафиксирована в ямном погребении 7 кургана 1 у с. Холмское. См.: *Гудкова А.В., Черняков И.Т.* Ямные погребения с колесами у с. Холмское // *Древности Северо-Западного Причерноморья.* — Киев: Наук. думка, 1981. — С. 41.

³ *Шилов Ю.О.* Залишки возів у курганах ямної культури Нижнього Подніпров'я // *Археологія.* — 1975. — Вип. 17. — С. 55, 56.

⁴ *Там же.* — С. 55—60.

⁵ *Там же.* — С. 61.

⁶ *Корнеевский С.Н.* О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур // *СА.* — 1978. — № 2. — С. 41—46.

⁷ *Там же.* — С. 46.

⁸ *Телегин Д.Я.* Об абсолютном возрасте ямной культуры и некоторые вопросы хронологии энеолита юга Украины // *СА.* — 1977. — № 2. — С. 9—10.

⁹ *Там же.* — С. 9—10.

¹⁰ *Шапошникова О.Г., Бочкарев В.С., Шарафутдинова И.Н.* О памятниках эпохи меди — ранней бронзы в бассейне р. Ингула // *Древности Поингулья.* — Киев: Наук. думка, 1977. — С. 30—34.

¹¹ *Отрощенко В.В.* О культурной принадлежности погребений с костяными пряжками // *Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг. Тез. докладов.* — Ужгород, 1978. — С. 34—35.

- 12 *Тереножкин А.И.* Киммерийцы. — Киев: Наук. думка, 1976. — С. 96—99.
- 13 *Синицын И.В.* Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья // Уч. зап. СГУ. — Саратов, 1947. — Т. 17. — С. 74—75. — Рис. 47.
- 14 *Засецкая И.П.* О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи // СА. — 1978. — № 1. — С. 56—61.
- 15 *Клейн Л.С.* Курганы біля с.Троїцького // АН УРСР. — 1960. — Т. 8. — С. 148, 156.
- 16 *Шмаглій Н.М., Черняков И.Т.* Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (1964—1966) // МАСП. — 1970. — Вып. 6. — С. 15—32.
- 17 *Когонашвили К.К.* К вопросу о средневековом населении северного Крыма // *Шепинский А.А., Черепанова Е.Н.* Северное Присивашье. — Симферополь, 1969. — С. 316—321.
- 18 *Там же.* — С. 320—321.

Л.Г.САМОЙЛЕНКО
КУРГАНЫ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ
В БАССЕЙНЕ р.БАЗАВЛУК
В ДНЕПРОВСКОМ
СТЕПНОМ ПРАВОБЕРЕЖЬЕ

Археологическая экспедиция Киевского университета в 1974—1979 гг. проводила раскопки курганов в междуречье Каменки и Базавлука, вблизи р. Соленая, левого притока р. Базавлук в зонах сооружения Каменской и Никопольской оросительных систем у сел Вишневое, Каменка, Михайловка, Новоподольское, Поддубное, Павловка, Марьевка Софиевского р-на, Алексеевка, Широчаны Апостоловского р-на, Лукиевка, Высокое, Новоселовка, Новоивановка, Первомайский Никопольского р-на Днепропетровской обл.¹

Исследованы 43 кургана ямной культуры высотой от 0,5 до 6,7 м, в которых обнаружены 197 погребений. Курганы располагались в одиночку и группами на возвышенностях водораздельных плато. Первоначальные насыпи сооружались над одним, а иногда — над двумя основными погребениями. Каждое последующее погребение, или группа одновременных впускных погребений, иногда — располагавшихся по кругу (Алексеевка, 1976, к. 5; Вишневое, 1976, к. 9), сопровождалась досыпками курганов. Три кургана (Поддубное, 1975, к. 12; Марьевка, 1976, к. 6 и 7) были с каменными кромлехами, которые окружали основные погребения.

Все погребения в исследованных курганах совершались в простых грунтовых ямах с перекрытиями. Ямы — разных размеров, чаще всего 1,6—1,8 x 0,8 x 1,2 м. Для детских погребений характерны небольшие, менее вытянутые в плане ямы. Глубина ям от перекрытий чаще всего достигала 0,5—1,1 м. В такой-то степени она была пропорциональна площади могилы, правда, часто встречались глубокие ямы с небольшими в плане размерами и наоборот (рис. 1, 1, 2). Погребальные ямы — относительно однообразны по форме, но среди них можно выделить несколько типов: 1) прямоугольные в плане с ровными стенками и прямыми или незначительно закругленными углами (рис. 1, 3); 2) прямоугольные с закругленными углами (рис. 1, 4); 3) подпрямоугольные с сильно закругленными углами и овальные (рис. 1, 5); 4) неровные в плане ямы (рис. 1, 6). Наиболее часто встречались ямы второго типа (40,2 %). На втором месте по количеству — ямы четвертого типа (27,7 %). Приблизительно столько же (24 %) обнаружено ям первого типа. Меньше всего зафиксировано ям третьего типа (8,1 %). Разнообразные по своей форме ямы зафиксированы в стратиграфически выделенных группах одновременных погребений. Среди основных захоронений также встречаются все указанные типы ям. Следовательно, конструктивные особенности ямных погребений не могут, по нашему мнению, служить признаками этапов развития ямной культуры. Вывод О.А.Кривцово-вой-Граковой о том, что тип ямы является хронологическим признаком могил ямной культуры Никопольского курганного поля², не подтверждается, как нам кажется, на массовом материале. Скорее всего, выделенные

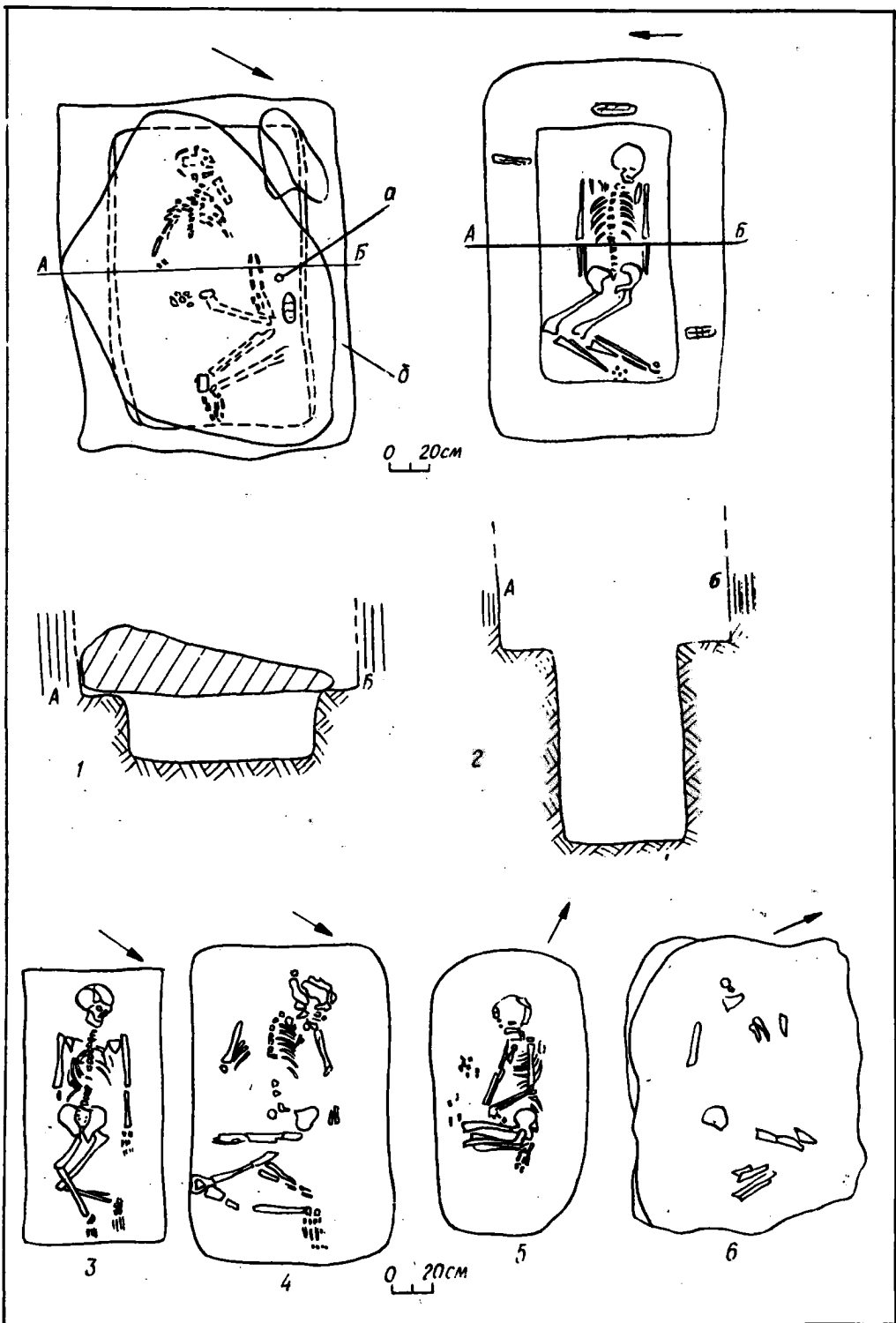
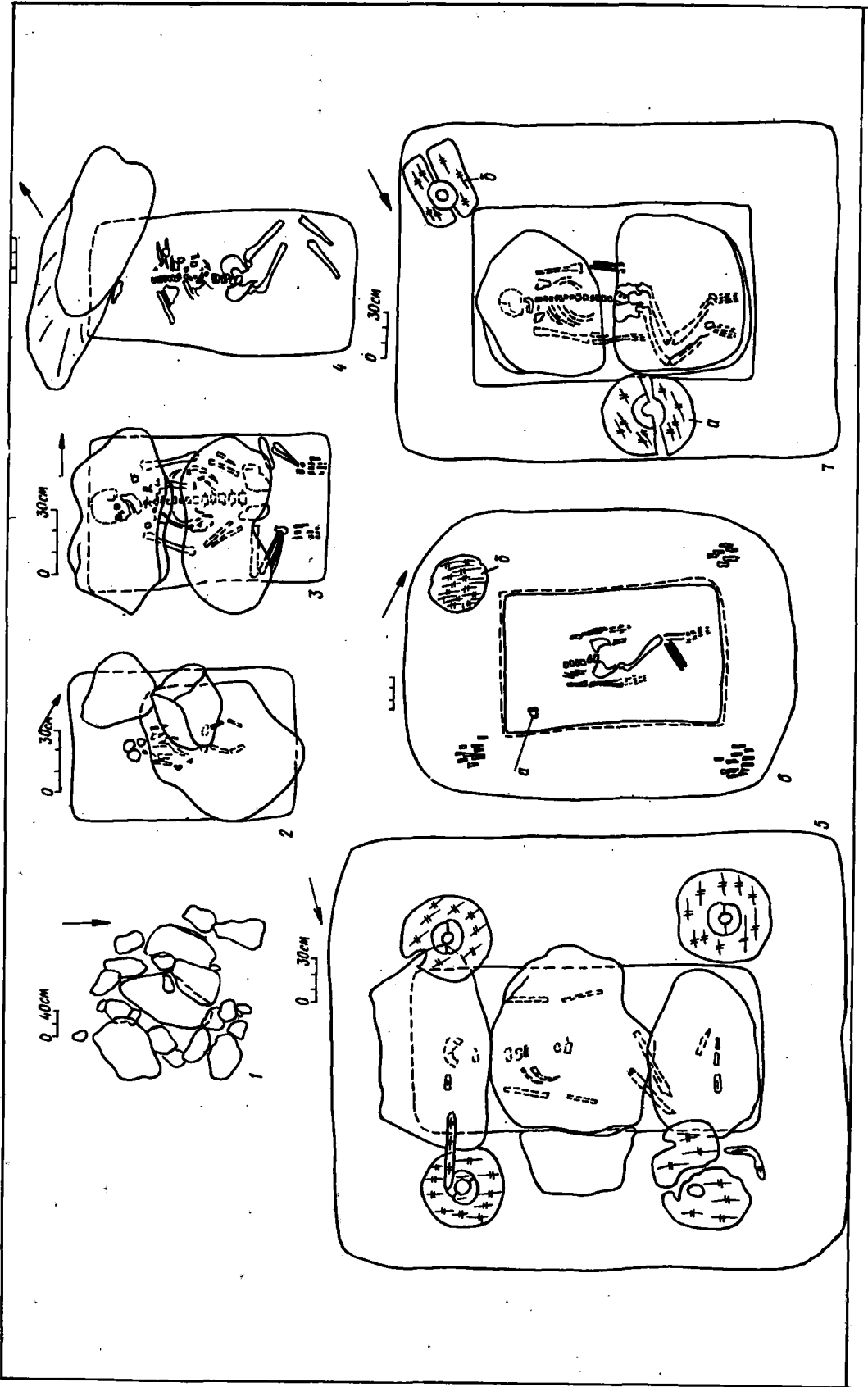

Рис. 1.

1 - с. Новоивановка, 1978 г., к. 1, п. 2 (а - кусок охры, б - пятно золы); 2 - с. Новоивановка, 1977 г., к. 1, п. 1; 3 - с. Михайловка, 1975 г., к. 4, п. 4; 4 - с. Новоселовка, 1978 г., к. 8, п. 6; 5 - с. Марьевка, 1976 г., к. 6, п. 2; 6 - с. Лукиевка, 1979 г., к. 4, л. 3

особенности грунтовых ям — лишь различия в индивидуальном исполнении общего типа погребальной конструкции ямной культуры.

Все впускные и три основных погребения были с заплечиками, которые чаще всего повторяли контуры погребальной ямы, но углы у них, как правило, более закругленные, иногда почти круглые и овальных форм. Ширина уступов в основном составляла 0,4—0,6 м.

Перекрытия погребений были двух типов: каменные и деревянные. Большинство каменных перекрытий состояли из одного — четырех больших камней, частично — плитчатых, положенных поперек ямы. Зафиксированы также заклады из небольших камней, которые были положены кучей над погребением. Иногда в перекрытиях встречались примитивно обработанные антропоморфные стелы (рис. 2), находки которых неоднократно привлекали внимание исследователей³. Особенности размещения стел в перекрытиях могил (например, п. 4, к. 7 у с. Поддубное 1974 г., где стела занимала центральное место) позволяют считать, что они относятся именно к ямной культуре (рис. 2, 1), а не попали в погребения случайно, как считают некоторые исследователи⁴. Каменная стела из перекрытия над основным ямным погребением кургана 3 близ с. Михайловка 1976 г. была сплошь покрыта красной охрой (рис. 2, 2). Вокруг основного древнеямного погребения 1 из кургана 7 близ с. Марьевка 1976 г. был сооружен кромлех из вкопанных в землю каменных плит и столбов, заостренных или суженных книзу наподобие значительной части зафиксированных стел. Каменные стелы в кромлехах уже встречались археологам⁵. Не исключено, что стелы были идолами—божествами древних ямников⁶. Первоначально они стояли вертикально, на это указывает необработанная или заузенная нижняя часть, а после использования их в погребальном обряде (стелы могли привозиться или изготавливаться на месте похорон) они попадали в перекрытия погребений. По мнению некоторых исследователей, полное понимание черт погребальных стел можно искать в индийских мифах о Пуруше⁷ — первочеловеке, брахмане, космическом гиганте, из которого возникла Вселенная⁸. В древнеиндийской мифологии известен также владыка царства мертвых Яма, который выискивает среди людей тех, кто должен принадлежать ему, ведет их путем смерти в свои владения и готовит место упокоения для усопших⁹. Один из Похоронных гимнов Ригведы восхваляет Яму, нашедшего путь мертвых, и призывает его прийти на погребальное жертвоприношение и принять жертву. Другой Похоронный гимн содержит слова, которые произносятся при совершении погребального обряда: "Пусть Яма построит тебе здесь дом!"¹⁰ Обычай приглашения божества смерти принять участие в погребальном обряде и постройке дома для умершего, вероятно, нашел отражение в присутствии каменных стел для идолов в погребальных сооружениях носителей ямной культуры. Кстати, по наблюдениям лингвистов, бог смерти Яма относится к числу древнейших индоиранских божеств, еще не испытавших влияний ни аборигенов Индии, ни концепций Заратуштры¹¹. Не исключено также участие в погребальном обряде каких-либо других божеств, возможно, даже не одного (если в перекрытии могилы находится не одна, а несколько стел).

Деревянные перекрытия ямных погребений чаще всего состояли из небольших плоских колод, которые лежали поперек ямы. Над тремя могилами (Вишневое, 1976, к. 9, п. 6; Новоселовка, 1978, к. 1, п. 1; к. 8, п. 6) колоды были положены вдоль погребальной ямы, причем в погребении 6 из кургана 8 у с. Новоселовка колодам предшествовали тонкие жерди,

Рис. 2.

1 — с. Поддубное, 1974 г., к. 7; 2 — с. Михайловка, 1976 г., к. 3; 3 — с. Алексеевка, 1976 г., к. 5; 4 — с. Михайловка, 1976 г., к. 4; 5 — с. Вишневое, 1976 г., к. 9, п. 8; 6 — с. Первомайский, 1978 г., к. 1, п. 5 (а — комок охры); 7 — с. Каменка, 1975 г., к. 11, п. 2

лежавшие поперек ямы. Два впускных погребения (Вишневоe, 1976, к. 9, п. 9; Первомайский, 1978, к. 12, п. 2) были перекрыты обгоревшими колодами. Часто ямы перекрывались корой или циновкой, поверх которых сооружались каменные и деревянные перекрытия. Правда, в некоторых случаях перекрытия только из коры или циновки. В погребении 8 из кургана 6 у с. Новоподольское 1975 г. перекрытие из циновки и коры дополнялось глиняной забутовкой.

В курганах, где встречались могилы с каменными и деревянными перекрытиями, погребения с каменными перекрытиями, как правило, предшествовали погребениям с деревянными перекрытиями. Если основные погребения были под деревянными перекрытиями, то и впускные тоже. Это наблюдение вполне согласуется с результатами исследований курганов ямной культуры степного Поднепровья и Побужья¹².

На заплечиках трех впускных погребений найдены остатки деревянных колес. На уступах погребения 2 из кургана 11 у с. Каменка 1975 г. обнаружены 2 колеса (рис. 2, 7). Колеса состояли из двух половинок. У одного были обломаны края. Его максимальный диаметр 42 см. Диаметр второго колеса 55 см. Толщина колес 1,5 см. У обоих колес были деревянные втулки толщиной до 20 см. Втулка первого колеса — цельная. От втулки второго колеса, состоявшей из двух половинок, сохранилась лишь одна. На заплечиках погребения 8 из кургана 9 у с. Вишневоe 1976 г. найдены четыре колеса, лежавшие по углам ямы поверх каменных плит заклада. Колеса были изготовлены из цельного куска дерева (рис. 2, 5). Их диаметр был от 52 до 58 см. В центре каждого колеса прорезаны круглые отверстия диаметром до 23 см, в которые вставлены двусоставные цилиндрические втулки. Между колесами поперек каменного заклада уложены деревянные круглые в разрезе оси диаметром до 4 см. На заплечиках погребения 5 из кургана 1 у с. Первомайский 1978 г. также прослежены остатки четырех колес, лежавших по углам ямы (рис. 2, 6). Их сохранность была плохой — три почти полностью истлели. Контур колеса диаметром до 58 см удалось проследить лишь у западного угла могилы. В кургане у с. Первомайский погребение было совершено под деревянным перекрытием, у с. Вишневоe — под каменным закладом и у с. Каменка — под комбинированным (из камня и дерева) перекрытием. Таким образом, погребения с колесами не связаны с материалом сооружения перекрытий. Не связаны они и с какими-либо особенностями погребального обряда. Результаты исследований подобных погребений в других регионах ямной культуры полностью согласуются с нашими наблюдениями. Например, преобладание захоронений со скорченными скелетами в ямных могилах Херсонщины отразилось и на позах погребенных с остатками повозок¹³. Все эти погребения, по нашему мнению, отличаются среди других погребальных конструкций только наличием на заплечиках остатков повозок. Остатки деревянных деталей повозок, которые, вероятно, символизировали целую повозку, известны в памятниках ямной и катакомбной культуры степной зоны Восточной Европы¹⁴. Их обнаружение в могилах, по мнению В.М.Массона, имеет большое значение, так как обряд погребения с повозкой, по аналогии с захоронениями в закавказских курганах куроаракской культуры, гробницах Ура, Шумара и Элама, может свидетельствовать о социальной дифференциации, о выделении особой прослойки в древнем обществе¹⁵.

В исследованных курганах преобладали одиночные погребения на спине с подогнутыми ногами и вытянутыми вдоль туловища руками. Иногда руки полусогнуты в локтях и несколько откинута в стороны. Таких погребений найдено 131 (66,5%), среди них — 32 основных (6 детских).

Среди основных погребений этой группы 16 сооружены под каменными перекрытиями, 15 — под деревянными и 1 — под комбинированным. У 69 из 99 впускных погребений перекрытия были деревянными, а у 28 — каменными. 24 из 131 совершенных на спине погребений сопровождалась

погребальным инвентарем. Причем 4 из них (2 детских) — основные, а 20 (7 детских) — впускные.

Погребения на спине с подогнутыми ногами совершались в ямах разных типов, но преобладали могилы относительно правильной прямоугольной формы с прямыми или закругленными углами.

Вторую группу составляют одиночные погребения со скорченными на правом боку скелетами. Ноги у них согнуты. Правая рука вытянута вдоль туловища или отброшена в сторону, левая — согнута в локте. Таких погребений обнаружено 25 (12,7 %), среди них пять основных. Четыре основных погребения совершены под каменными перекрытиями и одно — под деревянным. Все основные — безинвентарные. Для впускных погребений этой группы характерно деревянное перекрытие. Только два из них были перекрыты камнем, восемь впускных погребений (три детских) сопровождался погребальным инвентарем. Скорченные на правом боку погребения совершались в ямах всех типов. Однако наибольшее количество могил — с закругленными углами и неровными в плане стенками.

Третью группу составляют одиночные погребения со скорченными на левом боку скелетами. Ноги у погребенных сильно подогнуты. Погребения на левом боку, как правило, более скорченные, чем на правом боку. Левая рука вытянута вдоль туловища либо слегка отброшена в сторону, правая — согнута в локте. Таких погребений зафиксировано 7 (3,5 %). Все они впускные под деревянными перекрытиями. У этой группы погребений преобладали ямы неправильной в плане формы с неровными стенками. Только в одном таком погребении (Высокое, 1977, к. 9, п. 11) найден остродонный горшок.

Следует отметить, что погребения на спине с подогнутыми ногами и скорченные на правом боку сосуществовали на раннем и позднем этапах. Так, в курганах 1 у с. Поддубное 1974 г., 7 у с. Новоподольска 1975 г., 9 у с. Вишневое 1976 г. и др. основные погребения были совершены на правом боку, а часть впускных ямных — на спине с подогнутыми ногами. И наоборот, в кургане 12 у с. Поддубное 1975 г., 3, 5, 7 у сел Михайловка, Алексеевка, Марьевка 1976 г. и др. основные погребения совершались на спине с подогнутыми ногами, а часть впускных — на правом боку. В связи с этим мы не можем согласиться с точкой зрения О.А.Кравцовой-Граковой о позе скелетов как об основном критерии для выделения двух хронологических ступеней ямной культуры Днепровского Правобережья, о положении покойников на правом боку только на второй ступени существования этой культуры¹⁶.

Сосуществование погребений, совершенных в скорченном на спине и на правом боку положении в могилах ямной культуры, зафиксировано также при исследовании курганов в Поингулье¹⁷. Что же касается небольшой группы открытых нами впускных, скорченных на левом боку погребений, совершенных под деревянными перекрытиями, часто — в небрежно выполненных ямах, то их можно отнести к позднему этапу существования ямной культуры.

Отсутствие скорченных на левом боку погребений в стратиграфически более ранних могилах под каменными закладами отличает исследованные нами курганы от погребальных памятников Степного Побужья, где такие погребения относятся к первому хронологическому периоду¹⁸, и Поингулья, где они занимают по количеству второе место после погребений, совершенных на спине под каменными закладами¹⁹.

Разные позы погребенных, по наблюдениям антропологов, совпадают с особенностями их антропологических типов, что позволило высказать предположение о разноэтничности носителей ямной культуры²⁰.

Кроме одиночных погребений открыты также девять парных и одно групповое (Высокое, 1977, к. 20, п. 3). Все парные и групповые погребения были впускными и лишь два из них (Алексеевка, 1976, к. 5, п. 18; Марьевка, 1976, к. 6, п. 2) сопровождался каменными закладами. Все эти погре-

беня безынварные. В пяти случаях в парных погребениях обнаружено сочетание скелета взрослого и ребенка, а в четырех случаях — по два детских. В групповом погребении покоились два детских и один скелет взрослого человека.

Четыре скелета взрослых людей из этих погребений лежали в скорченном положении на правом боку, два — на спине с подогнутыми ногами. Десять детских скелетов покоились на спине с подогнутыми ногами, два скорчены на правом боку, в трех случаях поза умерших не установлена.

Ориентация в погребениях разнообразная (рис. 3, 1). Преобладает западная с отклонениями, особенно — в погребениях на спине с подогнутыми ногами. Большое количество погребенных ориентировано в восточном с отклонениями направлении и только некоторые из них положены головой в северном и южном направлениях. При сравнении с захоронениями ямной культуры других территорий можно отметить, что относительно большое количество погребений с западной ориентацией с отклонениями отмечено в курганах Поингуля²¹, особенно в Софиевском могильнике²². На основании различных отклонений в ориентации погребенных некоторые исследователи выделяют большое количество обрядовых групп ямной культуры²³. Вместе с тем следует отметить, что в ориентации погребенных могут отражаться сезонные отклонения восхода солнца и луны, а не особенности погребального обряда²⁴.

В размещении погребений по секторам курганов никаких более или менее выразительных закономерностей не прослежено. Однако наши наблюдения все же позволяют утверждать, что впускные погребения с северо-западной ориентацией чаще всего встречались в южных и восточных частях курганов, а в северо-западном секторе — только изредка. Погребения с северо-восточной и юго-восточной ориентацией преобладали в северных и восточных частях курганов и только изредка встречались в юго-западном секторе (рис. 3, 2).

Охра присутствовала почти в каждом погребении, иногда — в виде комочков, но в большинстве могил — в виде порошка. Чаще всего встречались скелеты, полностью окрашенные красной охрой, иногда охра покрывала только череп и ступни умершего. Зафиксированы также красные пятна от охры на дне погребальных ям.

Погребенные, как правило, лежали на подстилках, от которых обычно оставался белый, светло-серый или коричневый глен. В качестве подстилки, судя по тлену, могли использовать кору, циновку или шкуры животных. На дне некоторых погребений встречалась также подсыпка из мела.

Отдельную группу составляли символические погребения — кенотафы. В исследованных курганах их открыто 14. Как правило, они представляли собой обычную для погребений ямной культуры яму без умершего. В девяти случаях над ямами не было обнаружено остатков перекрытия. Возможно, часть несохранившихся перекрытий сделана из коры или циновки. Однако некоторые из открытых кенотафов производили впечатление неоконченных ям. Они были неглубокими, их стенки кривые, неотвесные, дно неровное. Например, яма 4 из кургана 19 у с. Высокое 1977 г. Три кенотафа были основными "погребениями" (Поддубное, 1974, к. 2, п. 1; 1975, к. 12, п. 2; Высокое, 1977, к. 9, п. 5), причем два из них были под каменными перекрытиями. Из 11 впускных ям-кенотафов одна была перекрыта камнем (Марьевка, 1976, к. 8, п. 5), вторая — комбинированным из камня и дерева перекрытием (Лукиевка, 1977, к. 11, п. 4). Кенотаф из кургана 8 у с. Новоселовка 1978 г. представлял собой широкое углубление в первоначальной насыпи, которое напоминало впускную яму. На дно этого углубления были положены каменные плиты, которые имитировали перекрытие. Часто впускные кенотафы имели вид ямы с заплечиками без следов перекрытия:

Большинство исследованных погребений ямной культуры безынварные. Только в 41 погребении (20,8 %) обнаружен погребальный инвентарь.

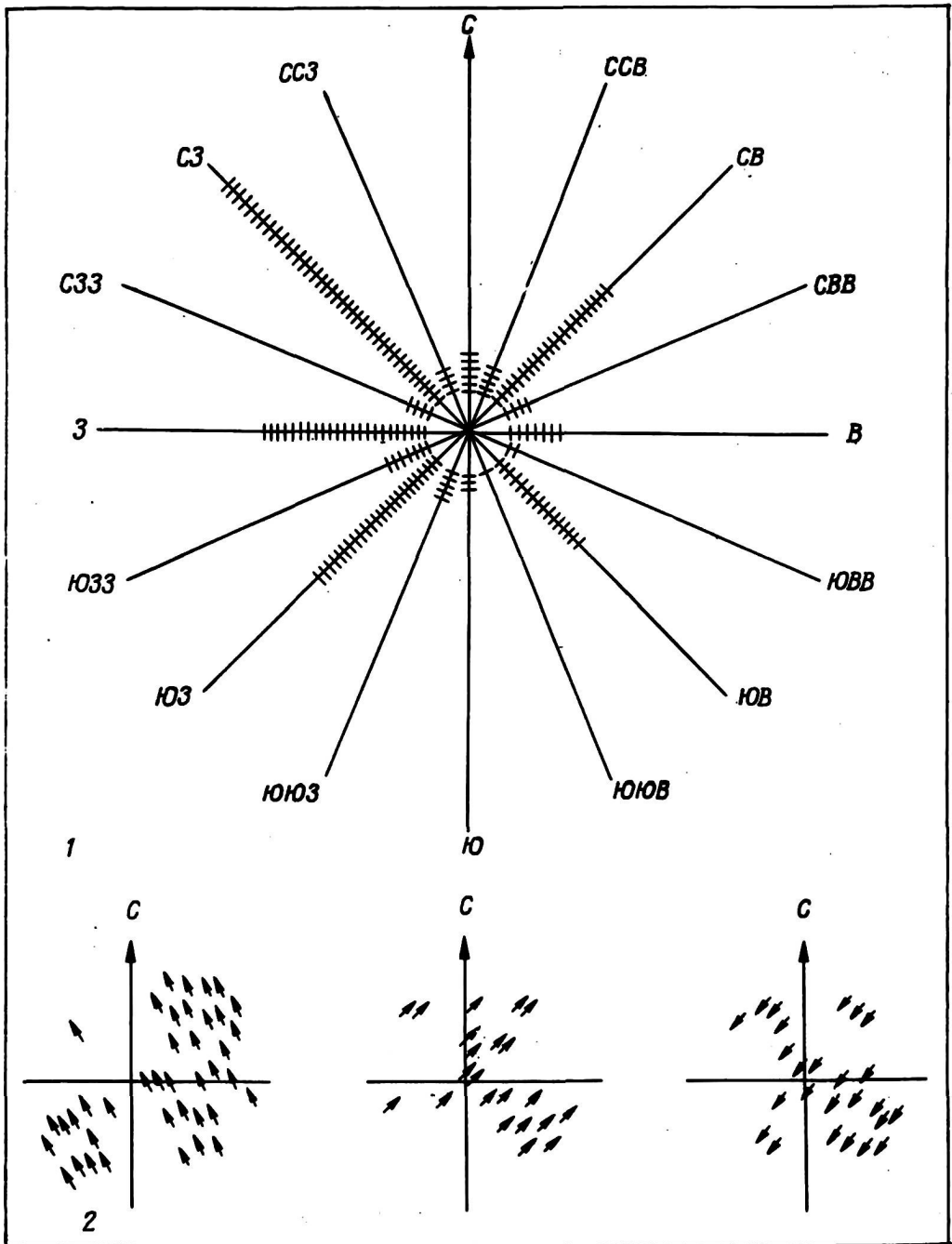

Рис. 3.
1 — диаграмма ориентации погребений, 2 — диаграмма размещения погребений с различной ориентацией

Еще в трех погребениях (Широчаны, 1975, к. 9, п. 4; Марьевка, 1976, к. 8, п. 3; Новоивановка, 1977, к. 3, п. 2) в костях умерших обнаружены кремневые наконечники стрел, которые, скорее всего, были причиной их смерти и поэтому не могут быть погребальным инвентарем. В засыпке погребения 10 из кургана 3 у с. Новоподольское 1975 г. найден нуклеусоподобный обломок кремня.

Наиболее частая находка в описываемых погребениях — лепные горшки ямной культуры. Они обнаружены в 27 погребениях. Среди них четырнадц-

цать (два основных) совершены под деревянным перекрытием и только два — под каменным (одно основное). Восемь горшков обнаружены в погребениях взрослых под деревянным перекрытием. Среди них одно основное. Еще три горшка найдены во впускных ямах — кенотафах. В девяти случаях горшки обнаружены в погребениях, совершенных на спине с подогнутыми ногами. Нередко они встречались и в погребениях со скорченными на правом боку скелетами. Так, из 25 таких погребений семь впускных сопровождалась горшками. Лишь в одном случае горшок найден в погребении со скорченным на левом боку скелетом. В семи детских погребениях с горшками поза умерших не была установлена.

Как правило, горшки размещались около черепа или грудной клетки покойного, в основном — с левой стороны. Несколько горшков обнаружено на уровне костей таза. В погребении со скорченным на левом боку скелетом горшок находился у коленных суставов умершего.

Основная масса найденных горшков близка к керамике типа Б верхнего слоя Михайловского поселения²⁵. Это в основном небольшие остродонные горшки яйцевидной формы с хорошо выраженными плечиками. Часто плечики выпуклые и находятся в верхней части горшка или непосредственно под венчиком, откуда корпус плавно сужается ко дну (рис. 4—6). У таких горшков — короткие прямые или слегка отогнутые венчики. Большая часть горшков неорнаментирована. Их поверхность хорошо заглажена и часто покрыта расчесами. Иногда по венчику и верхней части плеча горшки украшались орнаментом в виде оттисков шнура, ногтевых вдавлений, оттисков гребенчатого штампа, расположенных двумя рядами "елочки", или вдавлениями в виде ямок и насечками (рис. 4, 4, 5, 6, 8, 9; 5, 1, 2). Три горшка имели налепные ручки или ушки (рис. 4, 7; 5, 10; 6, 1). Один из них, обнаруженный в погребении 6 из кургана 19 у с. Высокое 1977 г., был богато орнаментирован по венчику и корпусу оттисками шнура в виде горизонтальных и вертикальных линий и косых крестов. Горшок из погребения 1 кургана 4 с. Лукиевка 1979 г. был украшен несколькими парами (сохранились только две) вертикальных наклепов в виде "рожек" (рис. 5, 11). Один из наклепов больше других и имеет вертикальное отверстие. Между наклепами нанесен орнамент двух вертикальных рядов коротких горизонтальных насечек. Между парами наклепов нанесен орнамент из оттисков шнура в виде шевронов.

Лепные горшки из исследованных нами курганов находят многочисленные аналоги в материалах погребений позднего этапа ямной культуры и позволяют датировать их последней четвертью III — началом II тыс. до н.э.

Изделия из кости обнаружены только в семи погребениях, среди которых преобладали впускные. В трех из них (Поддубное, 1975 г., к. 12, п. 15; Алексеевка, 1976 г., к. 5, п. 21; Новоивановка, 1977 г., к. 18, п. 1) эти изделия представлены ожерельями, которые состояли из молоточковидных булавок, пронизок, просверленных волчьих клыков (рис. 7, 1). Интересные находки были сделаны в кургане 5 у с. Павловка 1975 г. В основном детском погребении 14 этого кургана найдена костяная трубочка, а во впускном погребении 15 таких трубочек 16, размещавшихся бессистемно за черепом умершего, в пятне красной охры. Трубочки были изготовлены из метаподий козы-овцы и трубчатых костей дрофы, стрепета и белой цапли (определение А.С.Уманской). Они обрезаны по краям и залощены. Длина их от 2,5 до 7 см. 11 подобных трубочек найдены в катакомбном погребении недалеко располагавшегося кургана 6 у с. Марьевка 1976 г. Здесь они также лежали за черепом покойного в охре, вперемешку с резцами быка, мелкими гальками и створками *Unio*²⁶. Такие трубочки неоднократно встречались в ямных и катакомбных погребениях²⁷. Некоторые исследователи называют эти трубочки флейтами и относят их к древним музыкальным инструментам²⁸. Однако, по наблюдениям Л.Л.Галкиной, такие трубочки использовались древними скотоводами для повышения надоев молока. Этим приспособлением пользовались разные народы²⁹.

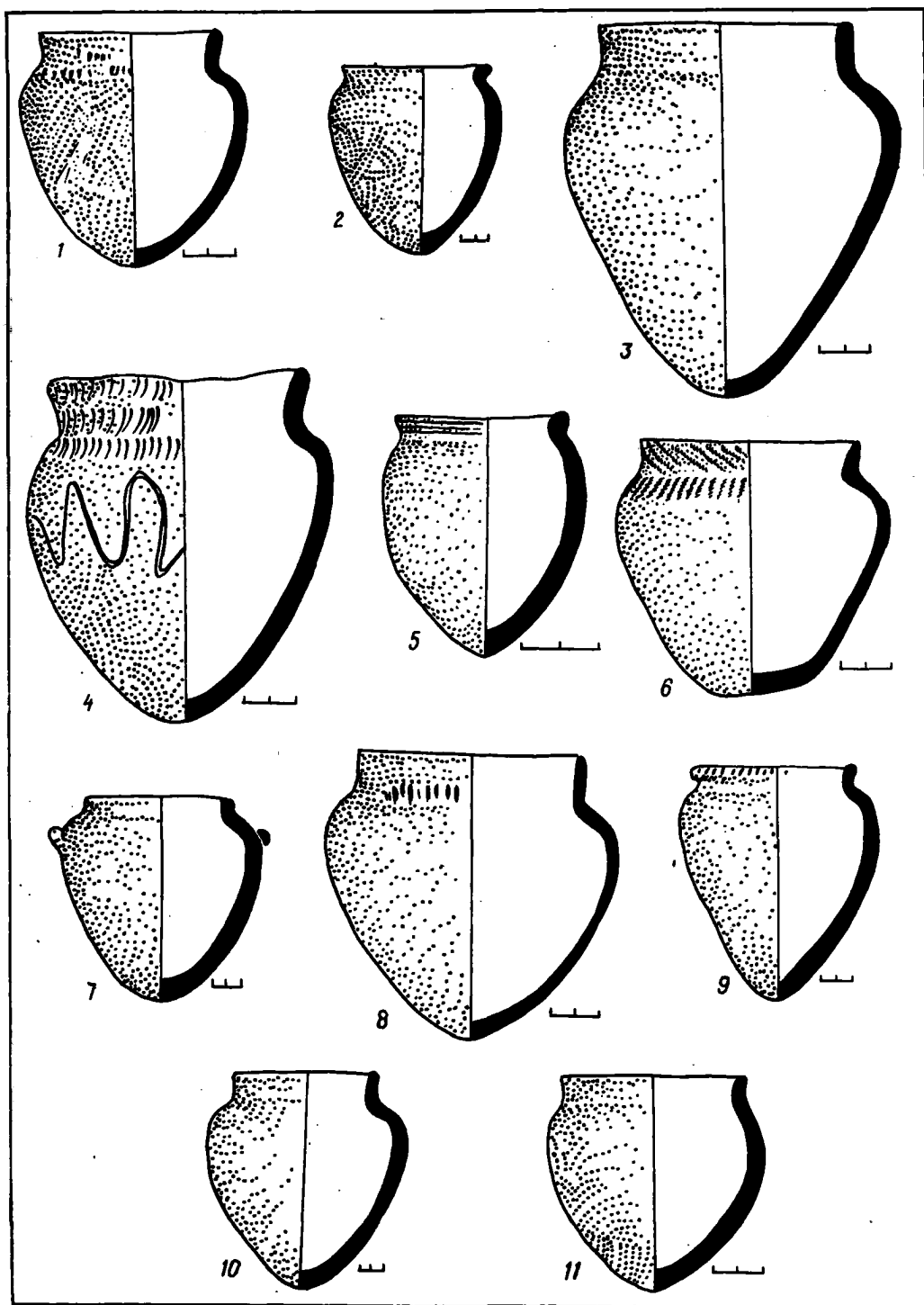

Рис. 4. Керамика из погребений:

1 - с. Широцаны, 1975 г., к. 1, п. 1; 2 - с. Новопопольское, 1975 г., к. 3, п. 2; 3 - с. Марьевка, 1975 г., к. 5, п. 18; 4 - с. Марьевка, 1975 г., к. 5, с. 19; 5 - с. Новопопольское, 1975 г., к. 6, п. 7; 6 - с. Новопопольское, 1975 г., к. 6, п. 8; 7 - с. Новопопольское, 1975 г., к. 7, п. 2; 8 - с. Новопопольское, 1975 г., к. 8, п. 1; 9 - с. Широцаны, 1975 г., к. 9, п. 6; 10 - с. Поддубное, 1975 г., к. 12, п. 13; 11 - с. Поддубное, 1975 г., к. 12, п. 15

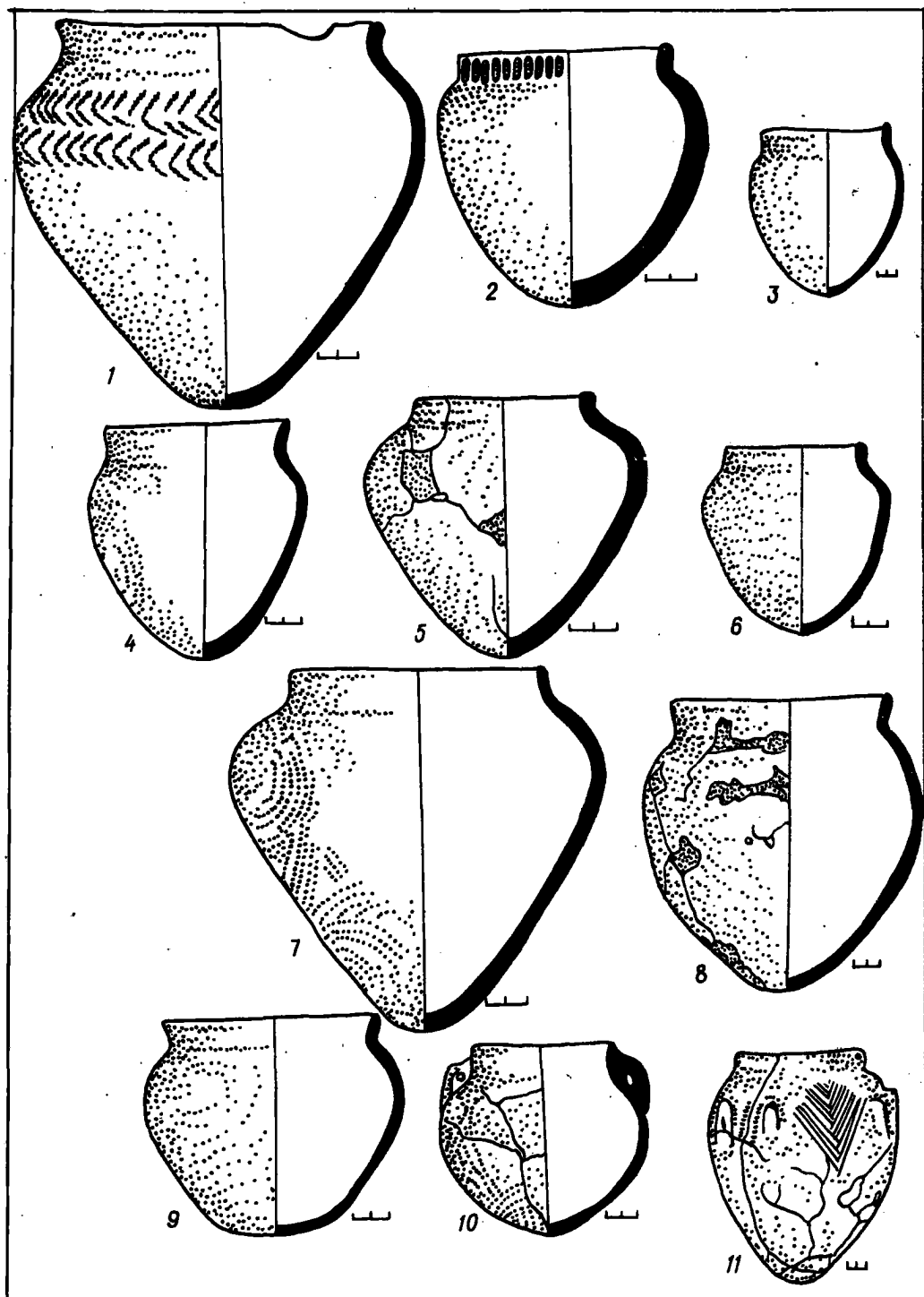

Рис. 5. Керамика из погребений:
 1 – с. Вишневое, 1976 г., к. 9, п. 7; 2 – с. Марьевка, 1976 г., к. 8, п. 5; 3 – с. Новоивановка, 1977 г., к. 13, п. 1; 4 – с. Новоивановка, 1977 г., к. 18, п. 2; 5 – с. Высокое, 1977 г., к. 19, п. 2; 6 – с. Высокое, 1977 г., к. 19, п. 10; 7 – с. Высокое, 1977 г., к. 19, п. 11; 8 – с. Высокое, 1977 г., к. 20, п. 9; 9 – с. Высокое, 1977 г., к. 20, п. 8; 10 – с. Лукиевка, 1979 г., к. 3, п. 4; 11 – с. Лукиевка, 1979 г., к. 4, п. 1

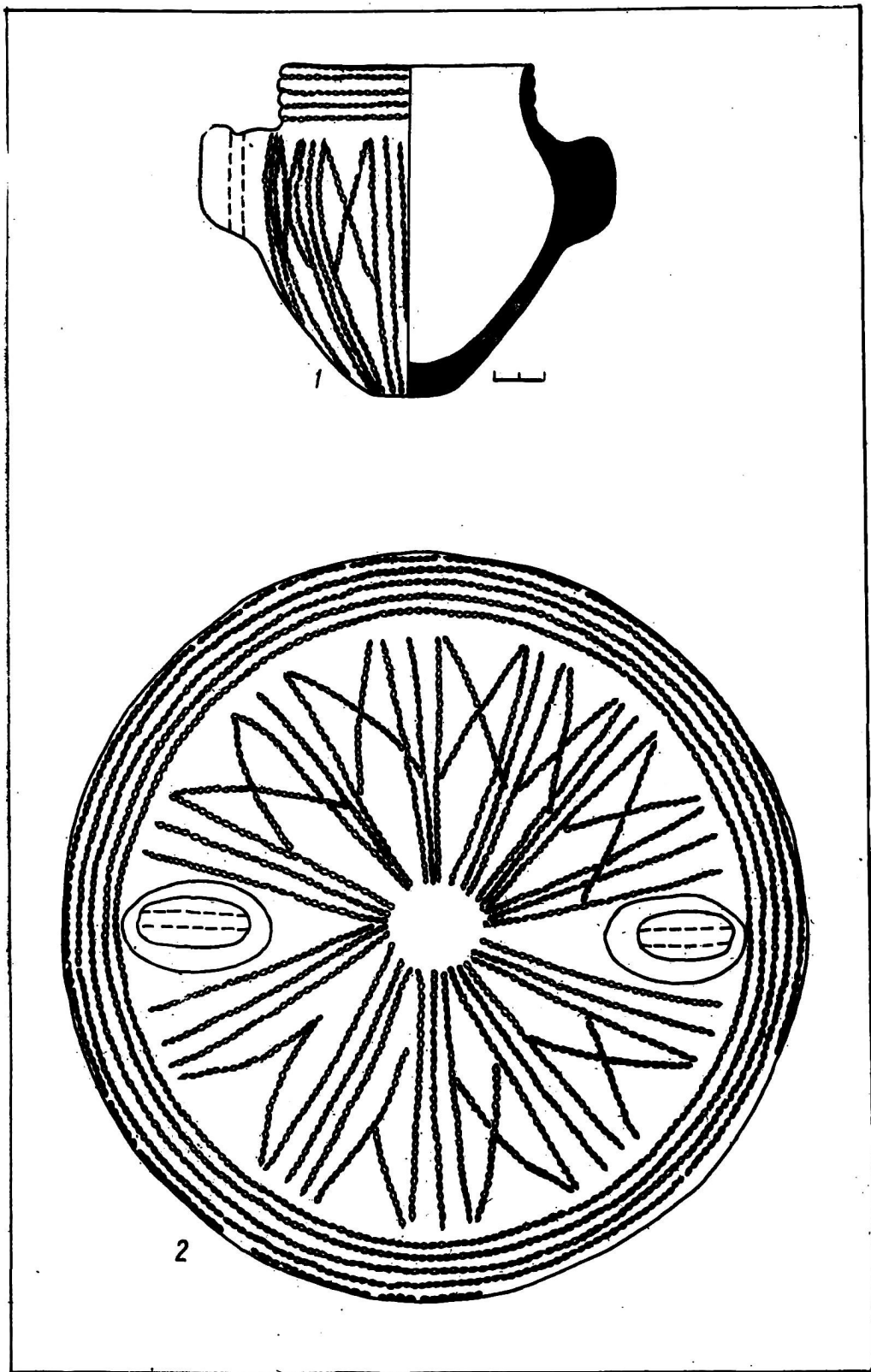
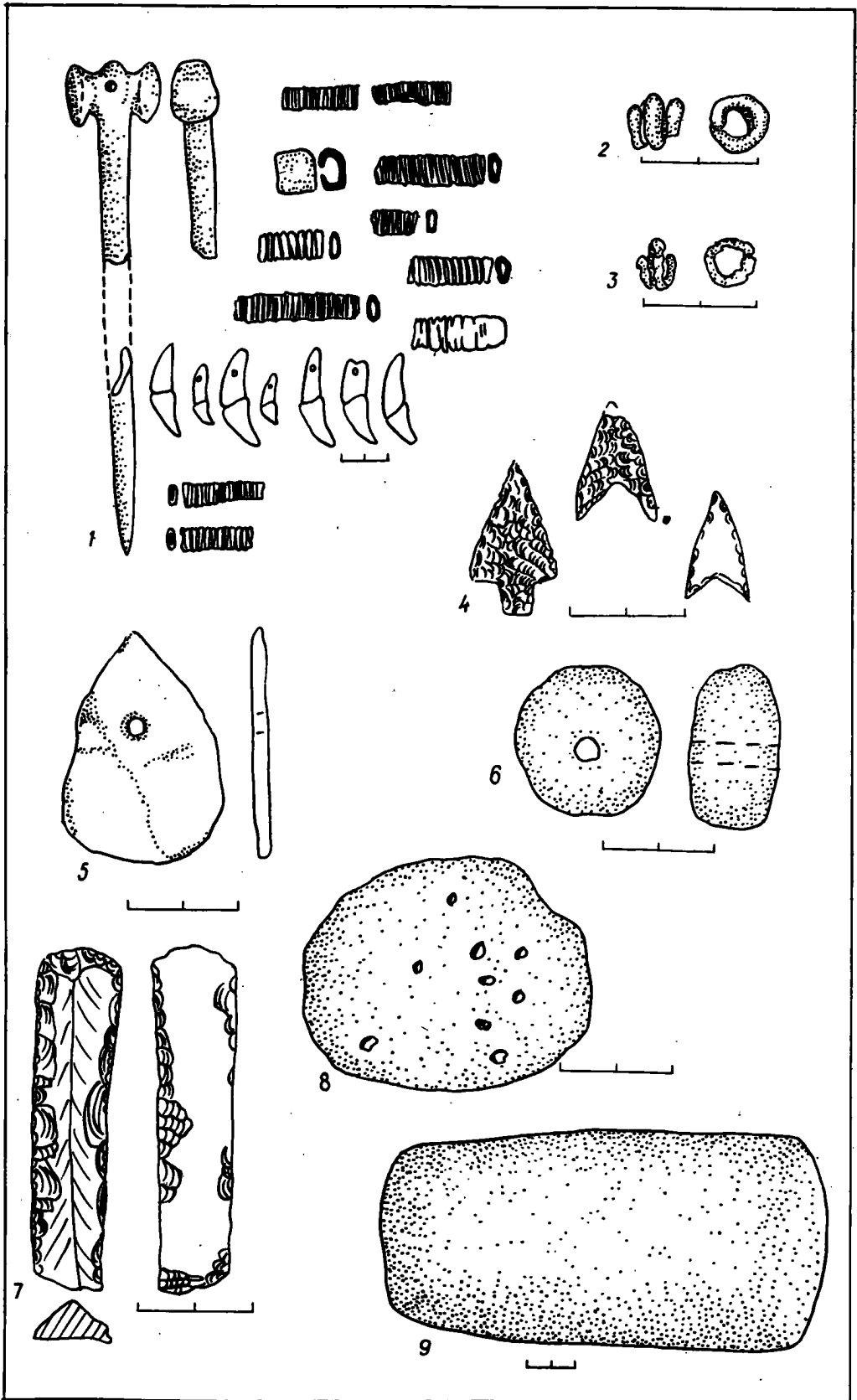

Рис. 6.
1 — с. Высокое, 1977 г., к. 19, п. 6; 2 — схематическое изображение орнамента.

Изделий из камня в исследованных курганах было немного. В основном — это кремневые отщепы, два кремневых скребка, пращевой камень и каменный молот (рис. 7, 7—9). Кремневые наконечники стрел представлены двумя типами: треугольные с выемкой в основании и с черенком (рис. 7, 4). Такие наконечники были широко распространены во многих культурах бронзового века.

Изделия из металла выявлены только в двух детских впускных погребениях под каменными закладами, совершенных по обряду труположения на спине с подогнутыми ногами (Павловка, 1975, к. 5, п. 1; Широцаны, 1975, к. 9, п. 6). Это спиральные подвески — бронзовая (рис. 7, 2) и серебряная (рис. 7, 3) в 2,5 и 1,5 витка. В погребении 3 из кургана 8 у с. Лукиевка 1977 г. обнаружена гипсовая подвеска каплевидной формы (рис. 7, 5). В погребении 9 из кургана 21 у с. Первомайский 1977 г. найдена слегка сплюснутая янтарная подвеска (рис. 7, 6). Оба погребения впускные, под деревянным перекрытием. Погребенные в них были уложены: на спине с подогнутыми ногами (п. 3), на правом боку (п. 9).

Кости животных (козы-овцы, быка и коня) найдены в 10 погребениях. Все они были впускными под деревянными перекрытиями. Лишь одна яма-кенотаф (Поддубное, 1985, к. 12, п. 2) сопровождалась массивным каменным закладом, среди камней которого, на заплечиках, обнаружено 7 лопаток коня. Таким образом, обычай класть кости животных в могилу зафиксирован в основном в более поздних погребениях ямной культуры.

Проследив расположение костей животных во всех 10 погребениях, можно отметить, что кости быка у черепа покойного ни разу не обнаружены. В головах умерших найдены только кости козы-овцы, правда, челюсти этих животных, как и челюсти быка, обнаружены в ногах умерших. Лопатки быка на заплечиках впускных погребений сочетались только с обрядом труположения на спине с подогнутыми ногами (Михайловка, 1976 г., к. 3, п. 7; Новоселовка, 1978 г., к. 8, п. 6). Кости же быка, зафиксированные в ногах погребенных, сочетались только со скорченными на правом боку скелетами (Первомайский, 1977 г., к. 21, п. 9; к. 23, п. 3). Кости козы-овцы в погребениях трижды встречались возле скорченных на левом боку скелетов (Алексеевка, 1975 г., к. 5, п. 17; Высокое, 1977 г., к. 19, п. 11; к. 20, п. 7) и дважды — при скелетах на спине с подогнутыми ногами (Высокое, 1977 г., к. 4, п. 2; Новоивановка, 1978 г., к. 15, п. 5). Эти наблюдения дают нам возможность поставить вопрос о существовании некоторых особенностей в размещении костей животных в погребениях как о компоненте обряда, а также об отражении неоднородных явлений в атрибуции разных частей животных, которые сопровождали покойника в загробный мир. Кости животных в могиле не обязательно были остатками заупокойной пищи. На эту роль безоговорочно могут претендовать только разные кости козы-овцы, которые лежали в сосудах или в головах покойного. Совсем другое назначение могло быть у лопаток быка или коня, находившихся на заплечиках погребений. То же самое можно отметить и в отношении находок челюстей мелкого и крупного рогатого скота, положенных у ног погребенных. Эти остатки разных частей животных, вероятно, символизировали самих животных, входивших в состав стада рода или племени покойного и отражали особенность погребального обряда и культурные представления носителей ямной культуры. Такие же явления неоднократно встречались археологами при исследовании погребений древних скотово-

Рис. 7

1 — с. Поддубное, 1975 г., к. 12, п. 15, костяное ожерелье; 2 — с. Павловка, 1975 г., к. 5, п. 1, бронзовая подвеска; 3 — с. Широцаны, 1975 г., к. 9, п. 6, серебряная подвеска; 4 — с. Марьевка, 1976 г., к. 8, п. 3; с. Широцаны, 1975 г., к. 9, п. 4; с. Новоивановка, 1977 г., к. 3, п. 2 — кремневые наконечники стрел;

5 — с. Лукиевка, 1977 г., к. 8, п. 3, гипсовая подвеска; 6 — с. Первомайский, 1977 г., к. 21, п. 9, янтарная подвеска; 7 — с. Марьевка, 1976 г., к. 6, п. 5, кремневый скребок; 8 — с. Поддубное, 1974 г., к. 1, п. 1, пращевой камень; 9 — с. Первомайский, 1977 г., к. 21, п. 9, каменный молот или пест

дов бронзового и раннего железного века. Что же касается ямной культуры, то наличие этих обычаев у ее носителей уже привлекало внимание исследователей³⁰.

Таким образом, атрибуция костей животных в погребениях может быть разнообразной. Этому вопросу, по нашему мнению, следует уделять должное внимание при археологических исследованиях курганов.

В 11 погребениях найдены створки ракушек. Одно из них (Новоивановка, 1977 г., к. 3, п. 2) было основным для кургана, оно совершено под деревянным перекрытием. Из десяти впускных погребений лишь два были под каменными перекрытиями, а восемь под деревянными. Следовательно, можно отметить, что ракушки *Uplio*, как и кости животных, характерны для более поздних погребений ямной культуры. Створки ракушек или их фрагменты обнаружены в могилах у черепа, плечевых костей и у ног умерших, один раз в горшке.

Таким образом, исследования 43 курганов ямной культуры в бассейне р. Базавлук расширяют наши представления об особенностях обряда погребения древних скотоводов, обитавших во второй половине III — начале II тыс. до н.э. в Днепровском Правобережье. Значительное количество погребений под каменными закладами, наличие антропоморфных стел в перекрытиях, обнаруженные в трех курганах каменные кромлехи, преобладание сосудов яйцевидной формы, иногда с ушками, позволяют отнести эти памятники к степному приднепровскому варианту ямной культуры³¹. Сходные по особенностям обряда погребения и по типу погребального инвентаря могилы ямной культуры исследованы в Поингулье.

- 1 *Антоненко Б.А., Бондарь Н.Н., Васильченко С.А., Елинов И.М., Телегин Д.Я.* Раскопки курганов в зоне Каменской оросительной системы // АО 1974 г. — М., 1975. — С. 249–250; *Антоненко Б.А., Бондарь Н.Н., Васильченко С.А., Гладких М.И., Пиоро И.С., Самойленко Л.Г., Чмыхов Н.А.* Раскопки курганов в зоне Каменской оросительной системы // АО 1975 г. — М., 1976. — С. 295–296; *Бондарь Н.Н., Антоненко Б.А., Васильченко С.А., Пиоро И.С., Самойленко Л.Г., Чмыхов Н.А.* Работы Каменской оросительной системы // АО 1976 г. — М., 1977. — С. 270–271; *Бондарь Н.Н., Антоненко Б.А., Васильченко С.А., Пиоро И.С., Самойленко Л.Г., Чмыхов Н.А.* Раскопки курганов в зоне Никопольского орошаемого массива // АО 1977 г. — М., 1978. — С. 300–301; *Бондарь Н.Н., Антоненко Б.А., Васильченко С.А., Пиоро И.С., Самойленко Л.Г.* Раскопки курганов в зоне Никопольского орошаемого массива // АО 1978 г. — М., 1979. — С. 304–305; *Бондарь Н.Н.* Работы новостроечной экспедиции Киевского университета // АО 1979 г. — М., 1980. — С. 253–254.
- 2 *Кривцова-Гракова О.А.* Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле // Памятники скифо-сарматской культуры (МИА. — Вып. 115). — М., 1962. — С. 8–10.
- 3 *Довженко Н.Д.* Поховання з антропоморфними стелами у світлі етнографічних матеріалів // Археологія. — 1979. — № 9. — С. 27–35.
- 4 *Телегин Д.Я.* Енеолітичні стели і пам'ятники нижньомихайлівського типу // Археологія. — 1971. — № 4; *Шепинский А.А., Черепанова Е.Н.* Северное Присыважье в V–I тыс. до н.э. — Симферополь, 1969. — С. 324.
- 5 *Довженко Н.Д.* Вказ. праця. — С. 27–35.
- 6 *Рычков Н.А.* К вопросу об антропоморфных стелах рубежа энеолита и эпохи бронзы // Памятники древних культур Северного Причерноморья. — Киев, 1979. — С. 19.
- 7 *Довженко Н.Д., Чмыхов Н.А.* Идеология и прогрессивное развитие культур бронзового века (На примере антропоморфных стел) // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа (20–24 октября 1982 г.) Тез. докл. Всесоюз. симпозиума, посвященного 60-летию образования СССР. — Ереван. — 1982. — С. 135–137.
- 8 *Ригведа.* Избранные гимны. — М., 1972. — С. 259, 403; *Древнеиндийская философия.* Начальный период. Перевод с санскрита. — М., 1972. — С. 30–32, 35–38; и др.
- 9 *Мифы народов мира.* — М. — 1982. — Т. 2. — С. 682–683.
- 10 *Ригведа.* Избранные гимны. — С. 182–200, 204, 355.
- 11 *Кузьмина Е.Е.* Занавес поднимается // Знание — сила. — 1985. — № 11. — С. 39.
- 12 *Шапошникова О.Г., Бочкарев В.С., Шарафутдинова И.Н.* О памятниках эпохи меди — ранней бронзы в бассейне р. Ингул // Древности Поингулья. — Киев, 1977. — С. 24; *Фоменко В.Н.* О периодизации погребений ямной культуры в Степном Побужье // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы (ТДНК). — Донецк, 1979. — С. 33–34.
- 13 *Шило Ю.О.* Залишки возів у курганах // Археологія. — 1975. — № 17. — С. 54. — Рис. 1.
- 14 *Кузьмина Е.Е.* Колесный транспорт и проблема этнического* и социальной истории древнего населения южнорусских степей // ВДИ. — 1974. — № 4. — С. 68–87; *Гудкова А.В., Черняков И.Т.*

- Ямные погребения с колесами у с. Холмское // Древности Северо-Западного Причерноморья. — Киев, 1981. — С. 38—50.
- 15 *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. — Л., 1975. — С. 166—168.
- 16 *Кривцова-Гракова О.А.* Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле. — С. 11.
- 17 *Шапошникова О.Г., Бокарев В.С., Шарафутдинова И.Н.* О памятниках эпохи меди — ранней бронзы в бассейне р. Ингул. — С. 24.
- 18 *Фоменко В.Н.* О периодизации погребений ямной культуры в Степном Побужье. — С. 33.
- 19 *Шапошникова О.Г., Шарафутдинова И.Н., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д.* Некоторые итоги изучения погребальных памятников эпохи меди—бронзы на р. Ингул // Археологические памятники Поингулья. — Киев. — 1980. — С. 8.
- 20 *Круц С.И.* Население территории Украины эпохи меди—бронзы (по антропологическим данным). — Киев, 1972. — С. 171; *Телегин Д.Я.* Рец. на кн.: Круц С.И. Население территории Украины в эпоху меди—бронзы. — Киев, 1972 // Археология. — 1974. — № 4. — С. 83; *Телегин Д.Я.* Об абсолютном возрасте ямной культуры и некоторые вопросы хронологии энеолита Юга Украины // СА. — 1977. — № 2. — С. 19.
- 21 *Дворянинов С.А., Петренко В.Г., Рычков Н.А.* К изучению ориентировки ямных погребений // Древности Северо-Западного Причерноморья. — Киев, 1981. — С. 32. — Рис. 4, 3.
- 22 *Шапошникова О.Г., Шарафутдинова И.Н., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д.* Указ. соч. — С. 9.
- 23 *Масрина З.П.* Левобережный вариант древнеямной культурно-исторической общности // Курганы Степного Поднепровья. — Днепропетровск, 1980. — С. 64—66; *Ее же.* Энеолит—ранний бронзовый век Степного Левобережья Днепра. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1982. — С. 9—10.
- 24 *Дворянинов С.А., Петренко В.Г., Рычков Н.А.* Указ. соч. — С. 33—35.
- 25 *Льгодовська О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.П.* Михайлівське поселення. — К., 1962. — С. 102—107. — Табл. 14, 15.
- 26 *Самойленко Л.Г.* Раскопки кургана бронзового века у с. Марьевка Днепропетровской обл. // Некоторые вопросы археологии Украины. — Киев, 1977. — С. 39.
- 27 *Щепинский А.А., Черепанова Е.Н.* Указ. соч. — С. 44, 49, 123, 197, 225; *Ковалева И.Ф., Марина З.П.* Раскопки курганов эпохи бронзы в Нижнем Присамарье // Курганы Степного Поднепровья. — Днепропетровск, 1980. — С. 8, 15. — Рис. 4, 8.
- 28 *Крупнов Е.И., Силицын И.В.* Древнее население Нижнего Поволжья // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. — М., 1954. — С. 74—75.
- 29 *Галкин Л.Л.* Одно из древнейших практических приспособлений скотоводов // СА. — 1975. — № 3. — С. 186—192.
- 30 *Щепинский А.А., Черепанова Е.Н.* Указ. соч. — С. 47; *Щепинский А.А.* Культ животных в погребениях эпохи бронзы в Крыму // КСИА АН УССР. — 1960. — № 9. — С. 70—72; *Грязнов Н.П.* Бык в обрядах и культах древних скотоводов // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. — М., 1977. — С. 81.
- 31 *Шапошникова О.Г.* Ямная культура // Археология Української РСР. — К., 1971. — Т. 1. — С. 275.

**Г.Л.ЕВДОКИМОВ,
Ю.Я.РАССАМАКИН**

ДВА ПОЗДНЕЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ МОГИЛЬНИКА НА ЮГЕ ХЕРСОНЩИНЫ

Повышенный интерес к проблемам степного энеолита диктует необходимость оперативного введения в научный оборот новых памятников. Настоящая статья посвящена публикации двух энеолитических могильников, исследованных Краснознаменной экспедицией Института археологии АН УССР (начальник — Г.Л.Евдокимов) на юге Херсонской области в 1978—1984 гг.

с. О б л о и, Г о л о п р и с т а н с к и й р-н. Высота кургана составляла 2,5 м от уровня древнего горизонта, диаметр 30 м. Всего исследовано 26 погребений: 7 энеолитических, 9 ямных, 7 катакомбных, 1 скифское, 1 сарматское и 1 неопределенное.

Курган насыпан в четыре приема с одной локальной досыпкой. Первая насыпь высотой 0,8 м, диаметром 16,5—17 м, состоявшая из плотного темно-серого чернозема, сооружена над группой энеолитических погребений 4, 6, 10, 11, 23. Из насыпи происходят пять фрагментов керамики и несколько кремневых отщепов без следов обработки. Керамика по тесту двух категорий: первая с хорошо до блеска заглаженной поверхностью, плотной фактуры; вторая — с шероховатой поверхностью и более рыхлой

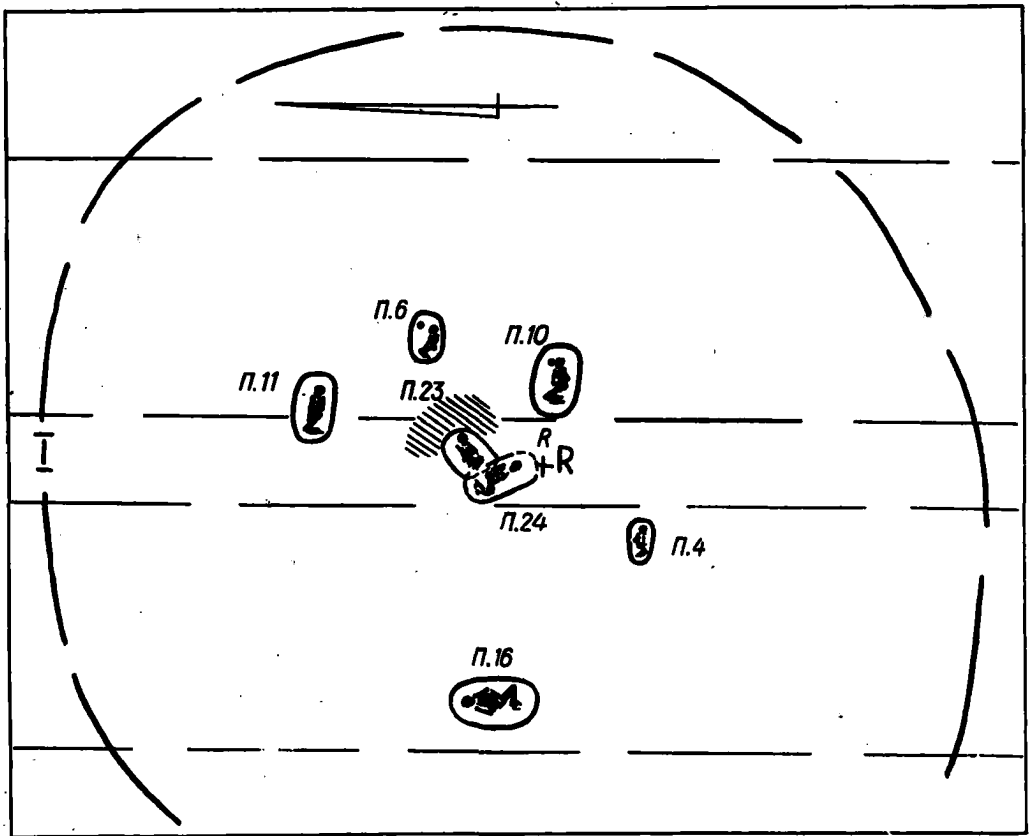

Рис. 1. План энеолитических погребений в кургане 2 у с. Облон

фактуры. Для обеих категорий характерна тонкостенность и примесь в тесте мелкотолченой ракушки (рис. 1).

Локальная досыпка (1—А) перекрыла впускные энеолитические погребения 16 и 24. Вторая насыпь мощностью 0,8—0,9 м, диаметром 20 м связана с ямным погребением 25, перекрывшим более древнее ямное захоронение 1, не имевшее досыпки. Далее были впущены позднеямные погребения 12 и 14, связанные соответственно с третьей и четвертой насыпью.

Погребение 4 (рис. 2, 1) — основное, в 2 м к юго-западу от центра. Яма овальной формы, размером 0,75 x 0,45 м, глубиной 0,6 м от древней поверхности, ориентирована по оси запад — восток. Погребенный, ребенок, лежал в скорченном положении на левом боку, головой на восток. Левая рука вытянута вдоль тела, кости правой не сохранились. У колен стоял плоскостонный приземистый сосуд с прямым слегка отогнутым венчиком и четко выраженными округлыми плечиками. Венчик орнаментирован двумя горизонтальными оттисками шнура, соединяющимися через равные промежутки двойными косыми отпечатками такого же шнура. Сосуд изготовлен из теста с примесью мелкотолченой ракушки, поверхность светло-серого цвета с бурыми пятнами тщательно заглажена, подлощена. Высота сосуда 10 см, диаметр венчика 10 см, дна — 5,5 см (рис. 3, 1). Скелет и дно ямы обильно посыпаны охрой малинового цвета.

Погребение 6 (рис. 2, 2) — основное, в 2,5 м к северо-востоку от центра. Яма овальной формы, размером 0,9 x 0,6 м, глубиной 0,65 м от древней поверхности, ориентирована по оси запад — восток. Погребенный, ребенок, лежал в скорченном положении на спине, головой на восток с незначительным отклонением к югу. Левая рука вытянута вдоль тела, кости правой не сохранились. Согнутые в коленях ноги распались ромбом.

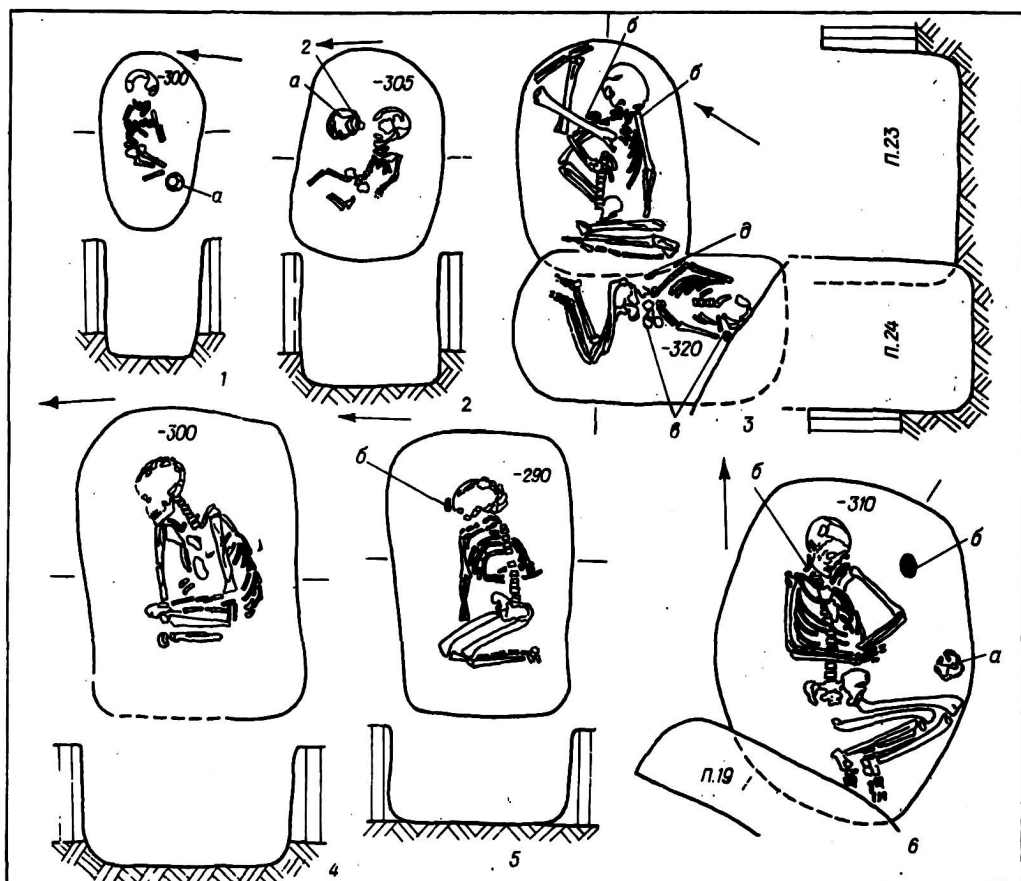

Рис. 2. с. Облои, к. 2, планы погребений:

1 — п. 4; 2 — п. 6; 3 — п. 23, 24; 4 — п. 10; 5 — п. 11; 6 — п. 16 (а — сосуды, б — куски смолы, в — куски охры, г — позвонки животного, д — медная пронизь)

У правого плеча стоял сосуд, рядом находился позвонок животного. Сосуд лепной округлодонный, с округлым корпусом, плавно переходящим в высокий слегка отогнутый венчик с ровным срезом. Поверхность шероховатая, но тщательно обработана, стенки очень тонкие, в тесте примесь мелкотолченой ракушки. Высота сосуда 11 см, диаметр венчика 10 см (рис. 3, 2).

Скелет и дно ямы обильно посыпаны охрой малинового цвета.

Погребение 10 (рис. 2, 4) — основное, в 0,8 м к востоку от центра. Яма прямоугольной формы с закругленными углами, размером 1,3 x 0,9 м, глубиной 0,5 м от древней поверхности, ориентирована по оси запад — восток. Западная стенка была прорезана ямным погребением 25. Погребенный, подросток, лежал в скорченном положении на правом боку, головой на восток. Руки согнуты под прямым углом и сложены на животе. Ноги согнуты под прямым углом к телу и под острым — в коленях, пятки прижаты к тазу. Скелет и дно ямы обильно посыпаны охрой малинового цвета.

Погребение 11 (рис. 2, 5) — основное, в 4 м к северу от центра. Яма прямоугольной формы с закругленными углами, размером 1,2 x 0,8 м, глубиной 0,4 м от древней поверхности, ориентирована по оси запад — восток. Погребенный, подросток, лежал в скорченном положении на правом боку, головой на восток. Правая рука вытянута вдоль тела, кости левой не сохранились. Ноги согнуты под тупым углом к телу, под острым — в коленях, пятки близко подведены к тазу. На лобной части черепа лежал

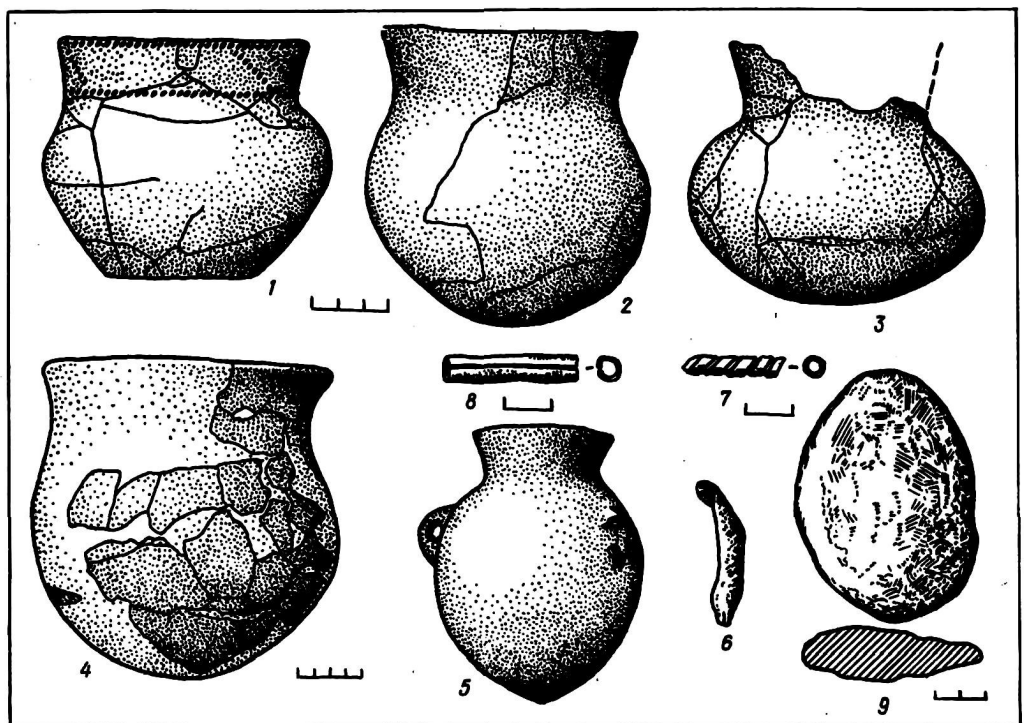

Рис. 3. Инвентарь погребений с. Облоц, к. 2:
1 — п. 4; 2 — п. 6; 3, 6, 9 — п. 16; 8 — п. 24. г. Ска-
довск, к. 1: 4, 5, 7 — п. 6

кусочек смолы. Скелет и дно ямы обильно посыпаны охрой малинового цвета.

П о г р е б е н и е 16 (рис. 2, 6) — впускное, в 4,5 м к западу от центра. Яма овальной формы, размером 1,5 x 1,1 м, 3,1 м от 0, ориентирована по оси север — юг. Южная часть ямы прорезана впускным скифским погребением 19. Погребенный лежал в скорченном положении на спине, головой на север. Руки согнуты в локтях под прямым углом и сложены на животе. Ноги сильно согнуты в коленях, упали влево. У колен стоял сосуд с округлым, почти шаровидным корпусом и воронковидным горлом. Венчик отбит в древности. Сосуд изготовлен из теста с примесью мелкотолченой ракушки, поверхность темно-серого цвета, заглажена до блеска, фактура плотная, аналогичная двум фрагментам из тризны. Высота сосуда 9 см, диаметр корпуса 11,5 см, венчика — около 8 см (рис. 3, 3).

Справа от черепа лежал стержень из смолы, отдаленно напоминающий антропоморфную фигурку, высотой 5,5 см; слева от левого плеча найдена овальная лепешка смолы со следами скобления на поверхности и примесью древесной коры в массе. Длина лепешки 9,5 см, ширина 7,5, толщина 2 см (рис. 3, 6, 9). Скелет и дно ямы обильно посыпаны охрой малинового цвета.

П о г р е б е н и е 23 (рис. 2, 3) — основное, в 1 м к северу от центра. К востоку от погребения на древнем горизонте зафиксирован выкид из могилы. Яма овальной формы, размером 1,1 x 0,7 м, глубиной 0,6 м от древнего горизонта, ориентирована по оси северо-восток — юго-запад. Юго-западную часть ямы прорезало погребение 24. Погребенный лежал в скорченном положении на левом боку, головой на северо-восток. Левая рука вытянута вдоль тела, правая согнута в локте под прямым углом, кистью на тазе. Ноги согнуты под прямым углом к телу, острым в коленях, пятки поджаты к тазу. Возле челюсти отмечен кусочек смолы, пластина такой же смолы закрывала правую лопатку (размер пластины 11 x 7,5 см). Скелет и дно ямы обильно посыпаны охрой малинового цвета.

На скелете лежали еще нижние конечности взрослого человека без следов окрашивания, принадлежавшие впускному разрушенному погребению.

П о г р е б е н и е 24 (рис. 2, 3) — впускное, в центре кургана. Яма овальной формы, размером 1,2 x 0,65 м, глубиной 3,2 м от 0, ориентирована по оси северо-запад — юго-восток. Юго-восточную часть ямы прорезало впускное погребение 25. Погребенный лежал в скорченном положении на спине, головой на юго-восток. Руки согнуты под тупым углом в локтях, сложены кистями на животе. Согнутые в коленях ноги упали влево. У кисти правой руки находилась медная пронизь, изготовленная из свернутой в трубочку тонкой пластинки, длиной 3 см, диаметром 0,4 см (рис. 3, 8). У левого плеча и кисти лежали формованные куски малиновой охры. Такой же охрой были посыпаны скелет и дно ямы.

П о г р е б е н и е 1 — первое впускное погребение ямной культуры, впущено в центре кургана, перекрывалось следующим ямным погребением 25. Яма прямоугольной формы с округлыми углами, размером 1,7 x 1 м, глубиной 2,7 м от 0, ориентирована по оси запад — северо-запад — восток — юго-восток. Погребенный лежал в скорченном положении на спине, головой на восток — юго-восток. Руки вытянуты вдоль тела, согнутые в коленях ноги упали влево. Череп слегка окрашен красной охрой.

г. Скадовск. Курган 1 на юго-западной окраине города. Высота составляла 5 м от уровня древнего горизонта, диаметр 52 м. Всего исследовано 19 погребений: 6 энеолитических, 11 ямных, 1 кеми-обинской культуры и 1 сарматское. Курган сооружен в семь приемов. Первая насыпь перекрыла группу энеолитических погребений 1, 2, 6, 13, 18. Насыпь овальной формы, вытянута по оси северо-запад — юго-восток, высотой 1,6 м, диаметром 15 x 12,5 м, состояла из серого супесчаного грунта и была окружена кольцевым рвом. Выкид из рва образовал материковую обкладку насыпи мощностью на склонах до 0,5 м.

Ров повторяет форму насыпи, его размер 22 x 20 м. В разрезе ров представлял собой широкую (до 3 м) выемку, по центру которой проходила траншея, трапецевидная в сечении, с плоским дном шириной 1,2—2 м. Глубина рва 1,2—2 м. В юго-восточной части рва находилась перемычка в виде порога высотой 0,9 м, шириной 1 м. Здесь, в заполнении рва, найдены раздробленные кости животных, кремневые отщепы и пластинки без дополнительной обработки, керамика. Керамика представлена фрагментами сосуда больших размеров, в основном придонной части и частично — плоского дна. Керамика тонкостенная, поверхность шероховатая, в тесте обильная примесь крупнотолченой ракушки, фактура рыхлая, по излому крошится.

Вторая насыпь кургана сооружена над впускным энеолитическим погребением 16. Ее мощность 0,2—0,4 м, диаметр 23 м.

Третья насыпь из плотного супесчаного грунта мощностью 0,8 м связана с кеми-обинским погребением 12, увеличив диаметр кургана до 29 м.

Четвертая насыпь перекрыла ямное погребение 15. Ее мощность 0,5 м, диаметр 35.

Последние три этапа сооружения кургана связаны с позднеямными захоронениями 3, 14, 17 и др.

П о г р е б е н и я 1—2 (рис. 5, 1—2) — основные в 3,4 м к юго-востоку от центра, погребение 1 расположено над погребением 2. Яма п. 1 прямоугольной формы с округлыми углами размером 1,1 x 0,7 м, глубиной 0,55 м от древней поверхности, ориентирована по оси северо-восток — юго-запад. Погребенный, ребенок, лежал в скорченном положении на правом боку, головой на северо-восток. Правая рука вытянута и отведена, левая согнута под прямым углом. Ноги согнуты под острым углом к телу и в коленях. За черепом находился неполный развал сосуда серого цвета с подлощенной поверхностью пористой фактуры с примесью мелкотолченой ракушки. Сохранились только стенки округлого корпуса. Скелет посыпан алой охрой, на дне ямы — угольки.

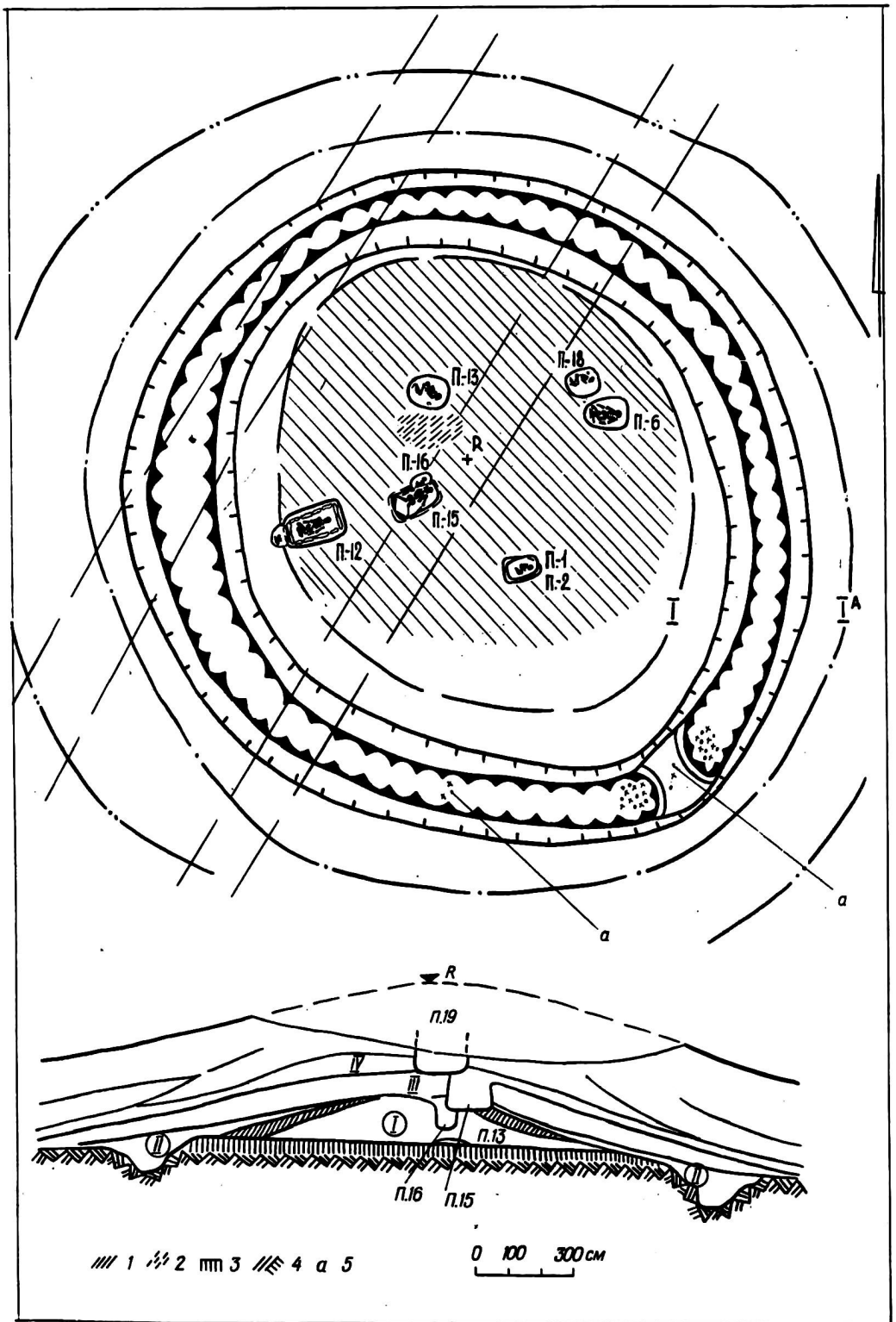

Рис. 4. План энеолитических погребений в к. 1 г. Скадовска:
 1 – материковая обкладка I насыпи; 2 – выкид из п. 13; 3 – древний горизонт; 4 – материк; 5 – остатки тризны во рву

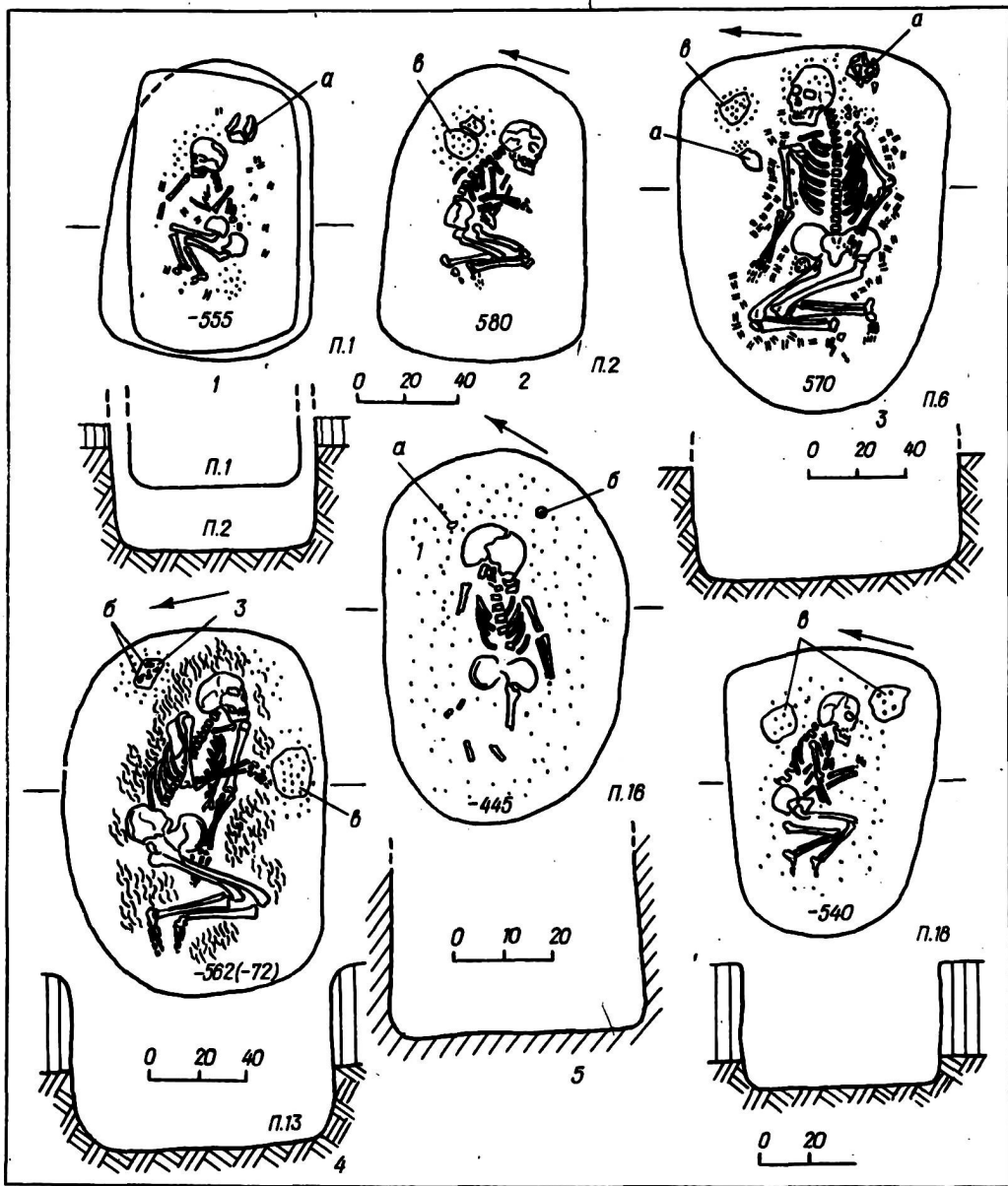

Рис. 5. г.Скадовск, к. 1, планы погребений:
 1 – п. 1; 2 – п. 2; 3 – п. 6; 4 – п. 13; 5 – п. 16;
 б – п. 18 (а – керамика, б – кремневые отщепы,
 в – куски охры, г – остатки растительной под-
 стилки)

Яма п. 2 неправильной овальной формы размером 1,2 x 0,8 м, глубиной 0,8 м от древней поверхности, ориентирована по оси северо-восток – юго-запад. Погребенный, ребенок, лежал в скорченном положении на левом боку, головой на восток. Левая рука вытянута вдоль тела, правая согнута в локте под прямым углом. Ноги согнуты под прямым углом к телу и под острым в коленях. За черепом лежали две сформованные лепешки охры розового и алого цвета. Скелет окрашен незначительно.

Погребение 6 (рис. 5, 3) – основное, в 4 м к северо-востоку от центра. Яма неправильной овальной формы размером 1,4 x 1 м, глубиной 0,7 м, ориентирована по оси запад – восток. Погребенный, взрослый человек, лежал в скорченном положении на правом боку, головой на восток.

Обе руки слегка согнуты в локтях, кисть левой — на тазе. Ноги согнуты под тупым углом к телу и под острым в коленях, пятки поджаты к тазу. За черепом стоял сосуд с округлым корпусом, плавно переходящим в высокий отогнутый венчик, и округлым дном. Поверхность пористая, серого цвета, хорошо заглажена и подлощена, стенки тонкие, в тесте — примесь мелкотолченой ракушки. Высота сосуда 11 см, диаметр венчика 9,5 см (рис. 3, 4). Второй сосуд лежал у правого плеча: узкогорлый с яйцевидным корпусом и приостренным дном, с раструбной горловиной. Поверхность подлощена, светло-серого цвета, фактура плотная, в тесте примесь мелкотолченой ракушки. На плечах — две вертикальные ручки с отверстиями. Внутри сосуда — затвердевший раствор розовой охры, часть которого вылилась и застыла на дне ямы. Высота сосуда 9 см, диаметр венчика 4 см (рис. 3, 5).

Перед лицом умершего лежал кусок сформованной малиновой охры, а на груди найдены медные спиральные пронизи, изготовленные из тонкой узкой полоски (рис. 3, 7). На дне ямы зафиксированы остатки камышовой подстилки.

П о г р е б е н и е 13 (рис. 5, 4) — основное, в 1,8 м к северо-западу от центра. Яма овальной формы размером 1,4 x 1 м, ориентирована по оси восток — запад. Глубина ямы 0,72 м от древней поверхности. Погребенный, взрослый человек, лежал в скорченном положении, на левом боку, головой на восток. Левая рука вытянута вдоль тела, правая согнута под прямым углом, кисть — перед грудью. Ноги согнуты под прямым углом к телу и под острым в коленях. За черепом лежал прямоугольный кусок формованной охры, на поверхности которого процарапан рисунок в виде решетки. Внутри куска обнаружены три кремневых отщеп без следов дополнительной обработки. Перед кистью правой руки лежала лепешка формованной охры алого цвета. На дне ямы зафиксирована камышовая подстилка.

П о г р е б е н и е 16 (рис. 5, 5) — впускное, в 1,4 м к юго-западу от центра. Яма овальной формы размером 0,75 x 0,5 м, глубиной 0,9 м от уровня впуска (4,45 м от 0), ориентирована по оси северо-восток — юго-запад. Погребенный, ребенок, лежал в скорченном положении на спине, головой на северо-восток. Руки вытянуты вдоль тела, согнутые в коленях ноги упали вправо. Справа от черепа лежал фрагмент керамики с примесью мелкотолченой ракушки в тесте, слева — кремневый отщеп без следов дополнительной обработки. Скелет и дно ямы посыпаны охрой.

П о г р е б е н и е 18 (рис. 5, 6) — основное, в 4 м к северо-востоку от центра, рядом с п. 6. Яма неправильной овальной формы размером 1,2 x 0,8 м, глубиной 0,5 м, ориентирована по оси восток — северо-восток — запад — юго-запад. Погребенный, ребенок, лежал в скорченном положении на левом боку, головой на восток. Левая рука вытянута вдоль тела, правая согнута в локте под прямым углом, кисть перед грудью. Ноги согнуты под прямым углом к телу и острым в коленях. Справа и слева от черепа лежали две лепешки формованной охры фиолетового и алого цвета. Скелет посыпан красной охрой.

Следующим в кургане после энеолитических было погребение 12, относимое предварительно к кеми-обинской культуре. Погребение находилось в 4,6 м к юго-западу от центра и совершено в яме трапециевидной формы размером 2,0 x 1,0 x 1,4 м, ориентированной по оси северо-восток — юго-запад. Дно ямы находилось на уровне древней поверхности 4,9 м от 0 (0,8 м от уровня впуска). В яме был установлен каменный ящик, сложенный из обработанных прямоугольных известняковых плит, хорошо подогнанных друг к другу, и перекрытый поперек тремя плитами. Короткие стенки состояли из одной плиты, длинные — из 4 плит каждая. Плиты были вкопаны вертикально в вырытые по периметру канавки, промежутки забутованы битым камнем и землей. Размер ящика 1,7 x 0,8 x 1,1 м.

Погребенный, взрослый человек, лежал в скорченном положении на спине, головой на северо-восток. Руки вытянуты вдоль тела, сильно согнутые в коленях ноги упали вправо.

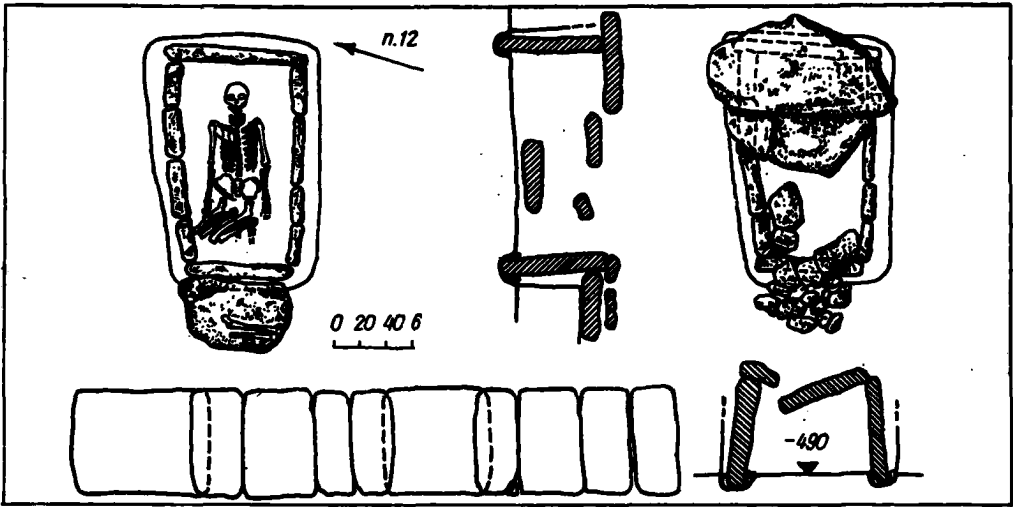

Рис. 6. г. Скадовск, к. 1, п. 12

С юго-западной стороны, на уровне перекрытия, к стенке ящика примыкала небольшая плита (0,8 x 0,6 м), на которой лежали бедренные и берцовые кости человека (рис. 6).

Следующее по времени ямное погребение 15 было впущено в 1,6 м к юго-западу от центра, частично перекрыв п. 16. Яма прямоугольной формы размером 1,6 x 0,8 м, глубиной 0,9 м от уровня впуска (3,9 м от 0), ориентирована по оси северо-восток — юго-запад. Погребенный, взрослый человек, лежал в скорченном положении на спине, головой на северо-восток. Руки вытянуты и отведены, согнутые в коленях ноги распались ромбом. Череп окрашен красной охрой, следы охры прослежены по всему дну вместе с камышовой подстилкой. В заполнении ямы, у дна, найден фрагмент стенки лепного сосуда с примесью ракушки в тесте.

Энеолитические могильники, близкие Скадовскому и Облоевскому, в степных курганах встречаются редко, а тем более — в больших стратиграфических курганах. Самым близким является могильник в к. 1 у с. Долинское Чаплинского р-на Херсонской обл.¹ Еще один могильник исследован в к. 1 у с. Александровка (с-з "Прогресс") Снигиревского р-на Николаевской обл.² Другие энеолитические могильники несколько отличаются по своему составу: с. Широкое, к. 1; г. Орджоникидзе, гр. Чкаловская, к. 3³. Анализ стратиграфии, погребального обряда и инвентаря публикуемых нами могильников позволит четче представить место этих памятников в системе степных культур эпохи меди — ранней бронзы.

Стратиграфия могильников. Несмотря на наличие среди энеолитических погребений основных и впускных, хронологические различия между ними незначительны. Они не могут служить для установления определенных периодов и свидетельствуют лишь о продолжительности существования могильников.

Более существенны данные о первых ямных впускных погребениях. Эти захоронения зафиксированы в профилях бровок и особых сомнений в правильности определения их стратиграфического положения не возникает.

В Скадовском кургане первым впускным явилось погребение 12, определяемое как кеми-обинское, которое перекрывалось, в свою очередь, ямным погребением 15, аналогичным по обряду первому впускному ямному погребению 1 в Облоевском кургане. Случаи, когда в энеолитические курганы были впущены погребения в каменных ящиках, известны: с. Верхняя Тарасовка, к. 59, п. 2; пгт Великая Александровка, к. 1, п. 7; с. Константиновка, к. 8, п. 8 и др.⁴, причем на стенках ящиков следы росписи

не отмечены. Периодизация кеми-обинской культуры и, в частности, вопрос о соотношении погребений в расписных и нерасписных ящиках четко не разработаны. Существует, например, мнение, что погребения в расписных ящиках более ранние⁵. Стратиграфические данные Скадовского и Облоевского курганов говорят об обратном, так как ямное погребение 15, перекрывающее ящик и погребение 1, мы склонны относить к ранним фазам развития ямной культуры, а точнее — к концу первой хронологической группы или к началу второй⁶. Для данной территории эти погребения являются наиболее древними для ямной культуры, в то время как погребения в расписных ящиках впускались уже в позднейшие курганы: с. Старогорожено, к. 1, п. 1; с. Балки, курган "Высокая могила", п. 3 и др.⁷ Вероятно, погребения в нерасписных ящиках, аналогичных погребению 12 Скадовского кургана, занимают промежуточное место между несомненно более древними погребениями типа Баратовка — Старогорожено⁸, которые относят к памятникам нижнемихайловского типа⁹, и классическими погребениями кеми-обинской культуры с пышно орнаментированными, тщательно обработанными каменными ящиками¹⁰.

П о г р е б а л ь н ы й о б р я д. Отметим две конструктивные особенности насыпей: наличие рва с проходом в юго-восточной части и обкладку насыпи материковым выбросом из него. Такая техника и оформление курганов известны в энеолитических памятниках: с. Виноградное, к. 20 и 24; с. Вербки, к. гр. VI, к. 1; с. Волчанск, к. 1; с. Веселая Роща, к. 15¹¹, что свидетельствует о существовании единых принципов и традиций сооружения курганов в энеолите, независимо от типа погребения или культуры, к которым их относят (нижнемихайловскому или постмариупольскому и т.п.). Важно отметить, что такая конструкция отсутствует в курганах ямной культуры. Часто встречаются рвы вокруг энеолитических насыпей без обкладки¹². Для них намечается одна особенность: наличие прохода в южной части, как правило, с юго-запада, где концентрируются остатки тризн. В частности, серия таких рвов исследована на р. Молочная, где в одном из курганов в этой части у рва была вкопана стела¹³.

Планировка погребений публикуемых могильников круговая и полукольцом с погребением в центре (Облои). Впускные также расположены в центре, а если их несколько, то остальные дополняют круг. Такая планировка погребений в курганных энеолитических могильниках — явление распространенное: с. Долинское, к. 1; с. Александровка, к. 1; г. Орджоникидзе, гр. Чкаловская, к. 3; с. Хацеево, к. 5; о-в Самарский, к. 2¹⁴.

Погребальные ямы имеют характерную овальную форму с незначительными вариациями и только два погребения (10, 11) Облоевского могильника и одно (1) Скадовского прямоугольных очертаний. Наиболее распространенная поза — на боку с одной вытянутой и другой согнутой в локте рукой под прямым или острым углом. Из них: пять на левом боку и три на правом. Особенно устойчив этот обряд в Скадовском могильнике (в Облоевском обряд более разнообразен). В четырех случаях умершие лежали скорченно на спине, из которых выделяются погребения со сложными на животе или тазу руками (16, 25) и еще одно такое погребение совершено на правом боку (11) в Облоях.

В погребениях преобладает восточная ориентация с незначительными отклонениями (9), в двух случаях — северо-восточная, в одном — юго-восточная и в одном — северная. Наибольшие вариации в ориентации дает Облоевский могильник.

Посыпка охрой (алой или красной) зафиксирована во всех погребениях, но ее интенсивность разная. Кроме охристой посыпки отметим наличие в одном погребении угольков (п. 1 Скадовского могильника) и фиксацию в двух погребениях камышовой подстилки (п. 6 и 13 того же могильника).

В целом обряд погребений обоих могильников идентичен многим известным погребениям: с. Грушевка, к. 1, п. 2; с. Соколовка, к. 2, п. 3;

с. Староселье, к. 1, п. 15, 16; с. Великая Александровка, к. 1, п. 24; г. Орджоникидзе, гр. Круглой могилы, к. 1, п. 5; к. 17, п. 2; с. Виноградное, к. 2, п. 4; к. 3, п. 14, 16 и др.¹⁵ Несомненно, сюда же можно включить и погребения, которые были исследованы в курганах у с. Новоалексеевка: к. 3, п. 4; к. 5, п. 5; к. 6, п. 15, 16, первое из которых сопровождалось сосудиком с примесью ракушки в тексте, второе было окружено кромлемом из бычьих черепов, а два последних сопровождалось статуэтками серезлиевского типа и усатовским сосудом¹⁶.

И н в е н т а р ь п о г р е б е н и й. Наиболее выразительна керамика. Целые сосуды сопровождали четыре погребения: 4, 6, 16 Облоевского могильника; Скадовского. Кроме этого, в п. 1 и 16 Скадовского могильника найдены неполный развал сосуда и фрагмент керамики. Керамический материал из погребений дополняется фрагментами керамики из тризн.

Сосуды из погребений при несомненной близости общих технологических особенностей (тонкостенность, примесь мелкотолченой ракушки в тесте, хорошо заглаженная или подлощенная поверхность) и отдельных деталей (округлый корпус, относительно высокие отогнутые венчики) имеют ярко выраженные индивидуальные особенности, проявляющиеся в технологии (разная фактура теста) и форме (округлодонные, плоскодонные; приземистые, удлинённых пропорций; округлотелые, шаровидный или яйцевидный корпус; плавный или резкий переход венчика к корпусу; наличие ручек или отсутствие их). Такое сочетание общего сходства и индивидуальности характерно для сосудов из энеолитических погребений, хотя в настоящее время можно выделить небольшие серии близких по форме и тесту сосудов. Например, сосуд из п. 16 Облоевского могильника может быть поставлен в один ряд с сосудами типа Грушевки-Соколовки¹⁷.

Сосуд из п. 4 Облоевского могильника в азово-черноморских памятниках аналогий не находит, но подобные сосуды известны в погребениях кеми-обинской культуры Крыма¹⁸. Особо выделим шнуровой орнамент на сосуде. На керамике из энеолитических погребений орнамент редко встречается и, как правило, прочерченный или состоящий из насечек и отрисков мелкого гребенчатого штампа, реже — ямок. Отсутствует орнамент и на кеми-обинской керамике¹⁹. Видимо, в данном случае шнуговая орнаментация могла появиться под влиянием усатовских традиций²⁰. На наличие в районе Скадовска — Облой усатовских импортов указывают Новоалексеевские курганы. Не отрицается возможность проникновения сюда позднетрипольского населения²¹.

Фрагменты керамики из тризн представляют сосуды крупных размеров. Они имеют, с одной стороны, одинаковые с керамикой погребений технологические характеристики, с другой — отличаются по фактуре и характеру обработки поверхности. Фактура более рыхлая, не плотная, слоистая, поверхность шероховатая, примесь ракушки крупнотолченая. Фрагменты представляют округлые стенки и придонную часть плоскодонных сосудов, стенки от дна сильно расширяются (Скадовский могильник, ров). Вполне вероятно, что по форме, при абсолютной технологической идентичности, сосуды были аналогичны горшкам нижнего слоя Михайловского поселения первого или второго типа²². Керамика из тризн представляет керамический материал, шире распространенный и более устойчивый, чем в погребениях. В частности, аналогичная керамика известна в тризнах серии энеолитических курганов: с. Васильевка, к. 1; с. Любимовка, к. 14; Виноградное, к. 3; 24²³.

М е т а л л и ч е с к и е у к р а ш е н и я. Представлены двумя наиболее распространенными в энеолитических погребениях типами украшений: трубчатыми и спиральными медными пронизиями, изготовленными из свернутых тонких листов или узких полос. Трубчатые пронизии чаще встречаются при вытянутых погребениях от Орели²⁴ до Никополя²⁵. Спиральные пронизии распространены не так широко и в меньшем количестве. Они

известны в более южной зоне, от Никополя до Черноморского побережья²⁶, хотя в последнее время они найдены и в Присамарье²⁷.

Спектральный анализ пронизи из п. 6 Скадовского могильника показал, что она была изготовлена из "чистой" меди, как большинство украшений этого типа в энеолитических погребениях²⁸.

Куски охры и смолы. В обоих могильниках (особенно в Скадовском) охра была сформована в виде лепешек, аморфных или прямоугольных кусков. Не во всех случаях можно было определить форму из-за плохой сохранности. В массе заметны примеси. Наличие формованных кусков охры — одна из ярких особенностей энеолитических погребений (нижнемихайловских, "постмариупольских")²⁹.

Куски смолы встречаются не так часто, как изделия из охры. Облоевский могильник в этом отношении наиболее примечателен. Удалось сделать физико-химический анализ смол из двух погребений (16 и 23)*. Оказалось, что обе пробы взяты из одного замеса и представляют собой смесь березовой и сосновой смолы в отношении 2:1, то есть деготь, который издавна применялся в лечебных целях³⁰. Поэтому в отдельных погребениях мы встречаем обмазанные смолой кости, приложенные к отдельным частям тела пластинки: с. Серезлиевка, к. 7; с. Волчанское, к. 1, п. 21; "Аккермень", к. 13, п. 3; с. Марьевка, к. 17, п. 2³¹. Применение смолы отмечено и в более поздних погребениях ямной, катакомбной культуры (Аккермень 1, к. 14, п. 7)³².

Культурная принадлежность и хронология могильников. Оба могильника четко вписываются в круг энеолитических памятников Азово-Черноморской степной зоны. По ныне существующей терминологии их можно отнести к памятникам нижнемихайловского типа³³, входящим в более обширный ареал азово-черноморской линии развития степного энеолита³⁴. В культурном и этническом отношении они не имеют ничего общего с ямной культурой и предшествуют ей на данной территории.

То, что оба могильника перекрываются ямными погребениями, которые мы относим к рубежу I и II хронологических групп (по Мерперту Н.Я.), определяет верхнюю границу их существования, то есть середину — начало третьей четверти III тыс. до н.э.³⁵ В хронологическом отношении Облоевский и Скадовский могильники можно поставить в один ряд с такими позднеэнеолитическими памятниками, как с. Александровка (с-з "Прогресс"), к. 1; с. Широкое, к. 1; г. Орджоникидзе, гр. Чкаловская, к. 3; с. Баратовка, к. 1, которые датируются по найденным в них статуэткам серезлиевского типа³⁶. Находки таких же статуэток в к. 6, п. 15 и усатовской амфорки в п. 16 у с. Новоалексеевка³⁷ подтверждают такую синхронизацию.

¹ Раскопки Херсонской экспедиции ИА АН УССР в 1983 г. Информация А.И.Кубышева и Ю.А.Шилова.

² Елагина Н.Г., Петренко В.Г. Раскопки курганов на Ингульце // АО 1968. — М., 1969. — С. 252.

³ Крылова Л.П. Археологічні розкопки стародавніх курганів на Криворіжжі в 1966–1968 рр. // Наш край. — Дніпропетровськ, 1971. — Вип. 1. — С. 18–19. — Табл. 11; Николова А.В., Рассамкин Ю.Я. О позднеэнеолитических памятниках Правобережья Днепра // СА. — 1985. — № 3. — Рис. 4, 5–8; 5; 8; 10.

⁴ Николова А.В., Рассамкин Ю.Я. О позднеэнеолитических памятниках. — С. 41; Информация А.И.Кубышева, О.Г.Шапошниковой и Ю.А.Шилова.

⁵ Шилев Ю.А. Нижнее Поднепровье в середине III — середине II тыс. до н.э. // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Киев, 1982. — С. 6.

⁶ Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. — М., 1974. — С. 60–61.

⁷ Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Балушкин А.М. Курганная группа близ с. Старогорожено // Древности Поингульа. — Киев, 1977. — С. 103–106; Рис. 3, 3, 4; Информация В.И.Бидзали.

⁸ Елагина Н.П., Петренко В.Г. Указ. соч. — С. 252; Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Балушкин А.М. Курганная группа... — С. 99–119. — Рис. 3, 1; 5, 3, 4, 5. — С. 143.

* Анализ проведен доктором Ежи Лангером в отделе химии Познаньского университета.

- 9 *Телегін Д.Я.* Енеолітичні стели і пам'ятки нижньомихайлівського типу // *Археологія*. – 1971. – Вип. 4. – С. 3–17; *Шапошникова О.Г., Бочкарев В.С., Шарафутдінова І.Н.* О памятниках эпохи меди – ранней бронзы в бассейне р. Ингул // *Древности Поингулья*. – Киев, 1977. – С. 7–9.
- 10 *Археология Украинской ССР*. – Киев, 1985. – С. 333–334.
- 11 *Ковалева И.Ф.* Север степного Поднепровья в энеолит–бронзовом веке. – Днепропетровск, 1984. – С. 11. – Рис. 2, 2; *Романовская М.А.* Об одном погребении эпохи ранней бронзы // *Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла*. – Куйбышев, 1982. – С. 173–175. Материалы из сел Виноградное и Волчанск не опубликованы.
- 12 *Ковалева И.Ф.* Север... – С. 11; *Дорофеев В.В.* Охранные раскопки в Приазовье // *АО* 1980. – М., 1981. – С. 245.
- 13 Раскопки Запорожской экспедиции ИА АН УССР в 1984 г. у с. Виноградное Токмакского р-на Запорожской обл. Материалы не опубликованы.
- 14 *Елагина Н.Г., Петренко В.Г.* Отчет об археологических раскопках, проведенных Ингулецкой скифской степной экспедицией летом 1968 г. // *НА ИА АН УССР*. – № 1968/54; *Ковалева И.Ф.* Север... – С. 16. – Рис. 3, 1; *Николова А.В., Рассмакин Ю.Я.* О позднеэнеолитических памятниках... – Рис. 8; *Ковалева И.Ф.* Вытянутые погребения Днепровского ареала Волго-Днепровской культурно-исторической общности эпохи энеолита // *Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н.э.* – Днепропетровск, 1979. – Вип. 3. – С. 65.
- 15 *Бліфельд Д.І.* Курган эпохи бронзы в с. Грушівка // *АП*. – 1961. – Т. 10. – С. 47; *Шарафутдінова І.Н.* Северная курганная группа у с. Соколовка // *Археологические памятники Поингулья*. – Киев, 1980. – С. 93–94; *Шилов Ю.О.* Перший та четвертий Старосільські кургани // *Археологія*. – 1977. – Вип. 22. – С. 48–65; *Рассамакин Ю.Я.* Энеолитические погребения бассейна р. Молочной. – Киев, 1987. – С. 33, 36–37.
- 16 *Збенович В.Г.* К проблеме связей Триполья с энеолитическими культурами Северного Причерноморья // *Энеолит и бронзовый век Украины*. – Киев, 1976. – С. 59–61. – Рис. 1, 5–6; 3.
- 17 *Бліфельд Д.І.* Вказ. праця. – Табл. 1, 1. – С. 47; *Шарафутдінова І.Н.* Указ. соч. – С. 93. – Рис. 11, 1.
- 18 *Шульц П.Н., Столяр А.Д.* Курганы эпохи бронзы в долине Салгира // *КСИИМК*. – 1958. – Вип. 71. – С. 57. – Рис. 13, 11–12.
- 19 *Щепинский А.А.* Культуры энеолита и бронзы в Крыму // *СА*. – 1966. – № 2. – С. 19.
- 20 *Збенович В.Г.* Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. – Киев, 1974. – С. 88.
- 21 *Збенович В.Г.* К проблеме связей... – С. 66–67.
- 22 *Лагодовська О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л.* Михайлівське поселення. – К. 1962. – С. 31–32.
- 23 *Болтрик Ю.В., Зарайская Н.П.* Раскопки курганов близ с. Любимовка Каховского г-на // *АИУ* 1968. – 1971. – Вип. 3. – С. 6–10; *Кубышев А.И.* Отчет о работе Херсонской экспедиции ИА АН УССР в зоне строительства Каховской ОС в 1977 г. // *НА ИА АН УССР*. – № 1977/23; *Рассамакин Ю.Я., Отроченко В.В., Пустовалов С.Ж. и др.* Отчет о работе Запорожской экспедиции в 1982 г. // *НА ИА АН УССР*. – № 1982/2; *Рассамакин Ю.Я.* Энеолитические погребения бассейна р. Молочная // *Древнейшие скотоводы Юга Украины*. – Киев, 1987. – С. 36–37.
- 24 *Ковалева И.Ф.* Север... – С. 37–38.
- 25 *Попандопуло З.Х., Тихомолова И.Р.* Исследования Запорожского краеведческого музея // *АО* 1981. – М., 1983. – С. 308; Раскопки Л.П.Крыловой у с. Новокиевка Томаковского р-на Днепропетровской обл. в 1983 г. Информация Л.П.Крыловой.
- 26 *Николова А.В., Рассмакин Ю.Я.* О позднеэнеолитических памятниках... – С. 46. – Рис. 4, 6; *Ляшко С.Н.* Энеолитические "вытянутые" погребения в Днепровском Надпорожье // *Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веке*. – Днепропетровск, 1981. – С. 61. – Рис. 1, 3.
- 27 *Ковалева И.Ф.* Север... – С. 37. – Рис. 4, 9.
- 28 *Там же*. – С. 35; *Ляшко С.Н.* Энеолитические "вытянутые" погребения... – С. 61.
- 29 *Телегін Д.Я.* Енеолітичні стели... – С. 15; *Шапошникова О.Г., Бочкарев В.С., Шарафутдінова І.Н.* О памятниках... – С. 8; *Ковалева И.Ф.* Север... – С. 40–42. – Рис. 7; *Крылова Л.П.* Археологічні розкопки... – С. 19–20. – Табл. III, 9–12; *Рассамакин Ю.Я.* Древнейшие энеолитические погребения в курганах юга Украины // *Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тез. докладов*. – Киев, 1981. – С. 28.
- 30 *Энциклопедический словарь* (Изд. Брокгауза и Эфрона). – С.-Петербург. 1893. – Т. 19. – С. 259, 272.
- 31 *Щербаковский Д.М.* Раскопки курганов на пограничье Херсонской и Киевской губерний // *АЛЮР*. – 1905. – № 1–2. – С. 9; *Дорофеев В.В.* Охранные раскопки в Приазовье // *АО* 1980. – М., 1981. – С. 245; *Вязьмитина М.І., Ілліньська В.А., Покровська Е.Ф., Тереножкін О.І., Ковпаненко Г.Т.* Курганы близ с. Новоипиливка і радгоспу "Аккермень" // *АП*. – 1960. – Т. 8. – С. 118; *Николова А.В., Рассмакин Ю.Я.* О позднеэнеолитических памятниках... – С. 53; *Рассамакин Ю.Я.* О группе энеолитических погребений из раскопок Верхнетарасовской экспедиции // *Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы*. – Донецк, 1979. – С. 40.
- 32 *Вязьмитина М.І., Ілліньська В.А., Покровська Е.Ф., Тереножкін О.І., Ковпаненко Г.Т.* Курганы... – С. 62. – Рис. 46.
- 33 *Телегін Д.Я.* Енеолітичні стели... – С. 15; *Шапошникова О.Г., Бочкарев В.С., Шарафутдінова І.Н.* О памятниках... – С. 7–9; *Рассамакин Ю.Я.* Древнейшие энеолитические погребения... – С. 29; *Археология Украинской ССР*. – Киев, 1985. – Т. 1. – С. 324–331.
- 34 *Даниленко В.Н.* Энеолит Украины. – Киев, 1974. – С. 87.

- ³⁵ Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья... — С. 60—61.
³⁶ Телегин Д.Я. Енеолітичні стели... — С. 15; Д.Я.Телегин относит эти памятники ко второму пирочанско-баратовскому этапу развития памятников нижнемихайловского типа. Николова А.В., Рассмакин Ю.Я. О позднэнеолитических памятниках... — С. 44—45, 53.
³⁷ Збенович В.Г. К проблеме связей... — С. 63.

Л. Ф. КОНСТАНТИНЕСКУ
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ПОЗДНЕЯМНОГО ВРЕМЕНИ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ

Северо-Восточное Приазовье издавна привлекало внимание ученых-археологов как территория, занимавшая с древних времен выгодное географическое положение между Кавказом и Северным Причерноморьем. Изучение этого района началось в конце XIX — начале XX вв. известными археологами Н.Е.Бранденбургом и Н.И.Веселовским. Проводили раскопки исследователи Мариупольского, Бердянского, Мелитопольского краеведческих музеев. Систематическое исследование Северо-Восточного Приазовья начинается в 60-е годы в связи с большими новостроечными работами ученых экспедиций ИА АН УССР. В результате получены массовые материалы культур бронзового века и, в частности, ямной культурно-исторической общности, расширившие наши представления о памятниках этого периода.

В предлагаемой статье публикуются новые материалы ямного времени и дается их культурно-хронологическая характеристика. В работу вошли материалы из 11 курганов, содержащие 21 ямное погребение. Курганы располагались на правом берегу р. Кальмиус, на водоразделе рек Калка, Кальчик и Калец (рис. 1, 1)*.

с. Новоселовка. Курганная группа из 6 насыпей (4 — ямного времени) находилась в 4—5 м к востоку от села и входила в состав могильника, вытянутого по водоразделу правого берега р. Кальмиус.

К у р г а н 3. Высота 1,25 м, диаметр 24 м, округлых очертаний. Первичная насыпь высотой 0,4 м, диаметром 14 м сооружена над ямным погребением 1.

Погребение 1 (ямное) — основное в кургане, находилось в центре на глубине 2,56 м от репера. Яма прямоугольной формы, размером 1,8 x 1,25 м, глубиной 0,95 м. В заполнении остатки деревянного перекрытия и древесные угольки. Скелет взрослого на спине в скорченном положении, коленями вверх, руки вдоль корпуса, головой на северо-восток. На костях посыпка охрой. Под скелетом двухслойная подстилка из белого и коричневого глена с примесью охры (рис. 1, 3).

К у р г а н 4. Высота 1,25 м, диаметр 25 м. Первичная насыпь высотой 0,8 м, диаметром 20 м — над погребением 2.

Погребение 2 (ямное) — основное, в центре кургана, на уровне 1,5 м от репера. В яме прямоугольной формы размером 1,7 x 1 м, глубиной 1,15 м — скелет взрослого в скорченном положении, головой на север. Положение корпуса и рук не восстанавливается. За спиной погребенного челюсть крупного животного (корова?). Под скелетом — белый и коричневый глен, у стоп — скопление охры (рис. 1, 4).

К у р г а н 5. Высота 1,5 м, диаметр около 25 м. Первичная насыпь высотой 1,5 м, диаметром 20 м (рис. 2, 1).

Погребение 4 (ямное) впущено в 3 м к юго-западу от центра на глубину 2 м. Дугообразный выкид из могилы фиксирует уровень, с которого она впущена — 1,35 м. Яма прямоугольной формы с закругленными углами

* Материалы раскопок Донецкой экспедиции АН УССР 1976—1977 гг. из пяти пунктов: с. Новоселовка Тельмановского р-на Донецкой обл. (4 к.), с. Октябрьское Новоазовского р-на (1 к.)¹, с. Кременевка Володарского р-на (4 к.), Волонтеровка (Жданов-1 к.)², г. Донецк (1 к. "Текстильщик")³.

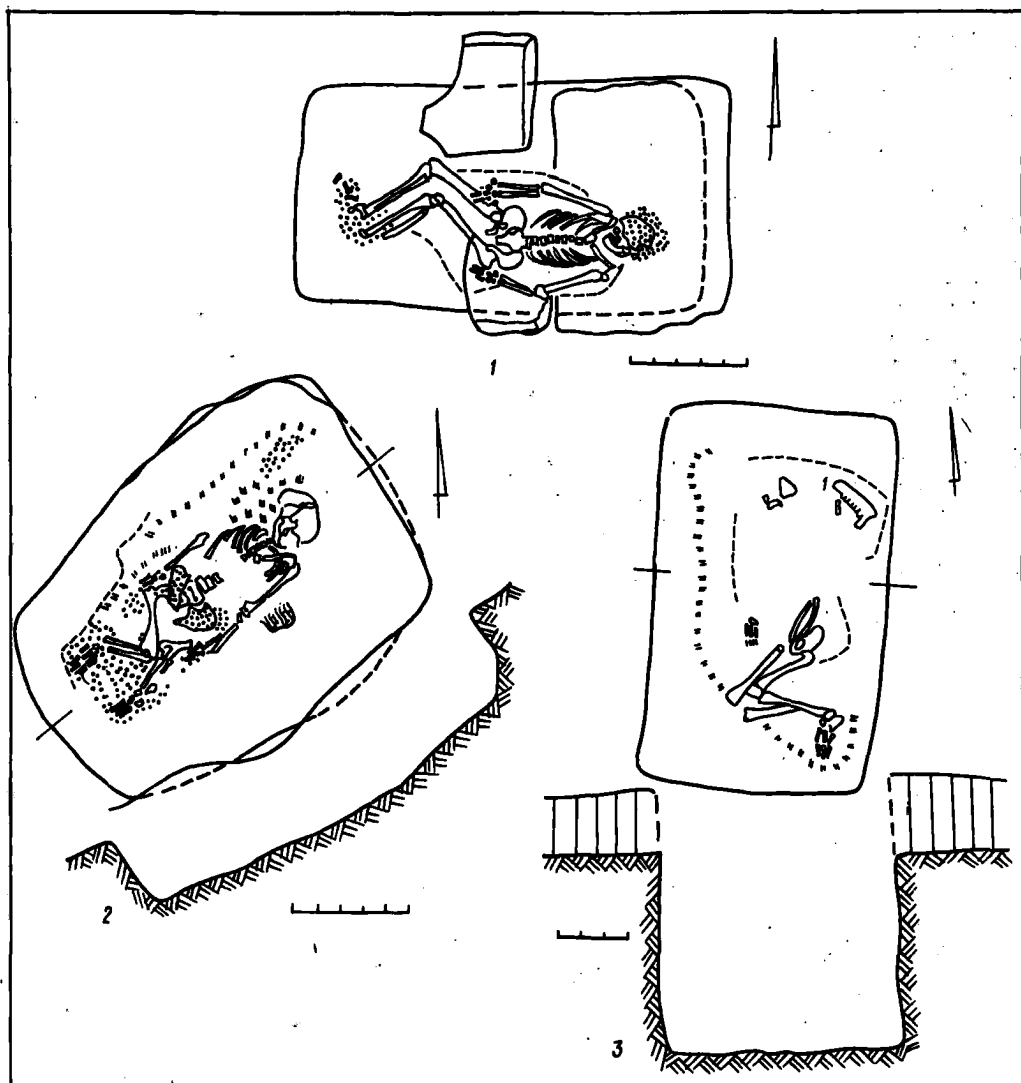

Рис. 1.
 1 — план п. 11 из к. 1, с. Октябрьское; 2 — п. 1, к. 3, с. Новоселовка; 3 — п. 2, к. 4, с. Новоселовка

размером 1,55 x 1 м ко дну расширяется. В заполнении куски дерева от перекрытия. Скелет взрослого скорчен, на спине, головой на северо-восток, руки согнуты, кисти на бедрах. Под ним камышовая подстилка на костях, на дне — посыпка охрой. У левого плеча обработанный комочек охры и древесные угольки. На правой руке — молоточковидная костяная булава с отломанными дисками (рис. 2, 5). Длина булавки 14,5 см, наибольший диаметр 1 см, диаметр отверстия 4 мм.

Погребение 6 (ямное) — основное, в центре кургана, на уровне 2,65 м от репера. В яме прямоугольной формы размером 0,90 x 0,65 м, глубиной 1,05 м — скелет ребенка на спине, головой на север, руки — вдоль корпуса. У черепа — кость животного. На дне — белый тлен и посыпка охрой (рис. 2, 2).

Курган 6. Высота 2,2 м, диаметр около 40 м. Первичная насыпь высотой 1 м, диаметром 15 м, сложена из кусков дерна.

Погребение 7 (ямное) — основное в кургане, в 2 м к югу от центра, на уровне 3,74 м от репера. На краях ямы и в заполнении — остатки деревян-

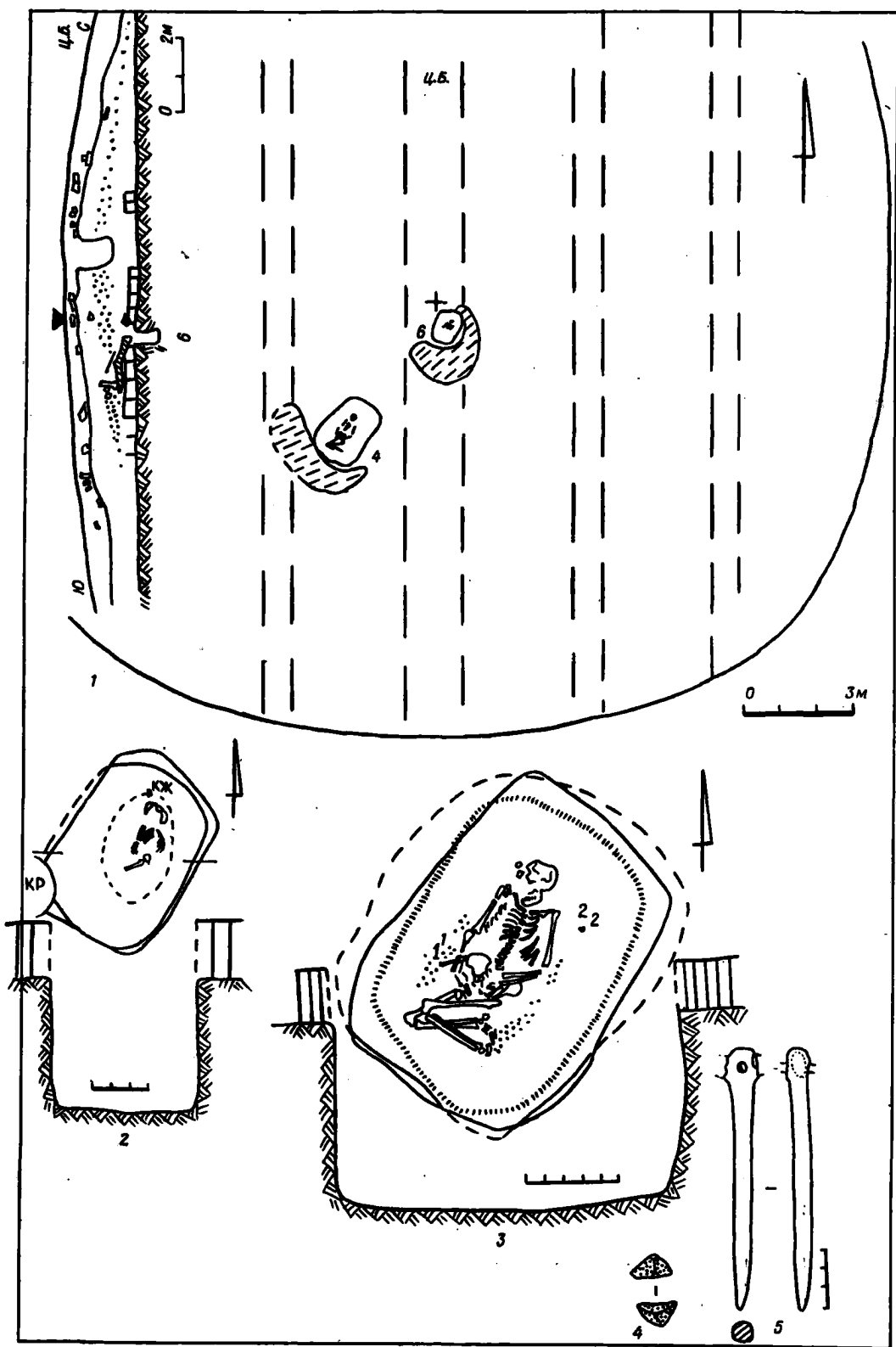

Рис. 2.
 1 — общий план к. 5, с. Новоселовка; 2 — п. 6, к. 5, с. Новоселовка; 3 — п. 4, к. 5, с. Новоселовка; 4 — обработанный комок охры из к. 5/4; 5 — молоточковидная булавка из к. 5/4

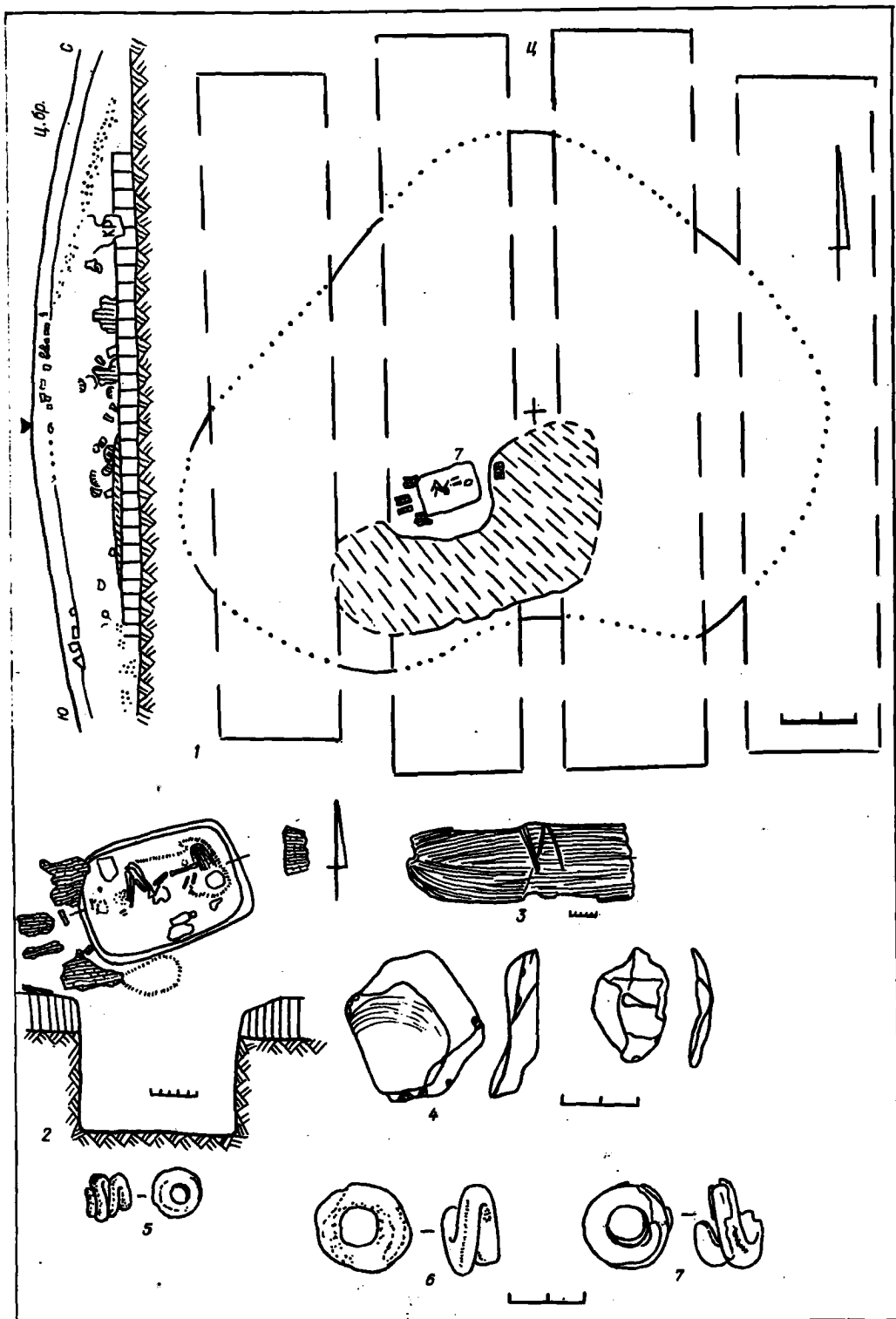
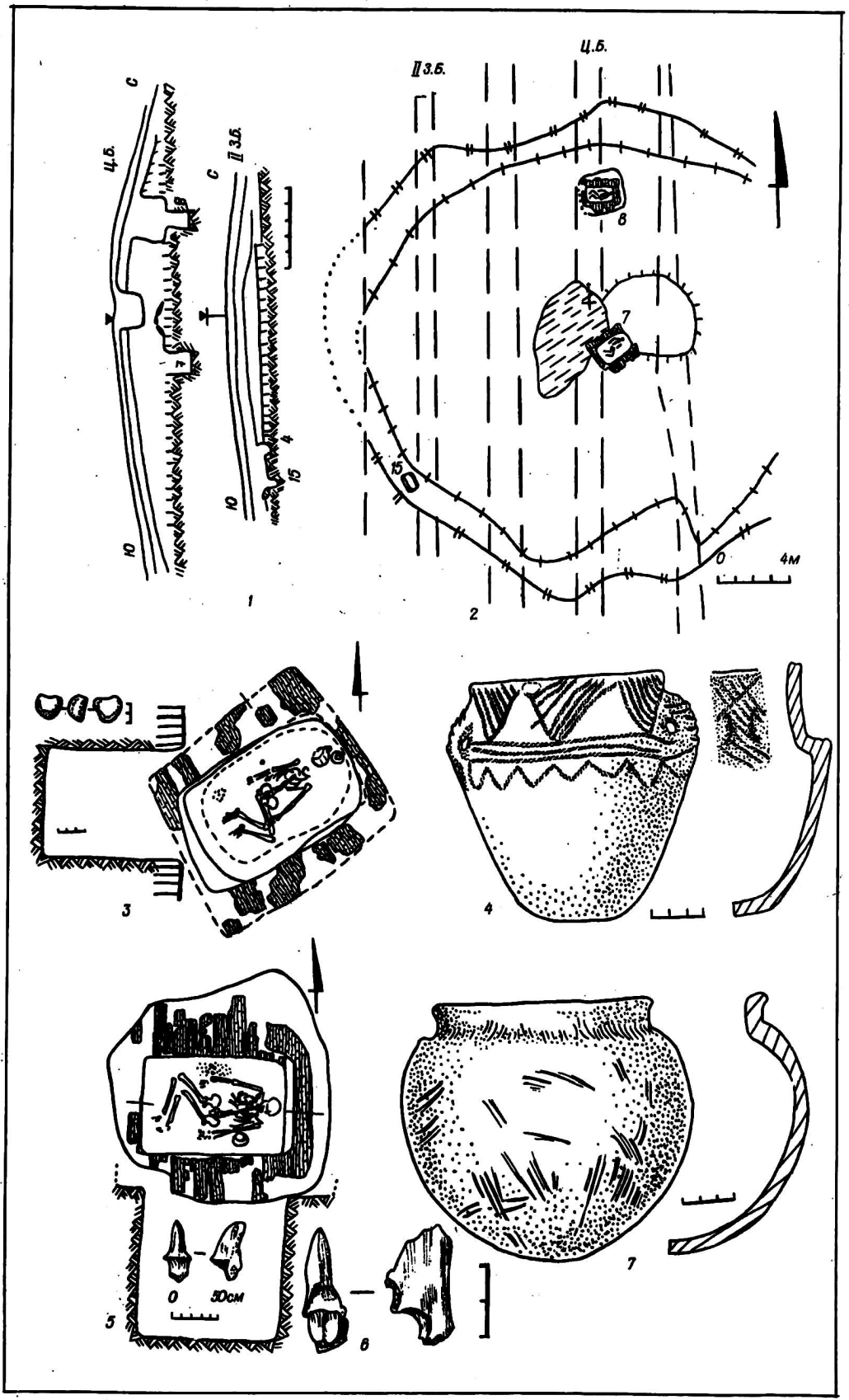

Рис. 3.
 1 — общий план и разрез центральной бровки к. 6;
 2 — п. 7, к. 6, с. Новоселовка; 3 — тростниковая подушка из п. 7; 4 — кремневый отщеп из п. 7;
 5 — подвеска в три оборота из п. 7; 6-7 — подвески в полтора оборота из п. 7

ного перекрытия, положенного вдоль длинных сторон. Могила размером 1,68 x 1,15 м, глубиной 1,42 м, стенки отвесные со следами землеройных орудий, дно — неровное. Скелет взрослого скорчен, на спине, головой на северо-восток. Под погребенным слоем коричневого тлена в 2 см, под головой — тростниковая подушка, состоящая из двух связок, сохранился стебель, перехватывающий подушку поперек (рис. 3, 3). На груди порошок охры. У шейных позвонков и на правой глазнице по одной массивной свинцовой подвеске в полтора оборота из прута диаметром 0,6 см, концы сужены (рис. 3, 6, 7). Под ключицей подвеска в три оборота из прута диаметром 0,2—0,3 см (рис. 3, 5). Слева от погребенного на подсыпке высотой 10 см — пятиугольный кремневый отщеп с краевой ретушью, в ногах на таком же возвышении ножевидное кремневое орудие (рис. 3, 4).

с. Октябрьское. Курган 1. Высота 4,1 м, диаметр около 50 м. Первичная насыпь высотой 0,7 м, диаметром 12 м, имела овальные очертания и плоскую вершину. Все последующие насыпи и досыпки связаны с катакомбными погребениями.

Погребение 11 (ямное) — основное в кургане, в 10,1 м к юго-востоку от центра, на глубине 5,65 м от репера. Прямоугольная яма размером 1,8 x 1,45 м, глубиной 1,55 м на уровне древнего горизонта перекрыта двумя гранитными плитами. Скелет взрослого скорчен на спине, головой на восток. На дне белый и бурый тлен (рис. 1, 2).

с. Кременевка. Курганная группа из 8 курганов (4-ямного времени) располагалась по обеим сторонам автотрассы Донецк — Володарское — Ялта.

Курган 2. Высота 3,25 м, диаметр около 40 м. Всего в кургане 17 погребений, три из них ямные. Над основным погребением 7 сооружена первичная насыпь высотой 1,8 м, диаметр 22 м. В ее северную полу впущено второе ямное погребение 8, это зафиксировано в разрезе центральной бровки (рис. 4, 1). Третье погребение 15 устроено в юго-западном крае этой же насыпи или, скорее, за ее пределами, так как выкид лежит на дневной поверхности, частично срезанной при сооружении первого кургана (рис. 4, 1—2). Оба впущенные погребения перекрыты второй насыпью мощностью 0,6 м.

Погребение 7 (ямное) — основное в кургане, в центре, на уровне 4,82 м от репера. Над могилой подпрямоугольно-овальной формы размером 2,11 x 1,32 м, глубиной 1,57 м — деревянное перекрытие размером 2,35 x 2,1 м. В центре ямы на травяной подстилке (1,75 x 1,1 м) — скелет в слабоскорченном положении на спине, головой на северо-восток, руки — вдоль корпуса (рис. 4, 3). Около черепа — сосуд, поставленный вверх дном. У правой руки — обработанный пятитигранный комок охры (3 x 2,5 x 1,6 см). У правой ноги — скопление порошка охры. В могилу положены четыре копытца овцы (рис. 4, 6). Сосуд двуручный, толстостенный с высокой шейкой, уступом по плечикам, уплощенным дном. Поверхность охристого цвета, внутри темно-серая, в тесте примесь песка. Высота сосуда 13,5 см, диаметр боков 13 см, диаметр венчика 10 см (рис. 4, 4).

Погребение 8 (ямное) впущено в 8,5 м к северу от репера, на уровне 4,85 м. Яма с уступами на уровне материка глубиной 3,3 м. Входная яма неправильной прямоугольной формы размером 2,35 x 2,35 x 1,75 м. На уступах уложено деревянное перекрытие поперек могилы. В погребальной камере правильной прямоугольной формы размером 1,55 x 1 м скелет взрослого скорчен на спине, головой на восток, руки — вдоль корпуса. Около правой руки фрагменты детских костей на слое охры. Справа от

Рис. 4.

1, 2 — план и профили бровок к. 2, с. Кременевка; 3 — п. 7, к. 2, с. Кременевка; 4 — сосуд из п. 7, к. 2; 5 — п. 8, к. 2; 6 — копытце овцы из к. 2/7; 7 — сосуд из п. 8, курган 2

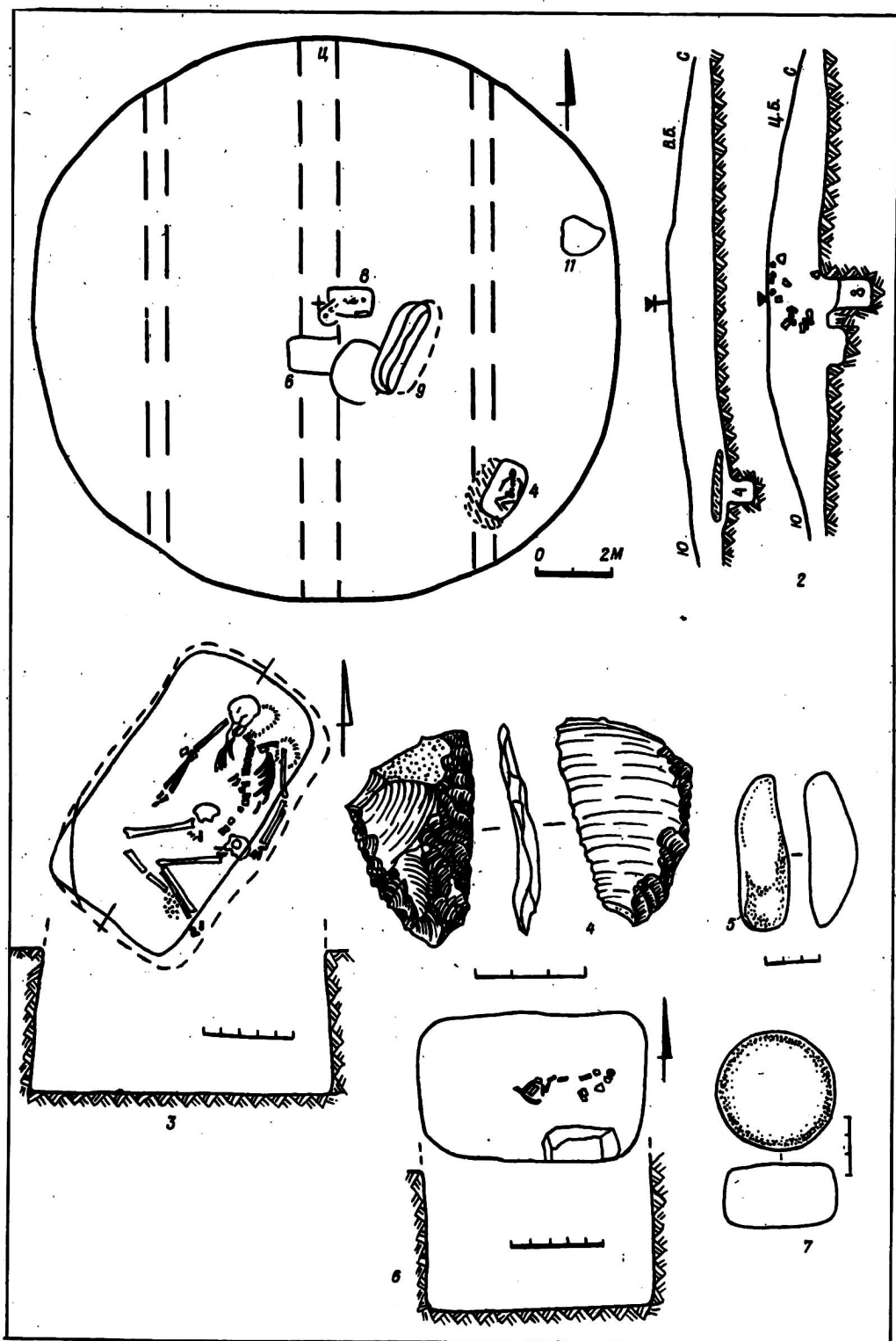

Рис. 5.
 1 — план кургана 3, с. Кременевка; 2 — разрез центральной и первой восточной бровок к. 3; 3 — п. 4, к. 3; 4 — кремневое изделие из п. 4, к. 3; 5 — терочник из п. 4, к. 3; 6 — п. 8, к. 3, с. Кременевка; 7 — терочник из п. 8, к. 3

погребенного — сосуд, у ступней — раковина унхо (рис. 4, 5). Сосуд — лепной толстостенный с низкой шейкой, уступом у ее основания, сферическим корпусом. Поверхность светло-серая, в тесте — песок. Высота сосуда 14,5 см, шейки — 2 см, диаметр боков 15 см, диаметр венчика 12,5 см (рис. 4, 7).

Погребение 15 (ямное) — впущено в 15,3 м к юго-западу от репера на уровень 4,25 м от репера. В могиле прямоугольной формы с уступами размером 0,8 x 0,42 м, глубиной 0,7 м следы погребенного не обнаружены. На дне охра.

К у р г а н 3. Высота 1,2 м, диаметр 15 м. Насыпь овальных очертаний, линия древнего горизонта не прослеживалась. В кургане открыты два ямных погребения. Их стратиграфическое положение указывает на небольшой хронологический разрыв.

Погребение 4 (ямное) — впущено в 6,5 м к юго-востоку от центра на глубину 1,7 м от репера. Над ямой на уровне погребального чернозема — линза материкового выкида. Могила прямоугольной формы размером 1,68 x 1,05 м ко дну расширяется. Скелет взрослого скорчен на спине, головой на северо-восток, руки разбросаны в стороны. У правой руки — пятно охры, у левого плеча и за затылком — коричневые пятна. Под черепом — терочник из песчаника длиной 8 см, шириной 2 см (рис. 5, 5) и кремневый отщеп с плоской ретушью у одного края (рис. 5, 4).

Погребение 8 (ямное) — в центре, на уровне 2,9 м от репера. Выкид из ямы не прослежен, так как был перерыт более поздним погребением 7 (рис. 5, 6). В прямоугольной яме размером 1,25 x 0,75 м, глубиной 1,5 м вдоль южной стенки стояли два камня, возможно от перекрытия. На дне — детский скелет плохой сохранности, ориентирован на восток. У черепа положен круглый песчаный терочник диаметром 5,6 см, высотой 3 см (рис. 5, 7).

К у р г а н 6. Высота 1,8 м, диаметр около 30 м. Сооружен в три приема. В центральной его части, под первой насыпью, прослежено необычное явление: на участке в 4—5 м материковый суглинок поднимался до уровня древнего горизонта, погребальный чернозем в этой части отсутствовал. Видимо, курган был заложен на естественном холме. Первичная насыпь высотой 1 м имела неравномерно вытянутую с севера на юг конфигурацию и плоскую вершину размером 18,5 x 14,5 м. Форма насыпи продиктована направлением четырех раннеямных погребений*, расположенных под нею. Вторая насыпь высотой 0,5 м, диаметром 20 м сооружена над ямным погребением 4. Третья боковая досыпка, с западной стороны, связанная с катакомбными погребениями, завершает конструкцию кургана.

Погребение 4 (ямное) впущено в 6,5 м к югу от центра на глубину 4,28 м от репера. Конструкция могилы: яма с уступами на уровне древнего горизонта, общая глубина 2,8 м. На уступы упирается деревянное перекрытие из массивных плах, положенных поперек ямы, под деревом — слой белого растительного тлена и нижняя челюсть крупного животного (корова?). Погребальная камера подпрямоугольной формы с закругленными углами, более широкая в западной части, размером 1,9 x 1,55 м ко дну расширяется до 2,3 x 1,8 м. На дне на двухслойной растительной подстилке три скелета — два взрослых, один детский. Скелет 1 взрослого слабо скорчен на правом боку, головой на восток. Под черепом — порошок охры. Скелет 2 взрослого слабо скорчен на левом боку, головой на запад. В изголовье кремневый отщеп и три копытца. Скелет 3 детский, скорчен на правом боку, головой на восток. Кости окрашены охрой (рис. 6, 1).

К у р г а н 8. Высота 1,1 м, диаметр 21 м, в плане овальной формы. В кургане открыты три погребения ямного времени. Древнейшее из них погребение 2, выкид из него — на уровне погребального чернозема. В первичную насыпь высотой 0,8 м впущено погребение 3, стратиграфическое положение погребения 1 не прослеживается (рис. 6, 1, 2).

* Курган 6 из с. Кременевка частично опубликован⁴.

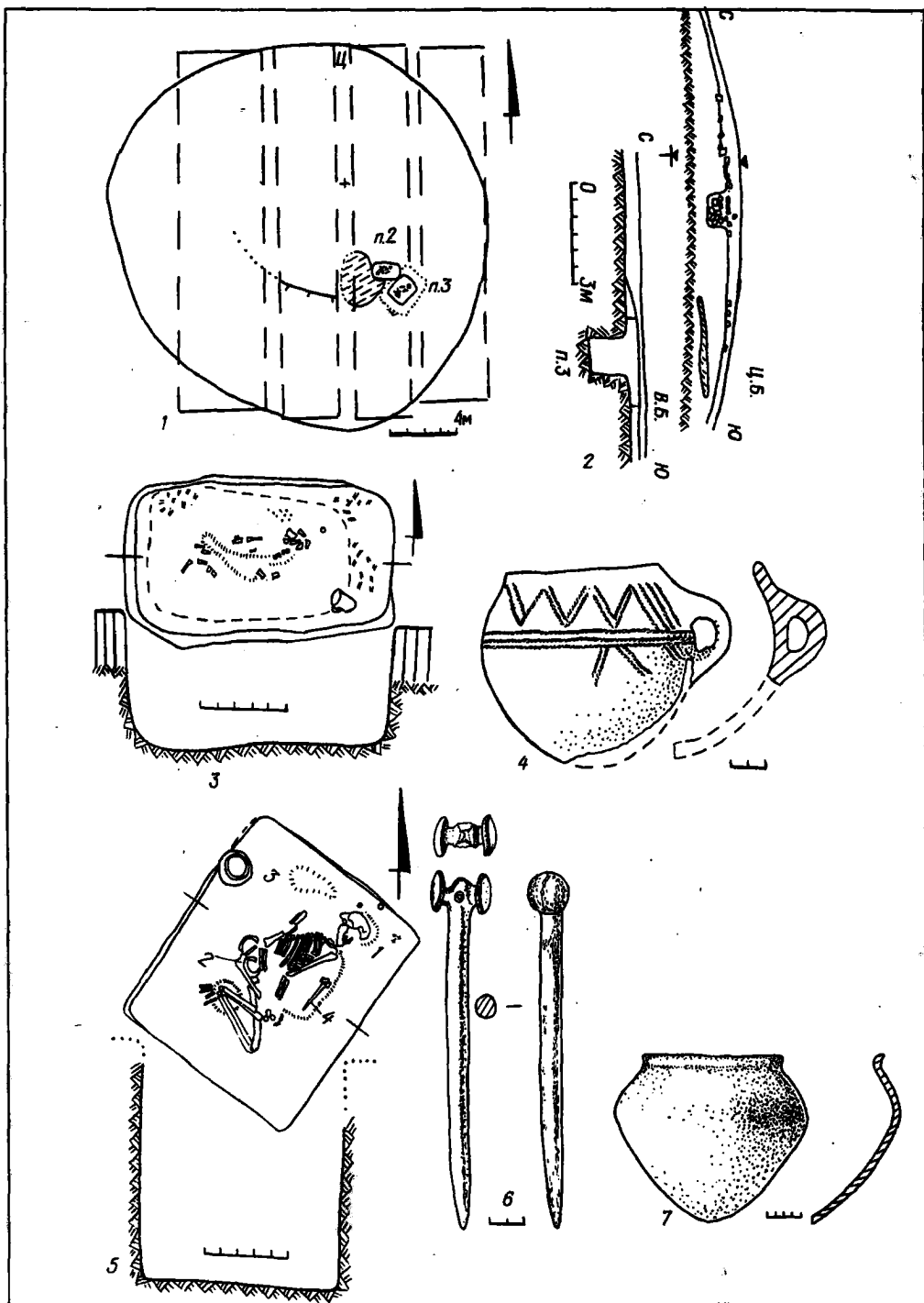

Рис. 6.
 1 - план к. 8, с. Кременевка; 2 - разрез центральной и первой восточной бровок к. 8; 3 - п. 2, к. 8; 4 - сосуд из п. 2, к. 8; 5 - п. 3, к. 8; 6 - молоточковидная булавка из п. 3, к. 8; 7 - сосуд из п. 3, к. 8

Погребение 1 (ямное) впущено в 4,4 м к юго-западу от центра, на глубину 1,85 м от репера. Яма прямоугольной формы размером 0,95 x 0,65 м. Скелет ребенка истлел полностью. В северо-восточном углу комочек охры и невыразительные фрагменты стенок сосуда.

Погребение 2 (ямное) — основное, в 5 м к юго-востоку от центра, на уровне 1,9 м от репера. Яма прямоугольной формы размером 1,6 x 0,87 м, глубиной 0,8 м. Скелет ребенка в слабо скорченном положении на спине, головой на северо-восток. Под ним травяная подстилка четких прямоугольных очертаний 0,75 x 1,2 м. За черепом порошок и комочки охры. У восточной и южной стенок небольшое скопление горелого хвороста. Слева от черепа сосуд с яйцевидным корпусом, низкой шейкой, переходящей в петельчатую ручку. Поверхность темно-серого цвета, в тесте песок. Высота 11,5 см, высота шейки 1 см, диаметр венчика 9 см (рис. 6, 4).

Погребение 3 (ямное) впущено в 6 м к юго-востоку от центра, на уровне 2,5 м от репера. Захоронение в яме с уступами — на уровне материка, общая глубина 1,5 м. Погребальная камера подквадратной формы размером 1,45 x 1,2 м. На растительной подстилке — скелет взрослого, положен по диагонали ямы скорченно на левом боку головой на восток. Руки согнуты в локтях, кисть правой на правом колене, кисть левой — под ним. Перед грудью положена молоточковидная булавка, за черепом — пять зубов хищного животного, в области таза — кремневый отщеп, под стенкой — сосуд. Дно усеяно комочками охры (рис. 6, 5). Булавка роговая молоточковидная с хорошо выделенной головкой и сквозным отверстием, круглым в сечении стержнем. Длина булавки 20,5 см, наибольший диаметр 1,5 см, диаметр отверстия 0,4 см (рис. 6, 6). Сосуд с низкой шейкой, крутыми хорошо подчёркнутыми боками, резко переходящими в округлое дно. Украшен глубокими расчесами, поверхность светло-серая, в тесте примесь песка. Высота сосуда 18,7 см, шейки — 1,5 см, диаметр венчика 16 см, боков — 22,8 см (рис. 6, 7).

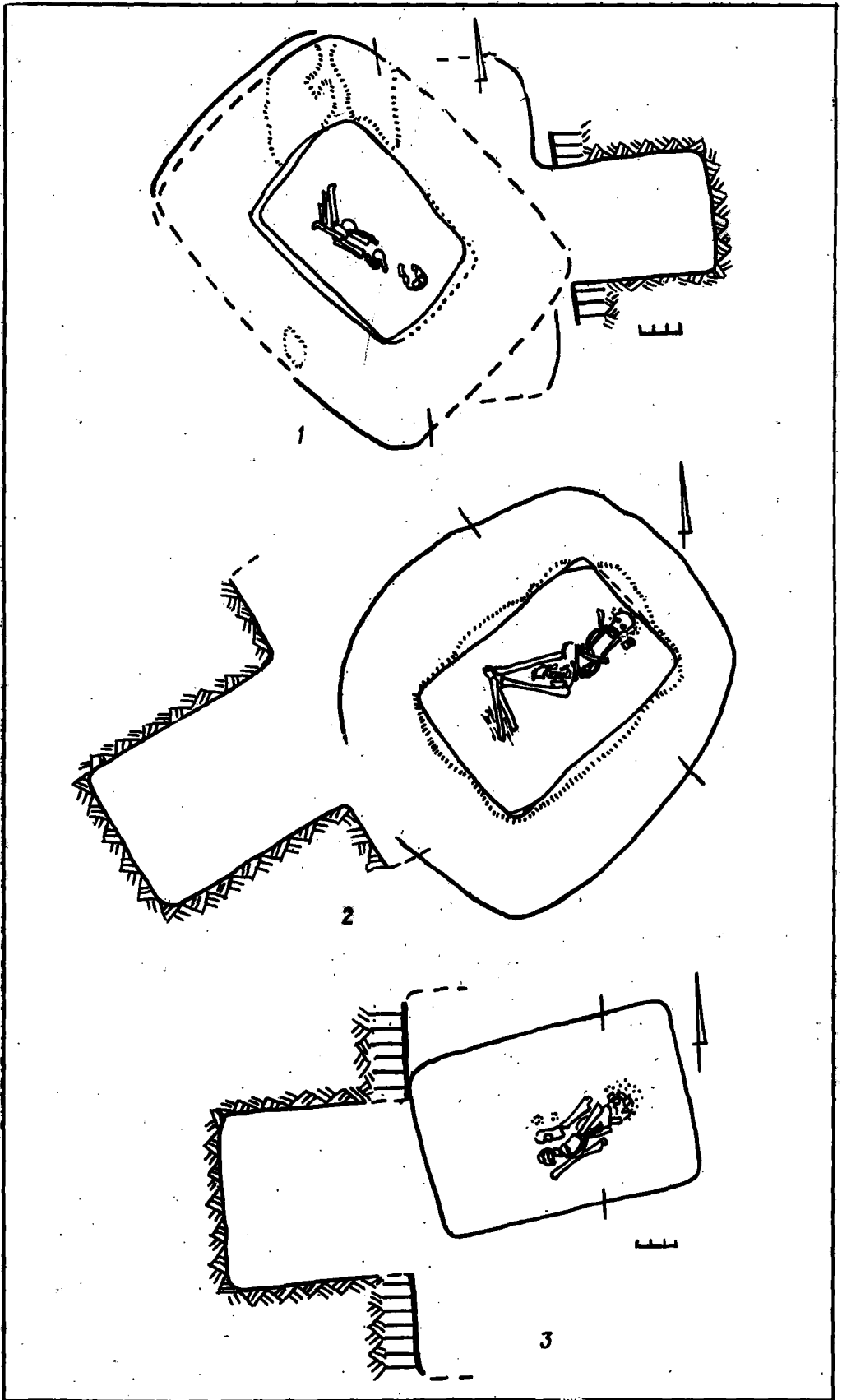
Волонтеровка. Курган 1. Высота 3,5 м, диаметр 38 м. В кургане открыты 11 погребений, 7 из них ямной культуры. Курган сооружался в три приема. Первичная насыпь высотой 2 м, диаметром 20 м сооружена над раннеямным погребением 10 и одновременными с ним (а возможно, и предшествующими ему) погребениями 3, 4, 5 в каменных кромлехах*. В нее впущено более позднее ямное погребение 11. На поверхности этой насыпи, рядом с ямой, зафиксирован слой жирной сажи от пережженных костей, дно могилы усыпано такой же сажой. Вторая насыпь высотой 0,5 м, диаметром 23 м перекрыта погребением 11. В нее с небольшим хронологическим разрывом впущены ямные погребения 6 и 9 (выкиды из них на поверхности 11-й насыпи). Над ними сооружена последняя третья насыпь.

Погребение 6 (ямное) впущено в 9,5 м к западу от центра на глубину 4,48 м. Яма с уступами глубиной 1,2 м — на уровне погребенной почвы. На уступах прослойка белого растительного тлена, возможно, остатки камышового перекрытия. В погребальной камере подпрямоугольной формы размером 1,55 x 1,05 м — скелет взрослого не в анатомическом порядке, однако ощущается попытка придать скелету традиционную позу скорченности с ориентацией на юго-восток. Дно могилы усыпано слоем растертых пережженных костей, перед черепом — посыпка охрой (рис. 7, 1).

Погребение 9 (ямное) впущено в центр кургана на глубину 5,35 м от репера. Яма с уступами — на уровне материка. На уступах слой коричневого тлена. В погребальной камере прямоугольной формы размером 1,75 x 1,14 м скелет взрослого, расчленен, но костям придана традиционная поза скорченности на спине, руки — вдоль корпуса, ориентация на северо-восток. При этом бедренные кости положены дистальными концами к бедрам, а проксимальными соединялись с берцовыми. У черепа и у ног — скопление охры (рис. 7, 2).

Погребение 11 (ямное) впущено в 5 м к юго-западу от центра на уровень 4,9 м от репера. Яма с уступами — на уровне погребенной почвы. В могиле прямоугольной формы размером 2 x 1,36 м — скелет взрослого в расчлененном положении, кости сложены компактной горкой, череп ориенти-

* Материалы опубликованы.

рован на северо-восток. Дно покрыто слоем пережженной толченой кости, сверху — бурый глен. Под черепом скопление охры (рис. 7, 3).

г. Донецк. К у р г а н 1. Высота 4 м, диаметр 40 м. Курган состоял из двух курганов, слившихся в один. В северном кургане первая насыпь возведена над ямным погребением 13. Древнейшим в южном кургане было погребение 8, в первичную насыпь впущено ямное погребение 14.

Погребение 8 (ямное) — основное, в центре, на уровне 1 м от древнего горизонта. Могила частично разрушена. В яме подпрямоугольной формы размером 1,9 x 1,2 м — скелет взрослого, слабо скорчен на спине, головой на северо-восток, руки вытянуты. На черепе и у ног обильная посыпка охрой (рис. 8, 2).

Погребение 13 (ямное) — основное в северном кургане, в центре, на глубине 1,3 м от древнего горизонта, сильно разрушено катакомбным погребением. Яма подпрямоугольной формы с уступами на уровне материка. В могиле зафиксированы остатки двух скелетов: взрослого и детского, оба ориентированы на восток. Под костями — белый глен и порошок охры (рис. 8, 3).

Погребение 14 (ямное) впущено в первую насыпь на глубину 2,1 м. Яма с уступами на уровне материка перекрыта деревом со следами обугливания. В погребальной камере размером 1,5 x 1,2 м — скелет взрослого в скорченном положении на спине, головой на северо-восток, ноги коленями вверх, руки — вдоль корпуса. Под погребенным — подстилка из коры чегких очертаний. Слева от скелета — отдельные косточки ребенка. В ногах — посыпка охрой, там же — сосуд с короткой шейкой, слегка раздутыми боками, переходящими в округлое дно, высотой 8,4 см, высота шейки 0,5 см, диаметр венчика 7,7 см, боков — 8,6 см (рис. 8, 5).

Рассматривая культурно-хронологическую характеристику новых материалов, отметим слабую насыщенность курганов ямными погребениями, в среднем от одного до трех. Эта особенность характерна для Восточного Приазовья и свидетельствует об относительно небольшой плотности населения этого региона в III тыс. до н.э. Анализ новых материалов, стратиграфические данные, детали погребального обряда, типологии различных категорий инвентаря позволяют разделить погребения на две хронологические группы, относящиеся к разным этапам развития древнеямной культурно-исторической общности. Эти группы соответствуют двум первым хронологическим группам, выделенным Н.Я.Мерпертом для ямных погребений Приазовья⁵. Первую составляют раннеямные погребения. К их числу нами отнесены десять захоронений: с. Заможное 3/6, Чермалык к. 3⁶, с. Кременевка 6/6, 6/7, 6/8, 6/9, Волонтеровка, к. 1, п. 3—5, 10. Все рассмотренные выше погребения из Восточного Приазовья относятся ко второй хронологической группе.

В отличие от ранних погребения в кургане второй поздней группы бывают основными и впускными. С последними связано появление новой конструкции — ямы с уступами, которые устраивались, как правило, на уровне древнего горизонта, реже — в материке. Уступы служили для укладки перекрытия над погребальной камерой. Для перекрытия могил использовали дерево, камень, камышовые циновки. Деревянные перекрытия представляли собой накат на расщепленных бревнах шириной 20—40 см, укладывались они вдоль или поперек могилы. Каменные перекрытия состоят из одной — трех плит. Преобладают ямы прямоугольной формы с закругленными углами, средних размеров, глубиной от 0,2 до 2 м (для сравнения берутся основные и впускные погребальные камеры).

Положение погребенных устойчивое, подавляющее большинство в скорченной позе на спине, руки протянуты вдоль корпуса. Наиболее устойчивым признаком целостности ритуала в рассматриваемой группе является ориентация погребенных относительно сторон света. Подавляющее боль-

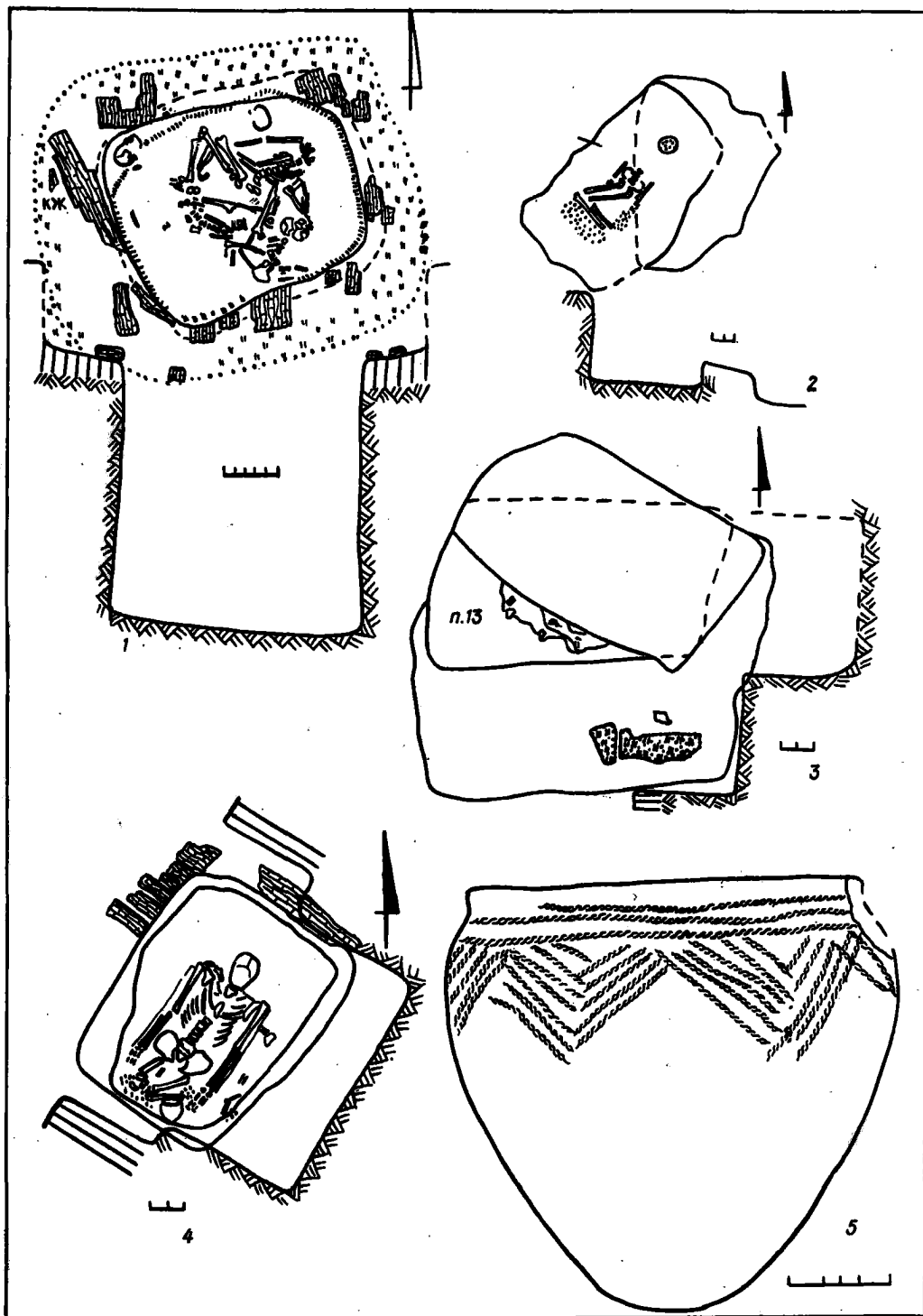

Рис. 8.
 1 — п. 4, к. 6, с. Кременевка; 2 — п. 8, к. 1; 3 —
 п. 13, к. 1; 4 — п. 14, к. 1; 5 — сосуд из п. 14, к. 1

шинство ориентировано в восточном секторе. В коллективном захоронении (Кременевка 6/4) допущено отклонение от этой нормы, продиктованное, видимо, практическими соображениями: необходимо разместить компактно в ограниченном пространстве могилы несколько тел. В таких случаях один из погребенных ориентируется в противоположном от основ-

ного направлении. На строгость соблюдения определенных канонов при совершении погребального обряда указывает то, что даже расчлененным скелетам придается определенная поза (г. Жданов, 1/6, 9, 11). И все же при всей чистоте обряда появляются единичные случаи с северной ориентацией и скорченным на правом или левом боку положением. В целом в погребальном ритуале второй хронологической группы появляется много новых нехарактерных для раннеямных погребений черт: парные и коллективные захоронения, случаи расчленения скелетов. Широкое распространение получает культ огня. Так, в шести из описанных выше погребений прослежены следы огня в виде горелого хвороста, обугленных плах из перекрытия или посыпка дна могилы пеплом от пережженных костей. Новым можно считать появление обычной класть в могилу мясную пищу — части овцы и других крупных животных. Это убедительно свидетельствует о возросшей роли скотоводства в экономике ямного общества на позднем этапе.

Все скелеты в разной степени окрашены охрой. Во всех могилах прослежена посыпка порошком по растительной подстилке и лишь в четырех случаях положены трех—пятигранные комочки охры.

Погребальный инвентарь происходит из 14 погребений и представлен различными категориями. Наибольшим количеством и своеобразием отличается керамика. Сосуды найдены в 5 погребениях, причем три из них сопровождали детские захоронения. Керамика второй поздней группы существенно отличается по форме, орнаментации и фактуре от раннеямной. От стройных высоких форм с богатой орнаментацией наблюдается переход к более раздутым, приземистым формам с короткой шейкой, в основании которой появляется уступ (рис. 7). Дно уплощается, появляется керамика без узора, со следами глубоких расчесов по всей поверхности. Получают широкое распространение новые формы — сосуды с ручками. В рассматриваемой коллекции два таких сосуда: один с двумя петельчатыми ручками на уровне перехода шейки в бока, дно уплощенное (рис. 4, 4). Украшен в верхней части, в том числе и ручки, одинарным веревочным орнаментом. Другой сосуд со сферическим корпусом, низкой шейкой, переходящей с одной стороны в петельчатую ручку-дужку (рис. 6, 4). Он также орнаментирован отрисками одинарной веревочки в виде горизонтальных линий и двойного зигзага.

По своей фактуре все сосуды толстостенные, хорошо обожженные, в изломе черные, в тесте — примесь песка. В раннеямной же керамике широко использовалась примесь толченой ракушки. Таким образом, наблюдаются существенные изменения не только в оформлении сосудов, но и в самой технологии гончарного производства.

Типологически описанные сосуды обнаруживают наибольшую близость с керамикой Западного Приазовья, в частности, молочанской группы⁷. В целом же появление в Приазовье сосудов с ручками, ушками следует, видимо, рассматривать как результат контактов и влияния ямных племен Нижнего Поднепровья, где такая керамика широко известна в погребениях и на поселениях. В верхнем культурном слое Михайловского поселения, к примеру, среди сосудов типа А большинство составляют сосуды с ручками⁸. Для других же соседних территорий — Донетчины, Нижнего Дона — такая керамика не характерна.

Изделия из кости в рассматриваемой группе представлены двумя молоточковидными булавками. Одна с отломанными молоточками, другая целая, с большими дисковидными выступами на головке, отделенными от стержня глубоким перехватом (рис. 6, 6). В центре головки отверстие, над ним — горбовидное окончание. Характерно, что обе булавки происходят из впускных погребений. Одна из них находилась в комплексе с сосудом. Наиболее близкая им аналогия — булавка из хут. Шевченко (р. Молочная)⁹. В общих чертах описанные булавки могут быть отнесены к III типу классификации Б.А.Латынина, построенной на материалах Северного Причерноморья¹⁰. Молоточковидные булавки — одна из наиболее выразитель-

ных и распространенных категорий инвентаря, характерных для позднего этапа древнеямной культурно-исторической общности. В последние годы появилась тенденция дать более четкую культурную атрибуцию этих изделий¹¹, а также рассматривать их как датирующий показатель. Самые ранние так называемые кулачковые зафиксированы в погребениях второго хронологического горизонта Самаро-Орельского междуречья, сопоставимого с началом II группы Волжско-Уральского варианта, и определяются третьей четвертью III тыс. до н.э.¹² Верхняя граница распространения молоточковидных булавок относится к рубежу III—II тыс. до н.э.

Металлические изделия в группе представлены украшениями — тремя свинцовыми подвесками в полтора и три оборота (рис. 3, 5—7).

Орудия труда в погребениях ямного времени мало известны. В рассматриваемой группе они представлены двумя песчаными терочниками: один дисковидный (рис. 5, 7), второй удлинённой формы (рис. 5, 5), а также кремневыми отщепами (3 экз.).

Подводя итоги, отметим, что рассмотренные выше материалы дополняют существующее представление о ямных памятниках Приазовья и служат обоснованием правомерности выделения приазовского локального варианта. Анализ полученных материалов позволяет отнести их ко второму общедревнеямному этапу развития ямной культурно-исторической общности и включить в приазовско-крымский вариант, выделенный О.Г. Шапошниковой на основе местных особенностей, хотя с оговоркой на его родство с нижнеднепровским вариантом¹³. На близость этих двух соседних локальных групп указывает сходство погребального инвентаря, прежде всего керамики. К числу факторов, которые их отличают, относится погребальный обряд. В приазовском варианте даже на позднем этапе сохраняются его чистота и целостность, которые проявляются в строгом соблюдении позы и ориентации погребенных. Эта закономерность характерна и для памятников молочанской группы. Так, обобщая данные о них, А.И. Тереножкин указывал на самый устойчивый из признаков — восточную ориентацию погребенных¹⁴. Хотелось бы выделить эту особенность еще и потому, что в научной литературе возникла версия о том, что часть ямных племен мигрировала из Приазовья на северо-запад в Самаро-Орельское междуречье, в результате чего в ямных погребениях этого региона на третьем этапе появляется западная ориентация¹⁵. Версия, на наш взгляд, не находит подтверждения в материалах. К тому же автор, сопоставляя выделенные ею на памятниках Самары — Орели стратиграфические горизонты с хронологическими группами Приазовья (по Н.Я. Мерперту), приводит мнение этого ученого о том, что памятники второй группы с характерной восточной и северо-восточной ориентировкой не могут быть полностью идентифицированы с четвертым горизонтом Орельско-Самарских погребений с неустойчивой ориентировкой¹⁶. И.Ф. Ковалева считает целесообразным, за неимением надежных временных определителей, объединить третий и четвертый горизонты в один, "хронологическое положение которого определяется на раннем этапе предшествованием катакомбной культуре, а на заключительном — смыканием с ней..."¹⁷ В таком случае этот этап соотносится с третьей хронологической группой Приазовья, которую Н.Я. Мерперт рассматривает как "свидетельство безусловного сосуществования с катакомбными племенами"¹⁸. Из этого следует, что западная ориентация и положение погребенных на боку появляются в ямных памятниках Приазовья и Самаро-Орельского междуречья одновременно и, видимо, из одного очага. Ближайшим таким источником было Нижнее Поднепровье.

1 Братченко С.Н., Писларий И.А., Зарайская Н.П., Горелик А.Ф., Шилов Ю.А., Гершкович Я.П., Швецов М.Л., Константиnescу Л.Ф. Отчет второй Северско-Донецкой экспедиции об археологических исследованиях в Донецкой и Ворошиловградской областях в 1976 г. // НА ИА АН УССР, ф. экс. 1976/106.

2 Братченко С.Н., Кротова А.А., Швецов М.Л., Гершкович Я.П., Константиnescу Л.Ф. Отчет об исследовании Донецкой экспедиции в 1977 г. // НА ИА АН УССР, ф. з. 1877/12.

- ³ Даниленко В.Н., Швецов М.Л., Гершкович Я.П. Отчет об исследовании Донецкой экспедиции в г. Донецке в 1975 г. // НА ИА АН УССР.
- ⁴ Константиновичу Л.Ф. Ранньоямні поховання Північно-Східного Приазов'я // Археологія. — 1984. — № 45. — С. 61–67.
- ⁵ Мерперт Н.Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III — нач. II тыс. до н.э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — М., 1968. — С. 29–30.
- ⁶ Брагченко С.Н. Матеріали до вивчення ямної культури Північного Приазов'я // Археологія. — 1973. — № 11. — С. 21–27.
- ⁷ Тереножкін О.І. Кургани на р. Молочній // АП АН УРСР. — 1952. — Т. 8.
- ⁸ Лагоддовська О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л. Михайлівське поселення. — К., 1962. — С. 103–105.
- ⁹ Латынин Б.А. Молоточковидные булавки, их культурная атрибутика и датировка // Археологический сборник. — 1967. — Вып. 9. — С. 27. — Рис. 20, а.
- ¹⁰ Там же. — С. 34.
- ¹¹ Сафронов В.А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. — М., 1974. — С. 232–233; Нечитайло А.Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. — Киев, 1978. — С. 63.
- ¹² Марина З.П., Никитин С.В. Об одной из категорий ямного инвентаря // Курганы Степного Поднепровья. — Днепропетровск, 1980. — С. 58.
- ¹³ Шапошникова О.Г. Ямна культура // Археологія УРСР. — 1971. — Т. 1. — С. 275.
- ¹⁴ Тереножкін О.І. Вказ. праця. — С. 6–9.
- ¹⁵ Марина З.П. Энеолит — ранний бронзовый век степного Левобережья Днепра; Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Днепропетровск, 1982. — С. 178.
- ¹⁶ Марина З.П. Культурно-хронологическое положение погребений Орельско-Самарского междуречья в системе древнеямных памятников // Курганные древности Степного Поднепровья (III–II тыс. до н.э.) — 1979. — Вып. 3. — С. 84.
- ¹⁷ Ковалева И.Ф. Север Степного Поднепровья в энеолите — бронзовом веке. — Днепропетровск, 1984. — С. 104.
- ¹⁸ Мерперт Н.Я. Указ. соч. — С. 28.

А.И.КУБЫШЕВ, А.Л.НЕЧИТАЙЛО

КРЕМНЕВЫЙ СКИПЕТР ВАСИЛЬЕВСКОГО КУРГАНА

Археологический материал, на базе которого реконструируются наши представления о социальных проявлениях духовной жизни древнего человека, ограничен. Целью настоящей статьи является введение в научный оборот уникального предмета, условно названного скипетром. Он обнаружен в 1984 г. в погребении ямной культурно-исторической общности во время раскопок кургана № 1, на восточной окраине с. Васильевка Новотроицкого р-на Херсонской обл.¹ Он входил в группу из четырех насыпей. Причем три из них (№ 1, 2, 3) располагались компактно друг за другом в направлении Сиваша (в 2 км севернее его). Четвертая насыпь находилась южнее этой группы, в 1 км от Сиваша. Высота ее 1,3 м, диаметр 50 м. Первоначально она была возведена над могилой в виде большой прямоугольной ямы, в которой найден только каменный оселок. Высота первоначальной насыпи 0,8 м, диаметр 12 м. В нее было впущено погребение ямной культуры № 5 в прямоугольной яме со скелетом, скорченным на спине, головой на юго — юго-восток, сплошь посыпанным бордовой охрой. Курган был досыпан после этого погребения и диаметр его увеличился до 18–20 м, толщина досыпки не устанавливается. Затем было впущено позднеямное погребение, катакомбные и срубные. Курган № 3 высотой 0,2 м, диаметром 16 м не содержал ямных погребений. Курган № 2 высотой 1,2 м, диаметром 20 м насыпан в три приема. Основным было погребение в прямоугольной яме со скорченным на спине скелетом, руки — вдоль туловища, головой на восток. У правого плеча — бронзовый листовидный нож. Под ним и вокруг него — охра. На дне камышовая подстилка. В эту насыпь были впущены погребение многоваликовой культуры и более поздние, с которыми и связаны последующие досыпки.

Курган № 1 со скипетром оказался самым крупным в группе. Высота его 3,5 м, диаметр 45 м. Такой высоты курган достиг в результате неодно-

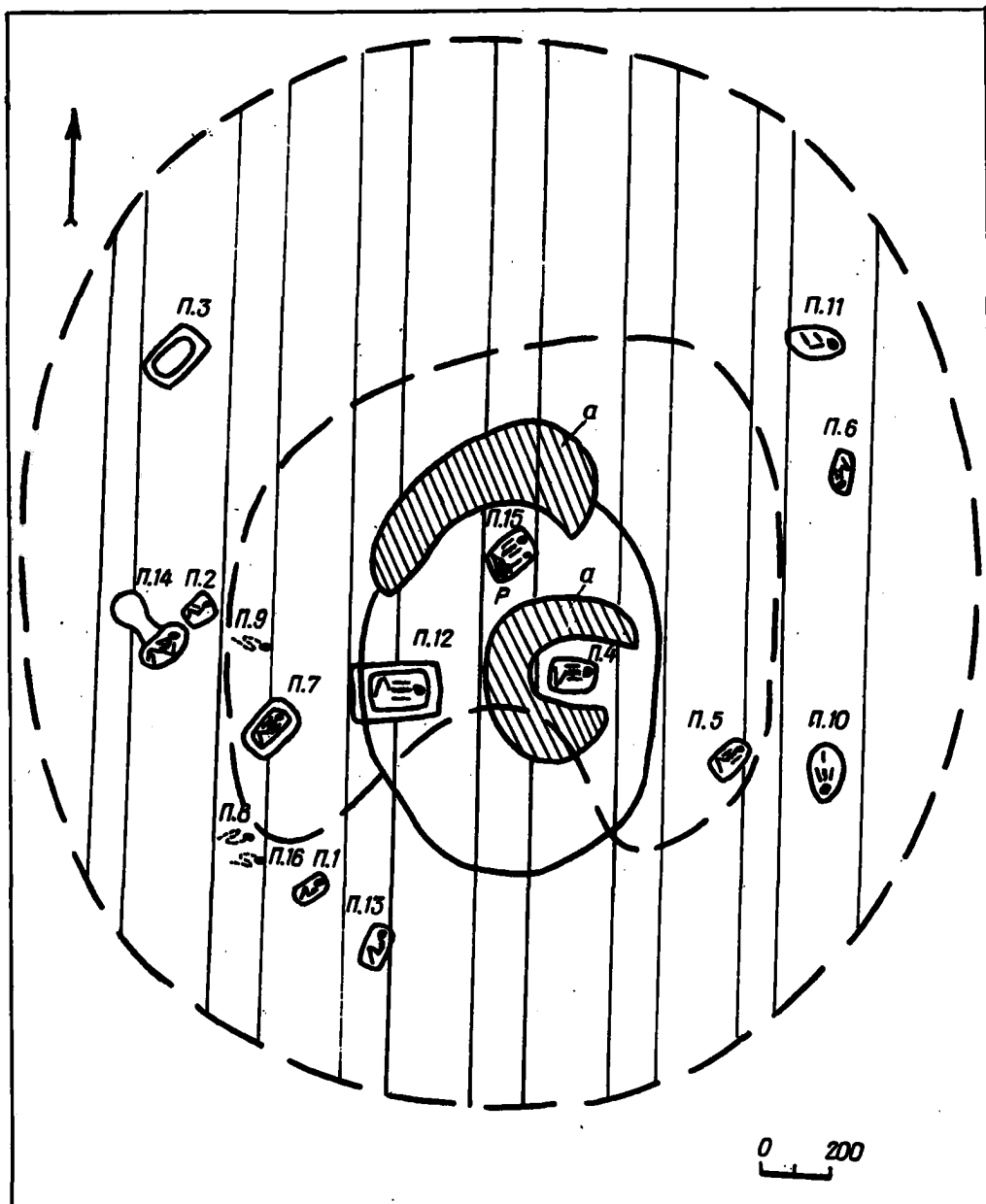

Рис. 1. Васильевка. План к. 1 (а - выкиды из погребений)

кратных досыпок, связанных с погребениями ямной культурно-исторической общности, которых здесь обнаружено девять (№ 1—5, 7, 12, 13, 15). Кроме того, в курган были впущены четыре (№ 6, 10, 11, 14) катакомбных и три (№ 8, 9, 16) срубных погребения, всего 16 погребений (рис. 1).

Первоначальная насыпь была возведена над основным погребением № 4 (здесь и далее нумерация погребений дается по тексту отчета Херсонской археологической экспедиции о раскопках в 1984 г.). Оно сооружено в грунтовой прямоугольной с закругленными углами яме, ориентированной с востока на запад. Ко дну яма слегка расширена. Длина ее 1,8 м, ширина 1,35 м, глубина от уровня погребенной почвы 1,25 м. Перекрытие деревянное. Скелет лежал на спине, головой на восток, с подогнутыми в коленях ногами, упавшими влево, руки, слегка согнутые в локтях, вытянуты вдоль туловища. Весь скелет густо окрашен охрой, наиболее интенсивно — череп

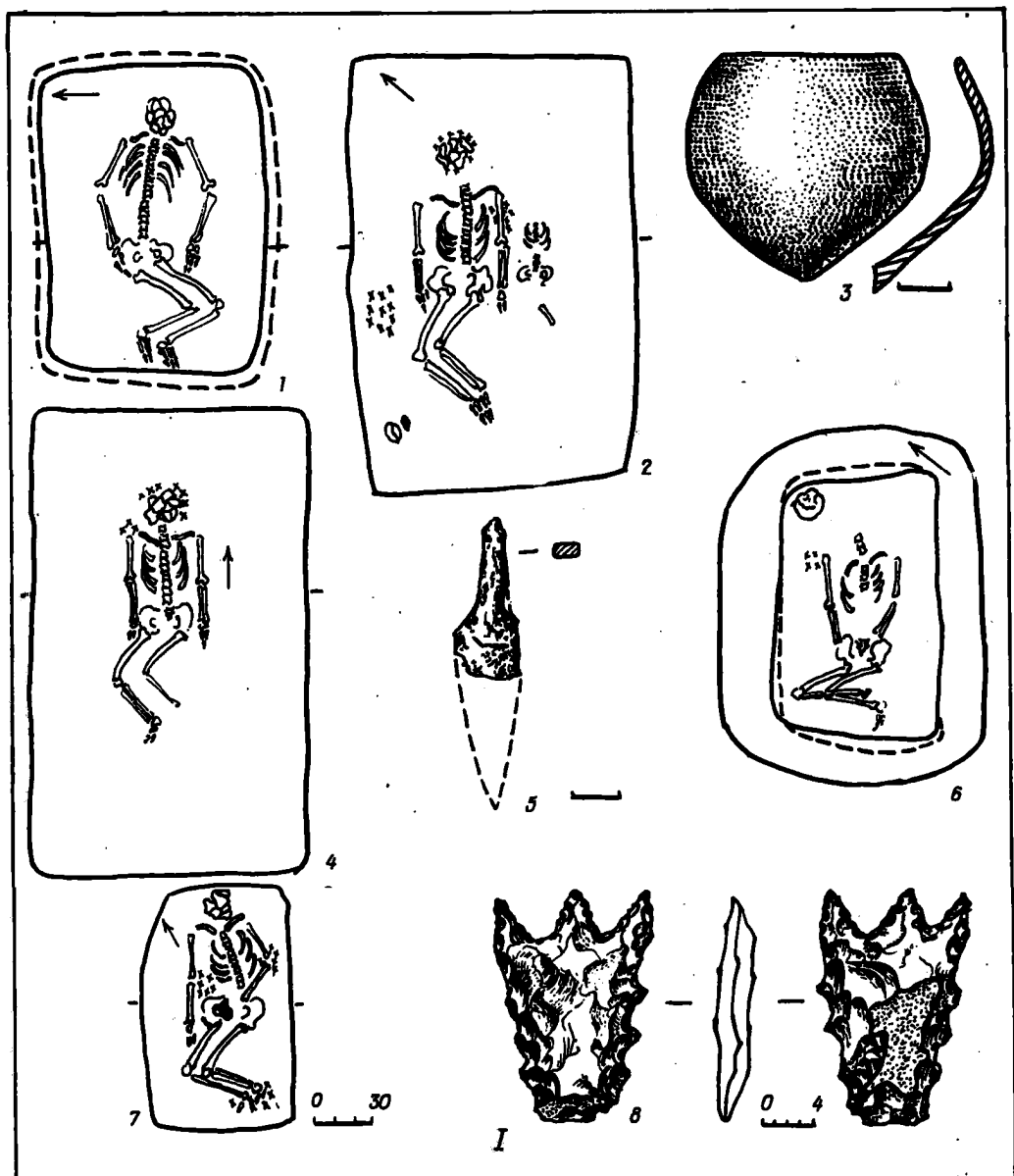

Рис. 2. Васильевка, к. 1 (I-II):
 1 - п. 4; 2-3 - п. 15; 4-5 - п. 12; 6 - п. 7;
 7-8 - п. 5

и стопы ног. Дно могилы покрыто органической подстилкой, от которой сохранились пятна бурого глена (рис. 2, 1). Лессовый выкид располагался подковообразно вокруг ямы и хорошо прослеживался в восточном профиле центральной бровки. Высота первоначальной, слегка вытянутой к югу насыпи 1 м, диаметр 13—16 м.

В северную полу кургана было впущено погребение 15 (парное) в яме прямоугольной формы, перекрытой деревом. Длина могилы 2,4 м, ширина 1,2 м, глубина от уровня погребенной почвы 1,3 м, ориентировка северо-восток — юго-запад. Взрослый и детский плохой сохранности скелеты лежали на спине головой на северо-восток с подогнутыми ногами. Ноги взрослого человека упали вправо, руки вытянуты вдоль туловища. Весь скелет посыпан охрой, причем череп и левое предплечье сильно окрашены. Пятно охры — и у кисти правой руки (рис. 2, 2). В западном углу ямы найдены

кости животных и остродонный небольшой сосуд яйцевидной формы, края которого загнуты внутрь. Поверхность кирпично-серого цвета, местами розовая, хорошо заглажена. В изломе тесто серое, плотное с белыми вкраплениями и примесями шамота. Высота 5,5 см, диаметр горла 5 см, корпуса 6,5 см (рис. 2, 3). В заполнении ямы найдены сероглиняный толстостенный фрагмент сосуда с заглаженной поверхностью. Дно могилы покрыто подстилкой, от которой сохранились пятна темно-коричневого тлена. Лессовый выкид из могилы находился севернее ее и дугообразно располагался по подошве и у края первоначальной насыпи. Это четко фиксировалось в профиле центральной и первой западной бровок. Толщина выкида 0,4 м. После совершения погребения № 15 была произведена досыпка ранее сооруженного кургана толщиной 1,5—2 м. Причем она не захватывала южный сектор кургана, в результате чего центр сместился к северу. Высота насыпи 2,5 м, диаметр — 22—25 м, состояла она из аморфных суглинистых вальков коричневого цвета. В западный сектор этого кургана было впущено погребение 12, которое по своему обряду аналогично погребению 15. Отличие состояло лишь в том, что первое оказалось в яме с уступом, который фиксировался в восточном профиле первой западной бровки. Отмечено, что выше уступа ширина ямы была 3,4 м. Размер нижней части ямы 2,7 x 1,25 м при глубине 1,7 м от уступа или уровня погребенной почвы. На уступе находились остатки деревянного перекрытия. В прямоугольной с закругленными углами яме, ориентированной с востока на запад, лежал скелет человека на спине, головой на восток, с подогнутыми вверх ногами, упавшими вправо. Руки вытянуты вдоль туловища. Скелет слабо окрашен охрой, только на черепе и стопах сохранился плотный слой. Следы краски оказались у правого плеча и вокруг черепа, лежавшего на камышовой (?) "подушке". Дно было покрыто подстилкой и посыпано мелом (рис. 2, 4). У локтя левой руки погребенного лежал небольшой бронзовый лавролистный окислившийся обломок ножа. Длина сохранившейся части лезвия 6 см, ширина 2 см, длина черенка 3,5 см, ширина 0,7 см (рис. 2, 5). После совершения этого погребения сделана вторая досыпка кургана, которая по полевым наблюдениям была кольцевой обкладкой склонов из рыхлых суглинистых вальков с включением лесса. Высота кургана почти не увеличилась. Затем в западную полу насыпи было впущено погребение № 7 в яме с заплечиками, ориентированной с северо-востока — востока на юго-запад — запад. Верхняя часть ее с сильно округленными углами имела размер 2,1 x 1,5 м. На глубине 3,8 м от нуля она сужалась до 1,6 x 0,95 м и была углублена еще на 0,25 м. Дно находилось на глубине 0,8 м от уровня погребенной почвы. Скелет лежал скорченно на спине, головой на северо-восток. Ноги, сильно согнутые в коленях, упали вправо. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая слегка согнута в локте, кисть — на тазе. Скелет слабо окрашен. У правого плеча — пятно бордовой охры. Череп откатился в северный угол ямы. Дно покрыто подстилкой (рис. 2, 6). После этого погребения была совершена третья досыпка кургана, увеличившая его диаметр до 26—28 м. Высота не прослеживается из-за позднейших перекопов центральной части насыпи. Досыпка состояла из плотного суглинистого грунта с грязевой обмазкой по поверхности. В эту насыпь в юго-восточный сектор впущено погребение № 5 со скипетром. Прямоугольная яма (1,45 x 0,85 м) глубиной 3,4 м от нуля ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Дно — на глубине 0,5 м от уровня погребенной почвы. Скелет лежал скорченно на спине, головой на северо-восток. Ноги, согнутые в коленях, упали вправо. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте, ее кисть находилась между тазовыми костями. В области таза, под кистью левой руки, лежал трехзубый скипетр (рис. 2, 7, 8). Детальное описание его приводится ниже. Весь скелет окрашен охрой светлого тона, а возле локтевых суставов и таза — пятна бордовой охры. Особенно интенсивно окрашены череп и фаланги ног. По дну ямы в области таза и поясницы прослежен тонкий слой подстилки желто-бурого цвета. В за-

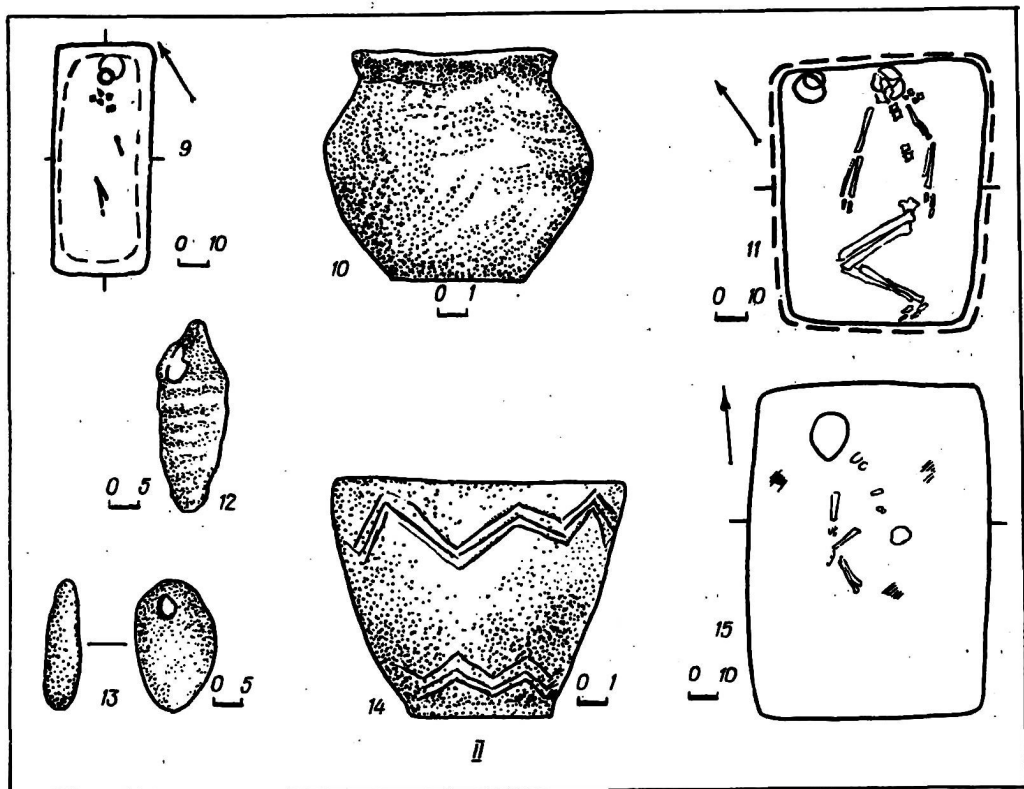

Рис. 3
9-10 - п. 1; 11-14 - п. 2; 15 - п. 13

полнении могилы и на скелете встречались кусочки древесины (некоторые обугленные), очевидно, от деревянного перекрытия.

С этим погребением связана четвертая наиболее мощная досыпка, имевшая локальный характер. Она охватывала незамкнутым кольцом склоны ранее существовавшего кургана на высоту до 1,5 м. В результате чего образовывался уступ и вершина как бы сглаживалась. Сооружение состояло из рыхлых светло-серых черноземных вальков. Последующие досыпки кургана, в основном небольшие, трудно связать с каким-либо определенным погребением. Все они впущены в полы кургана. Следующая серия ямных погребений впущена в юго-западную часть кургана. Это детские погребения № 1, 2, 13 и кенотаф № 3.

Погребение № 1 располагалось в южном секторе кургана в прямоугольно вытянутой яме, ориентированной с северо-востока на юго-запад. Длина 0,8 м, ширина 0,35 м. Дно находилось на глубине 3,6 м от нуля или 0,1 м от уровня погребенной почвы. Потревоженный грызунами скелет ребенка лежал скорченно на правом боку, головой на северо-восток. Кусочки бордовой охры найдены справа от черепа. Дно было покрыто подстилкой, от которой сохранился буро-коричневый тлен. В заполнении ямы встречены мелкие фрагменты пережеванных косточек. У северо-восточной стенки могилы стоял плоскодонный сосуд с расчесами по грубо слепленному и неравномерно обожженному корпусу. Высота его 8,5 см, диаметр корпуса 9,5 см, горла 7,5 см, дна 5 см (рис. 2, 9, 10).

Погребение № 2 — в прямоугольной, несколько расширенной к изголовью яме, ориентированной по линии северо-восток — юго-запад, размером 0,9 x 0,7 м. Дно — на глубине 3,95 м от нуля и 0,45 м от уровня погребенной почвы, покрыто подстилкой, от которой сохранился тлен бурого цвета. Скелет подростка лежал скорченно на правом боку, головой на северо-восток. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая в таком же по-

ложении, только слегка согнута в локте. У шейных позвонков найдены два амулета из галек овальной формы с отверстием и раковина морского моллюска. В северном углу могилы стоял лепной сосуд в виде открытой банки. У края и дна он украшен ломаными врезными линиями по три в ряд. Высота 8,5 см, диаметр горла 12 см, дна 4,5 см (рис. 2, 11—14). В том же углу лежали два астрагала.

Погребение № 13 обнаружено в южном поле кургана. Прямоугольная в плане яма (1,1 x 0,8 м) глубиной 0,4 м от уровня погребенной почвы ориентирована по линии северо-северо-восток — юго-юго-запад. Детский скелет плохой сохранности лежал скорченно на правом боку, головой на северо-северо-восток. Череп слабо окрашен охрой. На дне подстилка и пятна бордовой краски (рис. 2, 15).

Погребение № 3 (кенотаф) в яме с заплечиками, ориентированной по линии северо-восток — юго-запад, находилось в северо-западном секторе кургана.

Итак, погребения ямной культурно-исторической общности в данном кургане, описанные в их стратиграфической последовательности с учетом обряда и наращивания насыпей, разделены нами на четыре обрядовых группы, занимающих четыре стратиграфических горизонта.

В первую группу входит ямное погребение № 4 (основное), самое раннее в кургане, со скорченным на спине густо окрашенным скелетом с восточной ориентацией, руки — вдоль туловища. Могила прямоугольная, с закругленными углами, перекрыта деревом, на дне — остатки растительной подстилки.

Вторая группа состоит из погребений № 15 и 12, впущенных последовательно в зону первоначальной насыпи. Они незначительно отличаются друг от друга: в первом северо-восточная ориентация, во втором — восточная. Погребение № 15 с остродонным сосудом — ближе к основному погребению № 4 и непосредственно следовало за ним. Погребение № 12 с бронзовым ножом лавролистной формы в яме с заплечиками разрезало насыпь над погребением № 15 высотой 2,5 м. Уступ может рассматриваться как конструктивная деталь, иначе трудно было бы добраться до материка и вырубить в нем могилу. Своей строго восточной ориентацией оно совпадает с основным. Кроме того, погребения второго хронологического горизонта объединяются с первым наличием тех же прямоугольных материковых ям с древесным перекрытием и подстилкой на дне, той же скорченностью на спине, с руками вдоль туловища. Отличаются менее интенсивной, хотя и сплошной окраской скелета и выделением более яркого окрашивания конечностей (головы, стоп).

Третья группа — погребения № 7 и 5 (со скипетром), впущенные в полы насыпи после второй досыпки кургана. Для них характерны те же прямоугольные ямы (одна с уступом), перекрытые деревом, с подстилкой на дне, такая же окрашенность скелетов, как во второй группе. То же положение — скорченно на спине, северо-восточная ориентация. Отличие в обряде составляет положение одной руки. Если правая лежит как в первой и второй группах, то есть вытянута вдоль туловища, то левая оказывается согнутой в локте и кистью на тазе.

Четвертую группу составляют погребения № 1, 2, 3, 13, впущенные по дуге в юго-западный сектор кургана, после четвертой мощной досыпки. Общим для них являются прямоугольные ямы с подстилкой на дне в основном в слое погребенной почвы. Скелеты, как правило, лежат на правом боку с северо-восточной ориентацией, то есть положение совершенно иное по сравнению с первой — третьей группами. Признаки нового обряда прослеживаются и в незначительном количестве охры в виде легкой окраски черепа или кусочков на дне или полного ее отсутствия. Подобная стратификационная ситуация в последнее время выявлена в курганах Левобережной Украины, в частности в Приазовье. На юге Запорожской области она зафиксирована, например, в курганах у сел Шелюги, Волчанск, Юрьевка Акимов-

ского района (раскопки Херсонской экспедиции), в Токмакском районе у сел Виноградное, Жовтневое (раскопки Запорожской экспедиции).

Согласно разработкам Н.Я.Мерперта и сопоставлениям с выделенными им хронологическими группами древнеямной области, в частности в приазовском варианте, к которому территориально относится исследуемый курган, отметим следующее. Во-первых, самое раннее стратиграфически основное погребение № 4 по всем параметрам вписывается в древнейшую группу погребений всех восточных вариантов общности, то есть может быть отнесено к первой половине III тыс. до н.э. Погребения второй группы (№ 15 и 12), особенно погребение № 15 с остродонным сосудом², архаические формы которого известны в энеолите и в раннеямной керамике³, непосредственно примыкают к первой группе и соотносятся с началом второго этапа древнеямной области. Этому не противоречит и обломок бронзового ножа. Погребения третьей группы (№ 7 и 5 со скипетром), отличающиеся от второй только положением руки, могут быть сопоставлены со второй подгруппой первой группы приазовского варианта и второй группой волжско-уральского, по Н.Я.Мерперту, и полностью отнесены ко второму этапу (то есть третьей четверти III тыс. до н.э., ближе к ее середине). И, наконец, погребения четвертой обрядовой группы (№ 1, 2, 3, 13) или четвертого стратиграфического горизонта могут быть соотнесены со второй группой приазовского варианта или третьей волжско-уральского, по Н.Я.Мерперту⁴, и датироваться в пределах конца III — начала II тыс. до н.э.

В результате анализа погребального обряда и стратиграфических данных стало возможным определить место погребения № 5 со скипетром. По имеющимся показателям оно может быть отнесено ко второму этапу ямной культуры, отражавшему уже "начавшуюся дифференциацию древнеямного общества". Что же касается самого скипетра, то он изготовлен из серого со светлыми вкраплениями желвака мелового кремня, вероятно, крымского происхождения. Предмет сильно стилизован и отдаленно напоминает голову быка, однако оформлен он в виде трезубца. В нем различаются передняя сторона и задняя с остатками корки от кремневого желвака. Поверхность его с обеих сторон обработана крупными плоскими фасами. Верхний край оформлен в виде трех выделенных зубцов, отделанных по краям двухсторонней струйчатой ретушью. Менее крупные зубцы (с одной стороны — два, с другой — три) прослеживаются на боковых краях изделия, образуя по две симметрично расположенные выемки у обушкового конца, более зауженного, чем трезубый край. Кромка обушка, уплощенная с одной стороны крупной струйчатой ретушью, сохраняет следы стертости от трения о рукоятку, в которую вставлялся предмет. Так же затерты и сглажены поверхности симметрично расположенных боковых выемок, с помощью которых производилось крепление изделия к вертикальной рукояти. В порах кромки выемок и прилегающих к ним участков сохранились кусочки заполированной краски красного цвета. Последние, видимо, попали сюда с раскрашенной рукояти и ремешкового крепления. Трезубый верхний край и прилегающие к нему боковые участки не содержат каких-либо следов использования. Высота предмета 15—16 см, ширина 5—9,5 см, толщина 1,5—2,5 см (рис. 2, 8). Данные трасологического анализа поверхности исследуемого изделия, произведенные доктором исторических наук Г.Ф.Коробковой, позволили отнести его к предметам тотемного назначения и рассматривать как атрибут власти. Настоящий предмет был положен в могилу вместе с погребенным и поддерживался левой рукой. Однако не использовался в качестве оружия или орудия, так как согласно трасологическому анализу признаков рабочего изнашивания на зубцах не обнаружено. Условия и характер находки скипетра ассоциируются с известными с неолита каменными булавами из Мариупольского могильника⁵ и разрушенного погребения этого же типа на р. Нижний Чир (приток Дона). В энеолите появляются "скипетры" зооморфного характера в виде голов коня⁶ или птицы⁷. В эпоху средней бронзы распространяются полирован-

ные сверленные булавы и топоры того же назначения. Все эти предметы рассматриваются авторами как символы власти.

Найденный скипетр не является исключением. По своему виду он сопоставим с зооморфными скульптурами из погребений того же времени. Так, у Златополя Васильевского р-на Запорожской обл. в 1973 г. недалеко от края грунтовой могилы основного погребения № 6 в кургане № 17 (скелет скорченно на спине, головой на восток, ноги упали влево, левая рука, видимо, вытянута, правая слегка согнута) найдена скульптура из серого кварцита. Как видим, описанный обряд здесь идентичен обряду погребения со скипетром. Златопольское изделие сильно стилизовано и отдаленно напоминает голову какого-то рогатого животного — быка или оленя. Верхняя его часть оформлена в виде четырех крупных выступов (причем два вертикальных и два боковых)⁸. Менее крупные прослеживаются на боковых гранях изделия, образуя выемки у зауженного обушкового конца. На лицевой стороне изделия в его верхней части, как бы между рожек, имеются два сосцевидных выступа, вероятно, имитирующие глаза, а может быть и грудь (?). Согласно данным В.Ф.Коробковой, изделие выполнено универсальной, точечной, абразивной техникой и сохраняет следы залощенности на нижнем (обушковом) конце от трения о руку. Никаких следов крепления к рукояти не прослеживается. Выемки на зауженной части сделаны для удобства держания предмета в руке, поэтому не могут связываться с какой-либо дополнительной символикой. Высота скульптуры 16,5 см, ширина 7,5–15 см, толщина 2–4 см (рис. 3, 2)⁹.

Еще одно изделие обнаружено в 1954 г. в Симферополе, в основном погребении кургана № 9¹⁰, располагавшегося на правом берегу р. Салгир. В грунтовой яме лежал скорченно на левом боку скелет погребенного головой на восток. У черепа пятно охры и скипетр из песчаника в виде стилизованной головы быка. Верхний край его оформлен в виде двух специальных выступов. По бокам с одной стороны — два, с другой — три выступа, благодаря которым образуются две симметричные выемки. По центру изделия с лицевой стороны проходит неглубокая выемка¹¹. Так как трасологический анализ этой вещи не производился, то остается предположить, что выемки предназначены для крепления, возможно, к рукояти, как в скипетре из Васильевского кургана, или же для удобства держания в руке (длина изделия приблизительно 14–15 см, ширина 3–11 см) (рис. 4, 1).

Аналогичный предмет найден в 1981 г. в основном погребении № 1 (кенотаф) в кургане № 12 у с. Жовтнево Токмакского р-на Запорожской обл.¹²

Малочисленность находок изделий подобного типа, вероятно, объясняется тем, что они сопровождают в загробный мир "представителей верхушки общества"¹³. Здесь мы сталкиваемся с определенной формой общест-

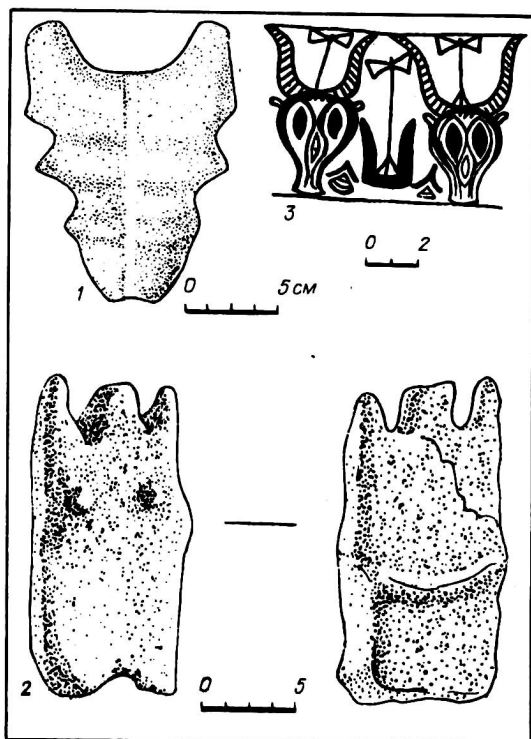

Рис. 4. Находки, аналогичные скипетру: 1 — Симферополь; 2 — о. Кипр; 3 — с. Красно, Словакия

венной дифференциации, выраженной в погребальном обряде. Это выражается не только в наличии подобных предметов, но и в создании насыпей самих курганов. Так, для погребения № 5 со "скипетром" у с. Васильевка состоялась досыпка склонов кургана в 2,5 м на толщину до 1,5 м, в связи с чем вершина как бы сглаживалась. Для этого требовались немалые затраты общественного труда. Остальные изделия связаны с основными погребениями в курганах, что также не противоречит сказанному.

Все изделия объединяются тем, что выражают религиозно-магические воззрения скотоводческих племен, хотя и представляют разные типы скульптурных изображений, выполненных из камня разных пород (кремень, кварцит, песчаник, известняк). Некоторые общие элементы, характерные для всех, наблюдаются в сюжете и композиции, то есть в форме самих изделий. Идеей (содержанием) в этой малой скульптуре племенной культурно-исторической общности служит изображение какого-то рогатого божества.

Если верхний край васильевского скипетра оформлен в виде трех зубцов, то златопольского и симферопольского — в виде двух выступов. Кроме того, на златопольском от вертикальных верхних выступов отходят боковые, что позволило Д.Я.Телегину считать их оленьими рогами. На этой же скульптуре, в ее верхней части, между рожек имеются два конических выступа, имитирующие глаза или грудь, что отличает эту скульптуру от остальных. Однако этой деталью она сближается с глиняной статуэткой из Красно в Словакии. С этим же изделием, но только другими деталями сближается и васильевский скипетр. Верхний край идола из Красно оформлен в виде трех выступов, причем центральный слегка уплощен сверху, крайние в виде конических рожек (рис. 4, 2). Фигурка трактуется Владаром Езефом как изображение женщины с поднятой головой и руками (то есть поза Оранты) с отмеченной грудью и относится к бошачей группе (2200—2000 гг. до н.э.)¹⁴. Она считается исключительным изделием с максимально возможной стилизацией человеческого тела и не имеет равнозначных параллелей в других европейских областях. К сожалению, условия находки не известны.

Скипетр из Васильевки также уникален. Особенности материала, из которого он изготовлен, требуют еще большей стилизации. Сейчас можно отметить, что он по верхнему краю подобен пластике из Красно, по обушковому концу — златопольским и симферопольским изделиям. Направленные кверху три зубца его напоминают поднятые вверх плечевые отростки женских глиняных фигурок в позе Оранты из трипольских поселений Молдавии и Украины (например, Солончены II и др.)¹⁵. Изображение скипетра не однозначно, здесь, вероятно, сочетаются элементы зооморфного и антропоморфного божества. Такое сочетание элементов человека и животного известно в идеологических представлениях многих народов. Сопоставляя изображения васильевского скипетра с близкими во времени и пространстве находками, выскажем пока некоторые предположения. В этом плане особый интерес представляет плита из кромлеха позднетрипольского кургана у с. Усатово¹⁶. По мнению В.Н.Даниленко¹⁷ и В.Г.Петренко¹⁸, на стеле изображено "рогатое человекоподобное существо женского пола" с лунарным серпом и двойным топориком над головой в сопровождении фигур животных. Обращаясь к восточномедитерранейским сюжетам, В.Н.Даниленко видел в этой композиции прообраз богини Луны — покровительницы стада и урожая. Здесь важно подчеркнуть, что рога встречаются на антропоморфных изображениях трипольских племен III тыс. до н.э.¹⁹ В том же Усатово только на поселении найдено высеченное из камня изображение, которое определялось как голова быка. Теперь В.Г.Петренко считает, что это голова фантастического существа с признаками человека и зверя, как на плите из кромлеха Усатовского кургана. Эти мотивы, как отмечал В.Н.Даниленко, перекликаются со средиземноморскими сюжетами. В данном случае целесообразно назвать изображение на микенской вазе

с острова Кипр²⁰. На ней между двумя бычьими головами с секирами (лабрис-топор) изображен жертвенник с роговидными выступами, а между ними — двойная секира. Как допускает Б.А.Куфтин, эти жертвенники с роговидными выступами символизировали в Эгее женское божество (рис. 4, 3). Эти мотивы встречены и на других микенских сосудах и скульптурах²¹.

В васильевский скипетр, возможно, тоже вложено "священное" содержание. Здесь, вероятно, соединено мужское и женское начало. Если обратиться к более ранним памятникам, например, неолитическим святилищам Чатал-Гуюка, то увидим, что на их стенах изображались женщины, рожаящие быка или барана²², а платформы святилищ и домов обрамлялись рядами стилизованных бычьих голов²³. Образ быка был издревле связан с воспроизводством скота. Рогатое мужское божество в облике быка и богини плодородия выступало в древности под разными именами. Это богиня Иштар в Вавилоне, богиня Исида в Египте. Образы быка и матери тесно связаны между собой. Об этом свидетельствует и костяная пластинка с поселения Бильче-Золотое — Вертеба в Румынии в виде головы быка с изображением на морде женской фигурки²⁴. Необходимо отметить, что культ быка был распространен не только у древних земледельцев²⁵, но и у скотоводов²⁶. О почитании быка свидетельствуют захоронения бычьих и турьих черепов в могилах степных скотоводов, а также сооружение кромлехов вокруг их могил из бычьих черепов. Такие случаи неоднократно отмечены в степях Украины и Северного Кавказа. На территории Херсонщины подобное явление зафиксировано в курганах № 5 и 6 у с. Новоалексеевское Скадовского р-на²⁷ и других погребениях ямной культуры.

В васильевской кремневой скульптурке условно моделировано какое-то божество, чей полисемантический образ очевиден и приближается к описанным выше. Это реальный предмет из области проявления духовной жизни человека. Он, вероятно, использовался как навершие жезла. Его вертикально привязывали к древку ремнями, которые, как и древко, были раскрашены красной краской. Скипетр имел важное значение для ритуальных церемоний при культовых свершениях, обрядовых действиях и так далее. Однако скипетр отражает не только сложные идеологические представления степных скотоводов древней Украины. Навершие, найденное в могиле, в руке человека, могло давать ему при жизни большую власть. Владелец его действительно выделялся из родовых общинников, так как для него не только тщательно была устроена могила, но над ней была возведена огромная насыпь. Мог быть погребен какой-то вождь (он же мог совмещать и функции жреца). Следовательно, это лицо было наделено определенной социальной властью.

Степные племена Украины в это время достигли высокого уровня развития. Именно в таком обществе могла появиться социальная дифференциация. Восприятие мира и верования его перекликаются с воззрениями народов древнейших цивилизаций III тыс. до н.э. и, вероятно, несут в себе отголоски различных культурных влияний. Однако то, что скипетры изготовлены в степях Северо-Восточного Причерноморья, ни у кого не вызывает сомнений. Все они высечены из местных пород камня. Найденны с типично ямными погребениями. Могилы их отличаются тщательностью устройства, а насыпи над ними — определенной высотой. Последнее, как и наличие скипетров, подчеркивает социальную привилегированность этих лиц в эпоху ранней бронзы.

Кроме того, склоны насыпи после совершения погребения со скипетром были так укреплены, что вершина кургана как бы сглаживалась и на ней образовывалась площадка. Курганы с уплощенными вершинами-площадками и ранее были известны в Приазовье и Поднепровье. Вероятно, после погребения "священного" лица и досыпки, курганы могли превращаться в святилище. Так, по сообщению А.М.Балушкина, во время раскопок Николаевской экспедиции в 1981 г. Новоалександровского кургана на р. Ингул оказалось, что он был возведен над погребением ямной

культуры. Причем сооружен он был в виде усеченного конуса с горизонтальной площадкой, обмазанной глиной. Сложен он был из вальков, как и досыпка в Васильевском кургане. На его площадке стояли две антропоморфные стелы и была выкопана яма, в которой находились угли и кости животных. По мнению А.М.Балушкина, это святилище ямной культурно-исторической общности.

Уникальное святилище бронзового века раскопано на р. Молочная. Под ним обнаружены погребения энеолита и бронзового века. А в одном из комплексов катакомбной культуры вместе с черепами-портретами, изображениями стоп и ритуальной посудой найдены такие символы власти, как каменная булава и деревянный посох²⁸. Появление в Причерноморских степях в эпоху бронзы этого святилища, напоминающего культовые сооружения — зиккураты Переднего Востока, свидетельствует о новых этапах развития степных племен, новых культурно-исторических общностей, становление которых происходит на более ранней экономической, культурной, идеологической базе. Уже племена ямной культуры достигли такого уровня, когда они могли не только воспринимать влияния более развитых обществ, соответственно перерабатывать их, но и создавать только свое неповторимое. Так, облик скипетров совершенно уникален и каждый из них еще требует дальнейшей разработки. Однако совершенно очевидно, что эта пластика малых форм использовалась не для узко утилитарных целей, а отражала мировоззрение древнего человека и высокий социальный статус отдельных лиц.

Подводя итог, необходимо заметить, что названные изделия прежде всего являются уникальной мелкой скульптурой, то есть произведениями искусства (со сложным смысловым значением), которое продолжает развиваться и в последующие эпохи. Функциональное ее назначение неоднозначно и зависит от использования. В руках вождя-жреца она одновременно была и скипетром, то есть предметом власти (знаком почета), и вместе с тем использовалась в религиозно-магических целях. Единичность подобных находок (Симферополь, Васильевка, Златополь) из тысячи погребений ямной культуры в степной зоне свидетельствует о том, что этим символическим знаком власти наделялись немногие, которые, вероятно, как и древнейшие фараоны Египта или правители Месопотамии, осуществляли верховную религиозную и гражданскую власть.

- ¹ *Кубышев А.И., Доробеев В.В., Нечитайло А.Л. и др.* Отчет о раскопках Херсонской археологической экспедиции ИА АН УССР в зоне строительства Каховской оросительной системы в 1984 г. в Херсонской и Запорожской областях // Архив ИА АН УССР. — Ф.Э. 21303. — 1984/11. — С. 11—27.
- ² *Ковалева И.Ф.* Север степного Поднепровья в энеолите—бронзовом веке. — Днепропетровск, 1984. — С. 84. — Рис. 10, 1.
- ³ *Марина З.П.* Энеолит — ранний бронзовый век степного Левобережья Днепра // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Киев, 1982. — С. 12.
- ⁴ *Мерперт Н.Я.* Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III — начало II тыс. до н.э.) // Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — М., 1968. — С. 19, 27.
- ⁵ *Макаренко М.* Мариупольский могильник. — К., 1933. — С. 29—31.
- ⁶ *Даниленко В.М., Шмаглій М.М.* Про один поворотний момент в історії енеолітичного населення Південної Європи // Археологія. — 1972. — № 6. — С. 3—19.
- ⁷ *Писларий И.А., Кротова А.А., Ключко Т.Н.* Погребения эпохи энеолита в г. Ворошиловграде // Энеолит и бронзовый век Украины. — Киев, 1986. — С. 25—27. — Рис. 4, 11.
- ⁸ *Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Отрощенко В.В. и др.* Отчет о работе Запорожской экспедиции в 1973 г. // Архив ИА АН УССР. — Ф.Э. — 1973/7.
- ⁹ *Телегін Д.Я.* Амулети епохи бронзи — раннього заліза з Подніпров'я // Археологія. — 1980. — Вып. 34. — С. 85. — Рис. 2, 1.
- ¹⁰ *Шульц П.Н., Столяр А.Д.* Курганы эпохи бронзы в долине Салгира // КСИА АН СССР. — 1958. — Вып. 71. — С. 59—60. — Рис. 15, 2.
- ¹¹ *Щепинский А.А.* Культ животных в погребениях эпохи бронзы в Крыму // КСИА АН УССР. — 1959. — Вып. 9. — Рис. 5, 2.
- ¹² *Отрощенко В.В., Болдин Я.Н., Рассмакин Ю.Я. и др.* Отчет о раскопках Запорожской экспедиции в 1981 г. // Архив ИА АН УССР. — Ф.Э. 1981/10. — С. 86. — Табл. 50, 1.
- ¹³ *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. — Л., 1976. — С. 153.
- ¹⁴ *Vladáz Jozef.* Praveká Plastica. — Tatran. — 1979. — S. 62, 137.

- 15 *Мовша Т.Г.* Об антропоморфной пластике трипольской культуры // СА, 1969. — № 2. — С. 5, 24–26, 34. — Рис. 6.
- 16 *Нариси стародавньої історії Української РСР.* — К., 1957. — С. 69, 70, 632.
- 17 *Даниленко В.Н.* Неолит Украины. — К., 1969. — С. 221.
- 18 *Петренко В.Г.* Каменная плита с изображением из Усатово // Северное Причерноморье. — Киев, 1983. — С. 14–23.
- 19 *Мовша Т.Г.* Новые данные по идеологии трипольско-кукутенских племен // Первобытная археология. Поиски и находки. — Киев, 1980. — С. 185–198.
- 20 *Куфтин Б.А.* Урартский "кулумбарий" у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит // Отдельный оттиск из Вестника Музея. — Тбилиси. — 1943. — Т. 13. — С. 81.
- 21 *Müller-Karpe P.* Handbuch der Vorgeschichte. Bronzezeit // München. — 1980. — Bd 4. — Tabl. 255, 7, 8, 19, 25.
- 22 *Качалова Н.К.* К вопросу о религиозно-магических представлениях трипольских племен // Археологический сборник. — Л., 1978. — Вып. 19. — С. 22–28.
- 23 *Мелларт Дж.* Древнейшая цивилизация Ближнего Востока. — М., 1982. — С. 91–93, 150.
- 24 *Энеолит СССР.* — М., 1982. — С. 294. — Табл. 74, 15.
- 25 *Хлопин И.Н.* Образ быка у первобытных земледельцев Средней Азии // Древний Восток и мировая культура. — М., 1981. — С. 26–30.
- 26 *Грязнов М.П.* Бык в обрядах и культах древних скотоводов // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. — М., 1977. — С. 80–88.
- 27 *Збенович В.Г.* К проблеме связей Триполья с энеолитическими культурами Северного Причерноморья // Энеолит и бронзовый век Украины. — Киев, 1976. — С. 57–69.
- 28 *Отрощенко В.В., Пустовалов С.Ж.* Портреты прошлого // Знание — сила. — 1983, № 8. — С. 25–29, 36–38; *Рассамакин Ю.Я., Отрощенко В.В., Пустовалов С.Ж. и др.* Отчет о раскопках Запорожской экспедиции // Архив ИА АН УССР. — Ф.Э. 1982/2. — С. 25–31.

А.А.МЕЛЬНИК, И.Л.СЕРДЮКОВА

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПОВОЗКИ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ

Интенсивные исследования степных курганов юга нашей республики, проводившиеся в последние десятилетия, значительно расширили представления о погребальном обряде племен ямной культуры. В частности, увеличилось количество обнаруженных в погребениях остатков деревянных повозок¹. В основном это колеса, присутствие других частей зафиксировано крайне редко, да и те, как правило, фрагментарны². Поэтому каждая новая находка деталей повозки, позволяющая хотя бы частично реконструировать средства передвижения, не должна оставаться вне внимания исследователей.

В 1981 г. экспедиция Криворожского историко-краеведческого музея проводила охранные раскопки курганов эпохи бронзы в окрестностях г. Кривой Рог Днепропетровской обл.³ Среди многочисленных захоронений ямной культуры обнаружены погребения с остатками деревянных повозок. Два из них найдены в кургане "Луцьяновка" — в 1 км к юго-востоку от города и входившем в группу из пяти насыпей. К началу раскопок высота его составляла 4 м, диаметр 65 м. В кургане исследованы 14 погребений ямной культуры, относящихся к позднему этапу ее существования — об этом свидетельствует наличие уступов, круговая планировка захоронений, положение скелетов и, наконец, сопутствующий инвентарь⁴. Остатки повозок найдены в погребениях № 1 и 18 — в последнем на уступе лежали четыре сплошных деревянных колеса⁵. Подобные погребения составляют значительную серию*, поэтому в данной статье специально рассмотрено лишь погребение № 1, в котором находились кузов, дышло, колеса и деталь каркаса перекрытия деревянной повозки, положенной в могилу в разобранном виде.

* См. сводку в работах Е.Е.Кузьминой, А.В.Гудковой, И.Т.Чернякова⁶.

Погребение № 1 находилось в 9,5 м к востоку от центра кургана, на глубине 4,5 м от современной поверхности. Совершено в яме с уступом, ориентированной длинной осью с севера на юг. Выше уступа яма размером 3,2 x 2,4 м. На уступе, по углам ямы, плашмя лежали четыре сплошных колеса. Все они трехсоставные, способ соединения частей проследить не удалось ввиду их плохой сохранности. Диаметр колес 0,6 м, ступицы — 0,17 м, отверстия для оси — 0,06 м, толщина ступицы 0,04 м. От центра к ободу колесо утончается, ширина обода 0,025 м. Дерево для колес было срезано вдоль волокон (рис. 1, 1).

Колеса были положены на циновку, перекрывавшую могильную яму. Поверх циновки лежали части деревянной повозки: рама кузова, борта, дышло. Ниже приводим описание их конструкции, размеров и расположения.

Поперек ямы, в северной ее части, на расстоянии 0,55 м друг от друга, лежали параллельно два прямоугольных в сечении бруса длиной 2,2 м, шириной 0,1 м, толщиной 0,025 м. В длинных торцевых гранях через каждые 0,25 м — круглые глухие отверстия глубиной до 0,04 м. Между брусьями лежали пять поперечных перекладин — две на восточном уступе, одна — на западном и две просели в заполнение ямы. Сохранившаяся длина их 0,4—0,55 м. Вплотную к брусьям, вдоль внешних их сторон, лежали остатки двух досок длиной 2,2 м, шириной 0,2 м.

На восточном уступе находилась деталь каркаса перекрытия повозки, представляющая собой дугообразно изогнутую узкую (ширина 0,06 м) планку, один конец которой соединялся с доской (от нее осталась часть длиной 0,27 м и шириной 0,07 м).

Дышло было положено вдоль ямы, одним концом на брусья, а другой, разветвленный в виде подковы, опирался на южный уступ. Длина дышла не более 1,9 м, диаметр сечения 0,08 м, ширина ответвлений 0,06 м, расстояние между ними 0,1 м. В каждом имелось вертикальное отверстие с сечением в виде квадрата со стороной, равной 0,03 м.

Кроме описанных выше на уступе и в заполнении ямы обнаружены неопределенные деревянные детали, возможно, относящиеся к повозке.

Яма ниже уступа имела размер 2 x 1 x 1 м. На стенках прослежены следы орудий, полукруглых в сечении, шириной до 0,03 м. В яме лежал скелет взрослого погребенного скорченно на правом боку, головой — на север, лицом — на запад. Левая рука согнута в локте, правая вытянута к коленям, ноги согнуты в тазобедренных суставах под прямым, в коленях — под острым углом. Скелет лежал на меловой посыпке толщиной до 0,01 м, поверх которой прослежен тлен коричневого цвета (кожа?). В 0,3 м к северо-востоку от черепа, на дне ямы лежало костяное орудие из трубчатой кости животного. Длина его 16,4 см, диаметр 0,15 см, ширина рабочей части 2,4 см (рис. 1, 2). У нижней челюсти погребенного лежал предмет из рога, который можно отнести к числу булавок с оригинально оформленным навершием — стреловидной головкой. Длина ее 8,5 см, диаметр стержня 0,8 см, отверстия — 0,3 см (рис. 1, 3). Возле груди погребенного прослежены древесные угольки, у колен и стоп лежали копыта козы-овцы. Скелет обильно посыпан охрой.

Удовлетворительная сохранность указанных деталей деревянной повозки, анализ их расположения, размеров и конструктивных особенностей позволили реконструировать ее кузов и способ соединения его с дышлом. Кузов повозки представлял собой прямоугольную раму с бортами, на которые опирался каркас арочного перекрытия. Несущими для рамы являлись два прямоугольных бруса с глухими отверстиями в длинных торцевых гранях. Брусья соединялись поперечными перекладинами, расстояние между которыми, принимая во внимание расположение отверстий и ширину самих поперечин, составляло 0,15—0,20 м, а количество, исходя из тех же параметров, не превышало семи. Судя по местоположению отверстий, перекладины накладывались на длинные торцевые грани брусьев и крепи-

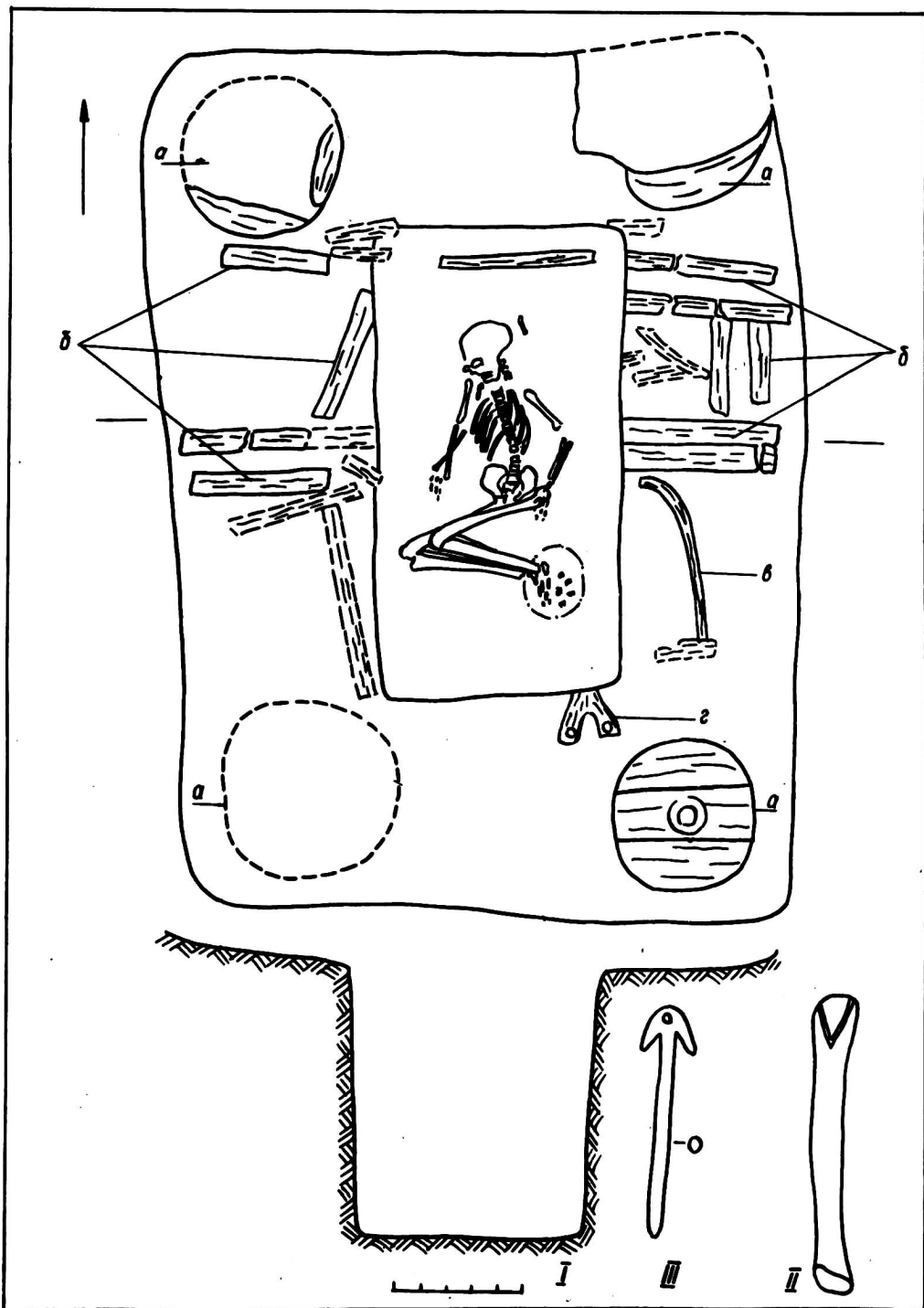

Рис. 1. п. 1, к. "Лукьяновка":
 I — план и разрез погребения (а — колеса повозки,
 б — детали кузова повозки, в — деталь звена пере-
 крытия повозки, г — дышло),
 II — костяное орудие из п. 1,
 III — роговая булавка из п. 1

лись, очевидно, деревянными штифтами. Такое простейшее соединение продольных и поперечных деталей известно в эпоху бронзы — примером может служить крепление на платформе повозки из кургана № 5 Триалети⁷

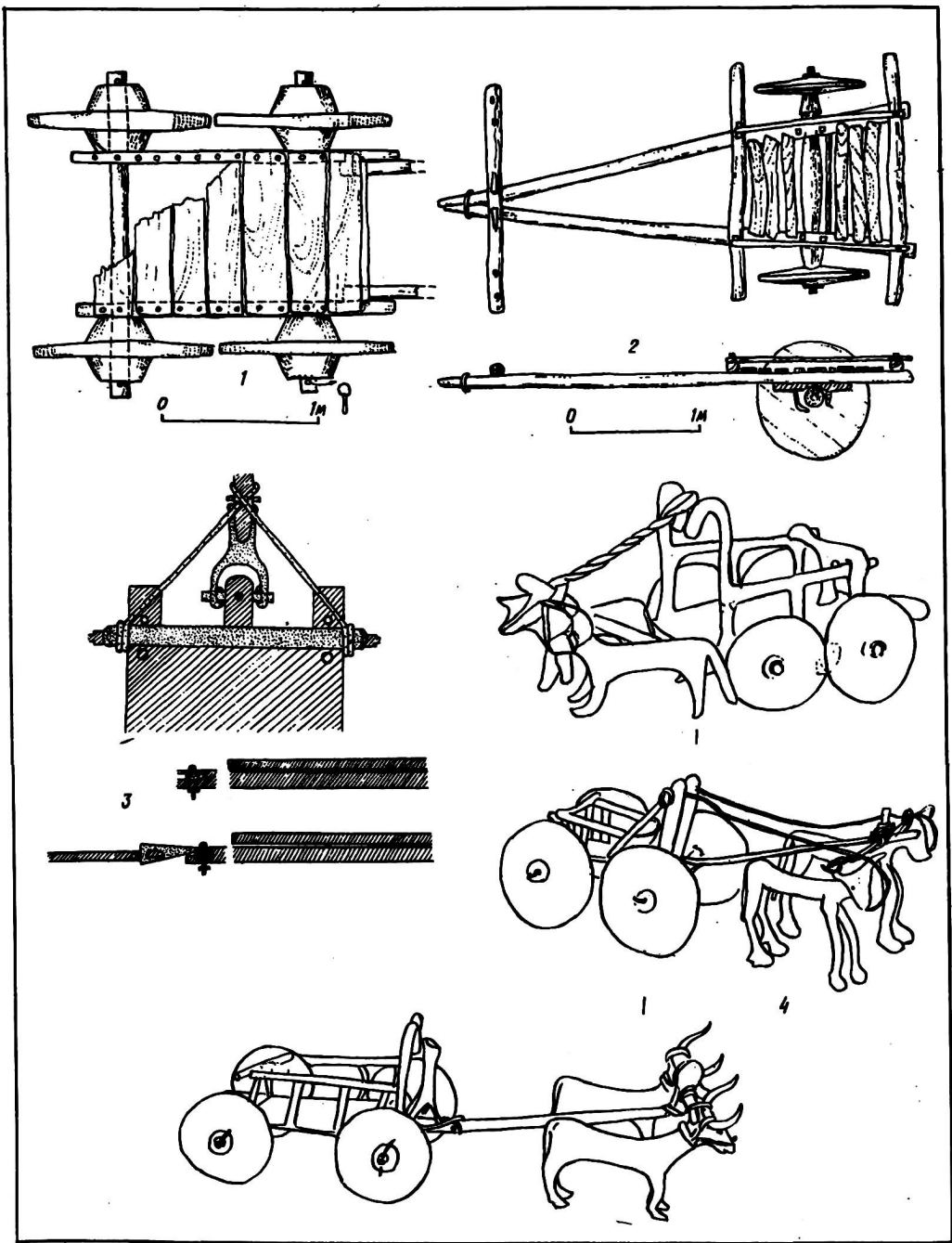

Рис. 2. Деревянные повозки эпохи бронзы и их модели:

1 — платформа повозки из к. 5 Триалети; 2 — малоазийская арба; 3 — схема поворотного механизма повозки, представленной в модели из Берлинского музея; модели повозок (по С.Пигготту — 1, 2, В.Нагелю — 3, 4)

(рис. 2, 1) и в настоящее время. С.Пигготт приводит рисунок современной малоазийской арбы с аналогичным креплением⁸ (рис. 2, 2).

Длина брусьев рамы 2,2 м, ширина приблизительно 0,6—0,7 м (сохранность поперечин, особенно их краев, неудовлетворительная). Бортами кузова, очевидно, служили сплошные доски, лежавшие в погребении вплотную

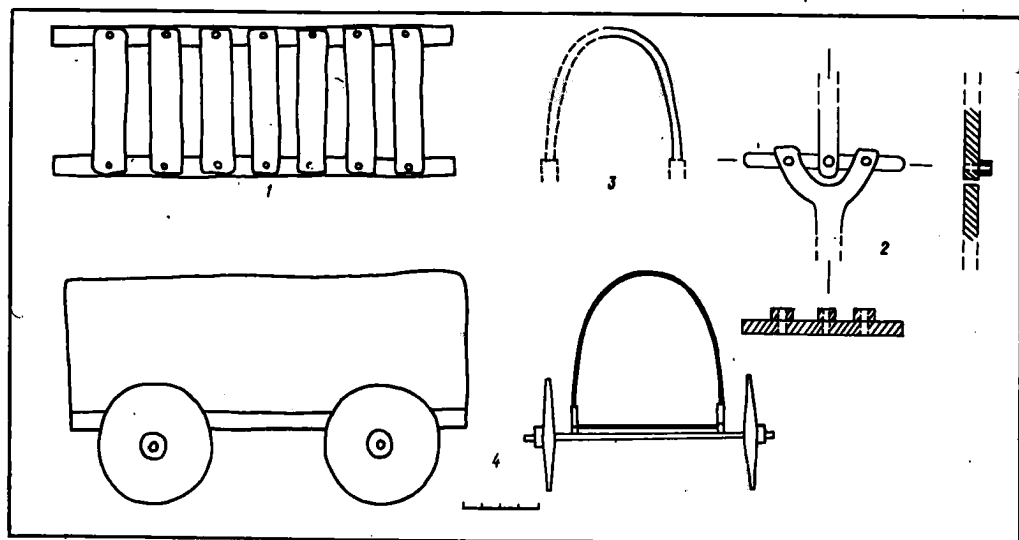

Рис. 3. Деревянная повозка из п. 1 к. "Лукаяновка":
 1 — схема соединения деталей кузова; 2 — схема узла поворотного механизма повозки; 3 — реконструкция звена арочного перекрытия; 4 — общий вид повозки

ко внешним сторонам брусьев, их длина полностью совпадает с длиной рамы. Характер соединения бортов и рамы определить не удалось, логично было бы предположить, что отверстия в брусьях могли служить и для такого крепления (рис. 3, 1).

О том, что повозка была крытой, свидетельствует найденная деталь арочного перекрытия. Реконструкция звена каркаса перекрытия представлена на рис. 3, 3, высота дуги 0,6 м, ширина у основания 0,7 м, что соответствует ширине кузова. Подобная конструкция перекрытия повозок эпохи ранней бронзы известна по некоторым ближневосточным их моделям, например, экземпляру из Гавра VI⁹, Хаммам¹⁰, и по самим повозкам, обнаруженным в погребениях бронзового века Закавказья¹¹. В связи с этим отметим, что на моделях повозок, происходящих из Среднего Подунавья, перекрытие отсутствует¹².

Подковообразное разветвление дышла указывает на подвижное соединение его с кузовом, в результате чего повозка приобретала необходимую маневренность. Схема такого поворотного механизма приведена в работе В.Нагеля, подробно опубликовавшего модели двух повозок второй половины III тыс. до н.э. (культура Аладжа—Гуюк)¹³. Благодаря точному воспроизведению в моделях особенностей конструкции, автор представил детальную схему узла, соединяющего дышло и платформу, и определил характер материалов, использовавшихся в сооружении повозки. В частности, исследователь отмечает наличие металла, кожи, дерева и веревки¹⁴ (рис. 2, 3). В нашем случае вертикальное расположение отверстий на конце дышла позволило предположить более простой вариант соединения (рис. 3, 2), для которого могли использоваться лишь деревянные детали. Вполне вероятно, что дополнительным фиксатором служила веревка, остатки которой найдены вместе с деталями деревянной повозки в погребении 5 кургана 2 у с. Староселье¹⁵.

Итак, реконструированная повозка имела длину 2,2 м, ширину не более 0,7 м, высота бортов и перекрытия соответственно 0,1 и 0,7 м. Для повозок эпохи бронзы известно лишь жесткое крепление кузова к колесным осям¹⁶, отсюда, учитывая размеры колес, высота повозки над землей не превышала 0,4 м (рис. 3, 4).

Само собой разумеется, назначение любой повозки как вида колесного транспорта — перевозка груза на расстояние, при этом главным условием ее функционирования является подвижность¹⁷. Основные моменты обеспечения подвижности сводятся к легкости на ходу, устойчивости, поворотливости, гибкости и независимости ходов, устойчивости дышла¹⁸. В данном случае соотношение возможности реконструированной повозки с перечисленными выше условиями дает следующую картину.

Ход повозки определяется отношением тяги к весу нагруженной повозки и зависит от сопротивления местности, которое обратно пропорционально радиусу колеса и ширине ободьев и прямо пропорционально давящему грузу. Следовательно, чем меньше и уже колесо, тем резче возрастает сопротивление движению, тем меньший груз может везти повозка. На дорогах с земляным покрытием данная зависимость еще выше. Модели четырехколесных повозок, запряженных быками, несмотря на некоторые диспропорции в изображении, дают устойчивое соотношение — диаметр колеса не меньше высоты крупа животного¹⁹ (рис. 2, 4). Размер колес свидетельствует о непригодности повозки под значительный груз.

Необходимым условием устойчивости является достаточная ширина хода. Отношение ширины рассматриваемой повозки к ее длине меньше 1/3, в то время как все известные повозки эпохи бронзы и их модели дают отношение 1/2 и более.

Поворотный механизм повозки является одновременно и устройством, определяющим гибкость хода, то есть повышения и понижения свободного конца дышла при движении по неровной местности. Чем больше угол, образуемый дышлом с горизонтом, тем выше гибкость повозки. Минимальная амплитуда колебания дышла составляет предел от 18° над линией горизонта до 13° ниже ее²⁰. Жесткое крепление оси поворотного механизма с дышлом, о чем свидетельствует вертикальное расположение отверстий в нем, указывает на малую гибкость хода. Оптимальный вариант подвижно закрепленного дышла представлен на уже упомянутой модели повозки (рис. 2, 3), где угол, образуемый дышлом с горизонтом, может варьироваться в нужных пределах.

При повороте повозки основное напряжение испытывает вертикальный сердечник, соединяющий дышло и кузов, поэтому он и был одной из первых металлических частей, появившихся у повозок²¹. Выше отмечено наличие бронзового сердечника на повозке, представленной в модели из Берлинского музея. Металлические части в погребении не зафиксированы, к тому же налицо явная непригодность повозки к длительному функционированию, поэтому можно предположить, что все детали поворотного механизма были деревянными.

Суммируя сказанное, можно сделать следующий вывод: данная повозка создавалась заведомо не для хозяйственного использования, ее функция исчерпывалась участием в погребальном ритуале. Факты помещения повозок, не применявшихся в быту, в погребения уже отмечались в литературе²², однако отсутствие хорошо сохранившихся деталей не позволяло уточнить характеристику условий, обеспечивающих подвижность самих повозок.

На положение повозки или ее частей в могилу как свидетельство особого социального статуса погребенного указывали многие исследователи²³. Подтверждением этого тезиса является определение сугубо ритуального назначения таких повозок, что существенно выделяет подобные захоронения из круга позднеямных памятников Северного Причерноморья.

¹ Шапошникова О.Г., Бочкарев В.С. Работы Ингульской археологической экспедиции в 1971 г. // Тезисы пленарных заседаний и секционных доповідей (результати польових досліджень 1970–1971 років на території України). — Одеса, 1972. — С. 122; Бондарь Н.Н., Антощенко Б.А., Васильченко С.А. и др. Работы Каменской экспедиции Киевского университета // АО 1976. — М., 1977. — С. 270–271; Гудкова А.В., Черняков И.Т. Ямные погребения с колесами у с. Холмское // Древности Северо-Западного Причерноморья. — Киев, 1981. — С. 38–49; Рассамкин Ю.Я. Исследования на р. Молочной // АО 1982. — М., 1984. — С. 322; и др.

- 2 *Тереножкин О.И.* Курган Сторожова Могила // *Археология*. — 1951. — Т. 5. — С. 183–191; *Шилов Ю.О.* Запiski возів у курганах ямної культури Нижнього Подніпров'я // *Археология*. — 1975. — Т. 17. — С. 53–61.
- 3 *Мельник А.А.* Отчет о раскопках Криворожского историко-краеведческого музея в 1981 г. // *НА ИА АН УССР*. — 1981/103. — Ф. 12. — № 10162. — С. 75–99.
- 4 *Там же*. — С. 77–99.
- 5 *Кузьмина Е.Е.* Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // *ВДИ*. — 1974. — № 4. — С. 68–69.
- 6 *Гудкова А.В., Черняков И.Т.* Указ. соч. — С. 46.
- 7 *Кубтин Б.А.* Археологические раскопки в Триалети. — Тбилиси, 1941. — С. 81–82.
- 8 *Piggott S.* The Earliest Wheeled Vehicles and the Caucasian Evidence // *PPS for 1968*. — N.S. — 1969. — Vol. 34. — P. 291. — Fig. 9.
- 9 *Чайлд Г.* Древнейший Восток в светлом раскопок. — М., 1956. — С. 326.
- 10 *Piggott S.* Op. cit. — Pl. XXIII.
- 11 *Румянцев Е.А.* Реставрация и консервация древних деревянных повозок из Закавказья и Алтая // *СА*. — 1961. — № 1. — С. 237. — Рис. 1, 2.
- 12 *Bona I.* Clay Models of Bronze Age Waggon and Weels in Middle Danube Bassin // *ААН*. — 1960. — N 12. — Fig. 3.
- 13 *Nägel W.* Zwei Kupfermodelle eines Kultwagens mit Rinderzweigespann vom zweiachsigen Gatter Kanzeltyp aus der Alacahüyük-Kultur im Museum für Vor- und Frühgeschichte Berlin // *APA*. — 1984/85. — N 16/17. — Abb. 1, 14.
- 14 *Ibid.* — Abb. 3.
- 15 *Шилов Ю.О.* Вказ. праця. — С. 57. — Рис. 2.
- 16 *Чердниченко Н.Н.* Колесницы Евразии эпохи поздней бронзы // *Энеолит и бронзовый век Украины*. — Киев, 1976. — С. 140; *Кожин П.М.* К проблеме происхождения колесного транспорта // *Древняя Анатолия*. — М., 1985. — С. 171.
- 17 *Брокауз Ф.А., Эфрон И.А.* Энциклопедический словарь. — Спб., 1904. — Т. 79. — С. 237–245.
- 18 *Там же*.
- 19 *Piggott S.* Op. cit. — Pl. XX; *Nägel W.* Op. cit. — Abb. 3.
- 20 *Брокауз Ф.А., Эфрон И.А.* Энциклопедический словарь. — С. 239.
- 21 *Вийрес А.О.* Принципы типологии крестьянских телег (на основе материала Советской Прибалтики) // *Типология основных элементов традиционной культуры*. — М., 1984. — С. 97.
- 22 *Алексеева И.Л., Шаглий Н.М.* Погребения с повозками ранней поры бронзового века Северо-Западного Причерноморья // *Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья*. — Киев, 1985. — С. 20.
- 23 *Кузьмина Е.Е.* Указ. соч. — С. 86; *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). — М., 1976. — С. 86; *Гудкова А.В., Черняков И.Т.* Указ. соч. — С. 49 и др.

Л.В.СУББОТИН

МЕГАЛИТИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ У с. ТАТАРБУНАРЫ

В 1979 г. Днестро-Дунайской экспедицией Института археологии АН УССР в Татарбунарском р-не Одесской обл. исследованы 17 курганов, среди них особо выделяется одиночный курган, находившийся в 0,6 км к востоку от г. Татарбунары, в 100 м к северо-западу от шоссе Татарбунары — Одесса. В отличие от других он был возведен не на плато, а в низине — в средней части поймы р. Когильник. Насыпь кургана высотой 1,75 м была несколько вытянута по линии запад — восток, в результате чего ее основание представляло собой овал размером 50 x 59 м.

При раскопках курган был разбит пятью параллельными бровками шириной 2 м (бровка I, центральная) и 1 м (бровки II–V), удаленными друг от друга на 4 м. В кургане выявлены восемь погребений культур ямной (№ 3, 4, 6, 7), шаровидных амфор (№ 2), катакомбной (№ 8), эпохи поздней бронзы (№ 5) и позднекочевническое (№ 1) (рис. 1).

П о г р е б е н и е № 1 (позднекочевническое) — в 16,5 м к юго-западу от репера. Контур: могильной ямы не прослеживались; скелет взрослого человека выявлен на глубине 2 м. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад, лицом вправо, руки прижаты к бокам (рис. 2, 7). Между левой рукой и крылом таза найдены кремневые отщеп и проколка (рис. 2, 8).

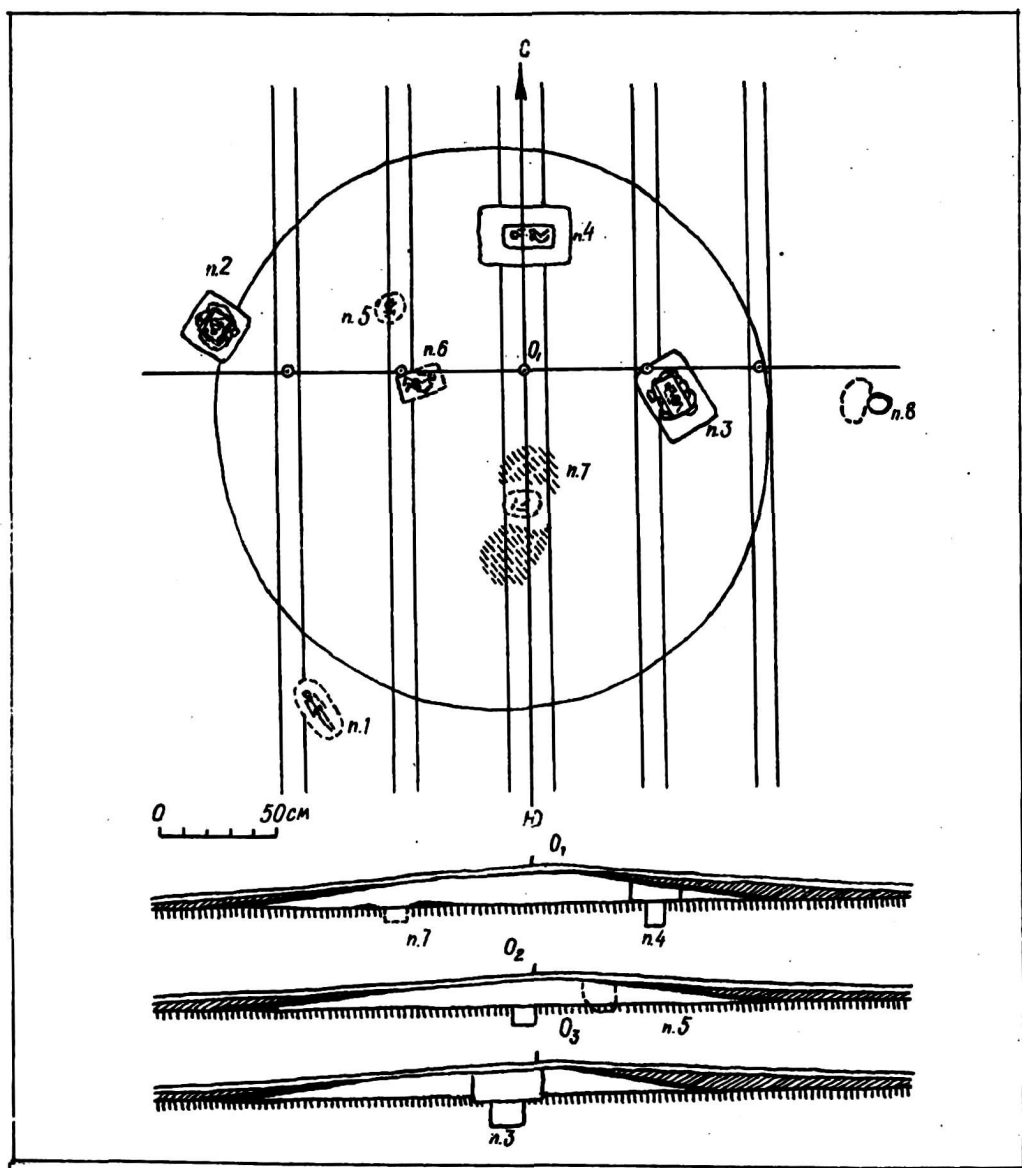

Рис. 1. План и разрезы кургана у с. Татарбунары

Погребение № 2 (культуры шаровидных амфор) — в 13 м к северо-западу — западу от репера на глубине 1,35 м. Могильная яма прямоугольной в плане формы с уступом. Ее верхняя часть размером 2,4 x 2,2 x 0,45 м ориентирована длинной осью по линии юг — юго-восток — север — северо-запад; нижняя размером 1,6 x 1,25 x 0,6 м перпендикулярна верхней: юг — юго-запад — север — северо-восток.

В нижней части ямы был сооружен каменный ящик (рис. 2, 1), составленный из десяти плоских (толщиной 10—15 см) известняковых плит подпрямоугольной формы, вкопанных на 5—20 см в дно погребальной камеры вдоль ее стенок: по три плиты у длинных стенок и по две — у коротких. Плиты установлены таким образом, что верхний край ящика равномерно повышался в северном направлении до 10 см, а в целом ящик книзу оказался зауженным до 1,4 x 0,95 м. Крупные щели между плитами были заложены мелкими камнями и замазаны зеленой глиной. Такой же глиной покрыты и верхние торцевые площадки плит. Сверху ящик перекрывался поперек тремя более крупными плитами, образующими крышку разме-

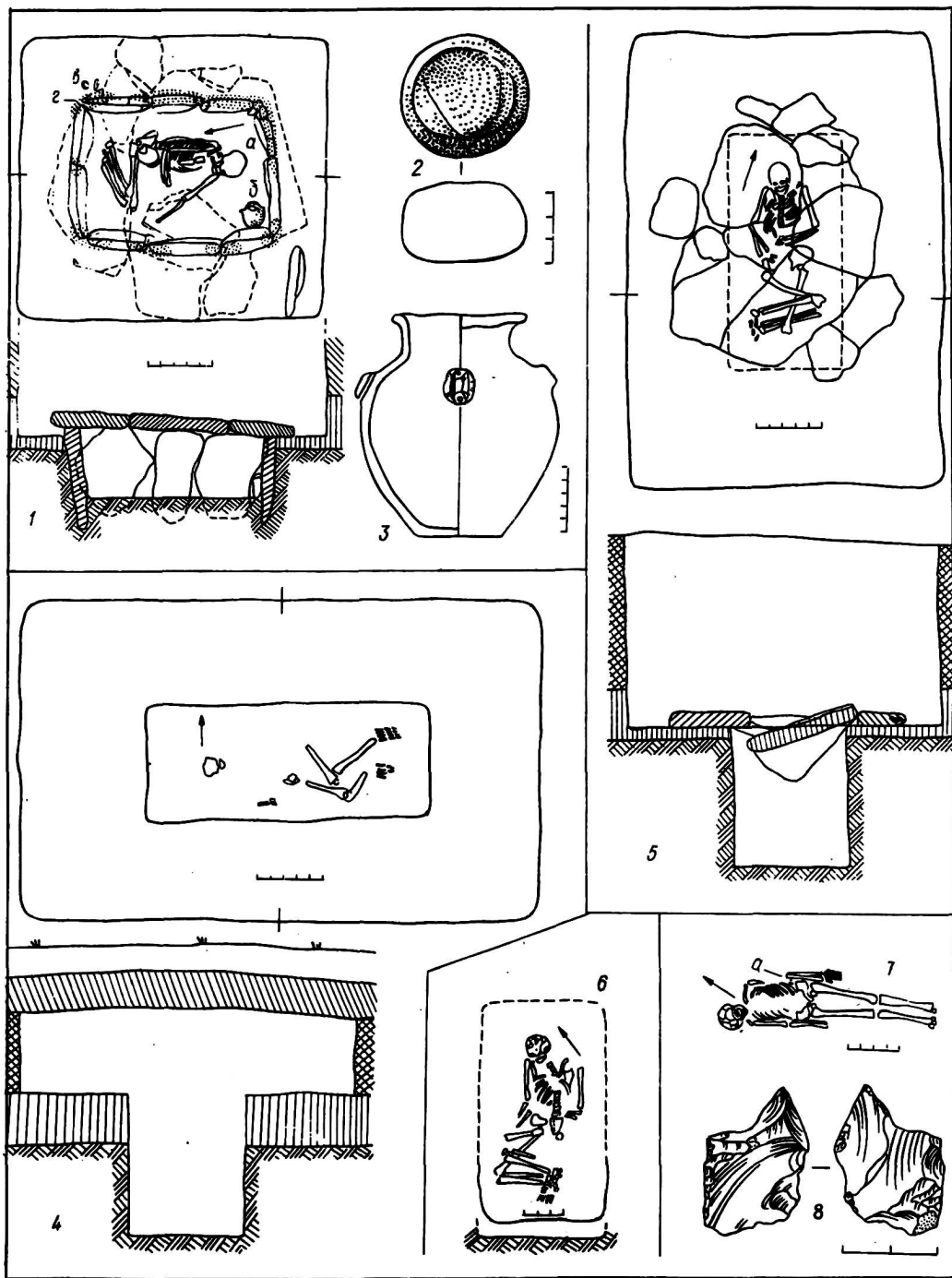

Рис. 2. Погребения и инвентарь:
 1 — п. № 2 (а — охра, б — сосуд, в — болас, г — зеленая глина); 2, 3 — инвентарь из п. 2; 4 — п. 4;
 5 — п. 3; 6 — п. 6; 7 — п. 1 (а — кремни); 8 — кремневая проколка из п. 1

ром 2,3 x 1,9 м. В заполнении верхней части ямы, выше северо-восточного угла перекрытия, найден округлый болас размером 5 x 3 см, выточенный из камня-ракушника (рис. 2, 2). На дне погребальной камеры прослежен коричневый глен от подстилки.

Погребенный лежал на левом боку с поджатыми под прямым углом

к туловищу ногами головой на юг — юго-запад. Правая рука согнута в локте под прямым углом, левая вытянута вперед под острым углом к туловищу. За затылком — кусочек красной охры, напротив головы в юго-западном углу гробницы — легкая плоскодонная амфорка с четырьмя ушками на плечиках, имеющими вертикальные отверстия, с невысоким цилиндрическим горлом и отогнутым венчиком (рис. 2, 3). Высота сосуда 17,5 см, диаметр венчика 10,4 см, горла — 8,4 см, корпуса — 15,4 см, дна — 6,6 см. Поверхность амфорки красновато-коричневая, в темно-сером изломе отмечены включения растительной примеси и мелкий шамот.

П о г р е б е н и е № 3 (ямное) — в 5 м к востоку от репера на глубине 0,5 м. Могильная яма прямоугольной формы выполнена с уступом и ориентирована длинной осью по линии северо-запад — юго-восток. Размер верхней части ямы 3,5 x 2,45 x 1,5 м, нижней — 1,9 x 0,9 x 1,1 м. Последняя была перекрыта на уровне уступа закладом из плоских известняковых плит и плиток размером от 0,3 x 0,15 x 0,1 м до 0,9 x 0,6 x 0,2 м.

Погребенный лежал на спине с поджатыми в коленях ногами (упали влево), головой на север — северо-запад (рис. 2, 5). Руки были согнуты в локтях: правая направлена кистью к бедру, левая — положена на живот. Кости и коричневый тлен от подстилки на дне посыпаны красной охрой. Наиболее интенсивно окрашены череп, грудная клетка и кости рук.

П о г р е б е н и е № 4 (ямное) — в 4,5 м к северу от репера на глубине 1 м. Могильная яма прямоугольной формы с незначительно округленными углами выполнена с уступом, ориентирована длинной осью по линии запад — восток. Размер верхней части ямы 4 x 2,5 x 0,8 м, нижней — 2,2 x 0,9 x 1,1 м. На заполнении ямы сверху, как и рядом на поверхности первой насыпи кургана, в которую она была впущена, прослежена прослойка нагара в виде сажи толщиной до 0,5 см. Учитывая, что в этой прослойке не отмечено угольков и золы, типичных признаков сгорания дерева, кальцинированных костей, можно предположить, что после засыпки могилы над ней сжигали какие-то органические вещества типа животного жира. Над северным участком уступа находились кусочек фиолетовой охры размером 2 x 2 см и небольшой фрагмент стенки красноглиняного сосуда из хорошо отмученной, мажущейся массы. В заполнении погребальной камеры встречались кусочки веток от перекрытия.

На дне ямы на остатках подстилки из древесной коры находился скелет взрослого человека, сильно поврежденный грызунами (район туловища испещрен их норами). Судя по остаткам скелета, погребенный лежал на спине с поджатыми коленями вверх ногами, головой на запад (рис. 2, 4). На черепе, тазовых костях, фалангах стоп и на дне ямы вокруг них отмечена обильная посыпка красной охрой.

П о г р е б е н и е № 5 (поздней бронзы) — в 6 м к северо-западу от репера на глубине 2,2 м. Контуры могильной ямы не прослеживались. Судя по немногочисленным остаткам скелета взрослого человека, он лежал скорченно на правом боку, головой на юго-запад. Под костями прослежены остатки подстилки из древесной коры.

П о г р е б е н и е № 6 (ямное) — в 4 м к западу от репера на глубине 2,4 м. По прослеженному западному краю погребальной камеры (у ее основания) установлено, что яма эта шириной 1 м была прямоугольной и ориентирована длинной осью по линии юго-запад — северо-восток.

Погребенный лежал на спине с наклоном вправо, головой на север — северо-восток (рис. 2, 6). Поджатые ноги повернуты вправо, к их коленям направлена слегка согнутая в локте правая рука, левая — согнута под прямым углом и положена поперек поясницы. Дно могилы и все кости были покрыты сплошным слоем красной охры толщиной 0,5—2 см.

П о г р е б е н и е № 7 (ямное, основное) — в 6 м к югу от репера на глубине 2,2 м. Контуры могильной ямы не прослеживались. Судя по зафиксированному в бровке выбросу из смеси погребенного чернозема с небольшим количеством материкового суглинка и уровню залегания костей, яма

была вырыта с древней дневной поверхности на глубину около 0,5 м. От скелета сохранились лишь отдельные поломанные кости таза, одной ноги и правой руки. По ним можно предполагать, что погребенный лежал на спине, головой на запад, с вытянутыми вдоль тела руками и поджатыми ногами (упали вправо). Кости слабо окрашены красной охрой.

П о г р е б е н и е № 8 (катакомбное) — в 16 м к востоку от репера. На глубине 2 м прослежены контуры входного цилиндрического колодца диаметром 0,9 м, глубиной 0,55 м. С запада к нему примыкала, очевидно, овальная в плане катакомба, точную архитектуру которой (как и входы в нее) из-за выступавших подпочвенных вод определить не удалось. Установлено лишь, что основание камеры находилось на 0,45 м ниже дна колодца и что никаких остатков скелета в ней не было: могила была кенотафом или не использовалась (из-за тех же подпочвенных вод) для захоронения или в ней был погребен ребенок, кости которого не сохранились.

Изучение стратиграфии кургана показало, что он сооружен в два приема. Первоначально насыпь диаметром 25 м и высотой не менее современной (более 1,75 м) была возведена над погребением № 7 и, возможно, над погребением № 6, относящимися к ямной культуре. После завершения погребений № 4 и 3 курган был досыпан, затем в него последовательно впустили через определенные хронологические перерывы погребения № 2 (культуры шаровидных амфор), № 8 (катакомбной культуры), № 5 (эпохи поздней бронзы) и № 1 (позднего средневековья).

Из всех погребений данного кургана наибольший интерес представляет мегалитическое погребение № 2 (рис. 2, 1—3), которое всем комплексом признаков характерно для культуры шаровидных амфор.

Устройство погребальных сооружений в виде каменных ящиков присуще и некоторым другим культурам энеолита—бронзы, но для культуры шаровидных амфор этот тип могил является основным. Так, из семи десятков погребений (в основном одиночных), выявленных к востоку от Буга, известны лишь три случая сооружения простых грунтовых могил без использования камня. Единичным, правда, является и случай помещения каменного ящика под курганной насыпью (Лосятин Киевской обл.)¹, однако культурная принадлежность рассматриваемых погребений устанавливается не только наличием таких сооружений, а и другими признаками, включая специфичность конструкций ящиков. Именно культуре шаровидных амфор присущи погребальные каменные ящики с преимущественной ориентировкой по линии север — юг или северо-запад — юго-восток, составленные из шести — десяти хорошо обработанных плоских плит, вкапывавшихся рядом друг с другом таким образом, чтобы северный край ящика был выше южного (гробница 2 у с. Суемцы Житомирской обл., с. Долгое Тернопольской обл.)². В этой культуре отмечен и обычай сужения ящиков книзу (с. Иванье Ровенской обл.)³. Щели, остававшиеся между плитами, как правило, тщательно закладывались мелкими камнями и замазывались глиной⁴.

Замазка щелей обычна и для ящиков кеми-обинской культуры, но в целом для них наиболее характерны конструкции, состоявшие из четырех, реже — шести, плит, которые плотно подгонялись друг к другу, соединяясь иногда при помощи специальных пазов. Кроме того, не говоря уже об обычаях орнаментации плит, ящики этой культуры сооружались строго прямоугольными или сужающимися сверху. Преобладающая ориентация их — широтная⁵.

Каменные же ящики срубной культуры преимущественно также ориентировались по линии запад — восток и были, как и кеми-обинские, небольшими по размеру. Вместе с тем они менее высокие и конструктивно небрежны. Составляющие их уплощенные камни грубо обработаны и, чаще всего, имеют неправильные формы⁶.

Таким образом, в рассматриваемом погребении № 2 мы видим все основные признаки, присущие каменным ящикам культуры шаровидных амфор. Не противоречат такой культурной принадлежности и скорченность

погребенного на левом боку, и юго — юго-западная ориентировка его, и наличие на дне могилы изолированного кусочка охры при отсутствии таковой на скелете. А если говорить о сосуде, то наиболее близкие аналогии ему имеют только в памятниках культуры шаровидных амфор⁷. Своеобразие этого сосуда по сравнению с сопоставляемыми плоскодонными двух- и четырехушковыми амфорами проявляется лишь в отгибе края венчика и в форме ушек, довольно редко встречающихся в посуде данной культуры⁸.

Впервые памятники, характерные для культуры шаровидных амфор Вольни и Подолии, зафиксированы в Одесской обл. в 1966 г. у г. Болграда. Тогда в трех курганах было выявлено по одному впускному погребению в грунтовых ямах, которые сопровождалось двухушковыми амфорками⁹. К такому же типу находок, очевидно, относятся и три крупные амфоры с уплощенно-реберчатыми ручками из кургана, исследованного автором в 1980 г. юго-западнее с. Огородное Болградского р-на, и из двух курганных захоронений, раскопанных под руководством И.Л.Алексеевой в 1976 г. у с. Ясски Беляевского р-на и у с. Островное Арцизского р-на¹⁰. Видимо, с культурой шаровидных амфор следует также связывать и три погребения в каменных ящиках, относимых И.Л.Алексеевой к энеолиту, из кургана у с. Санжейка Овидиопольского р-на¹¹, а также находки типичных для этой культуры двух кремневых топоров в ямных погребениях кургана № 8 у с. Семеновка Белгород-Днестровского р-на¹² и кургана в с. Григорьевка Ширяевского р-на¹³. В восьми случаях отмечены находки шаровидных амфор и в курганных погребениях ямной культуры на территории МССР, где Е.В.Яровой усматривает черты, присущие не только культуре шаровидных амфор, но и некоторым культурам шнуровой керамики¹⁴.

Советские и зарубежные исследователи эпохи меди—бронзы неоднократно отмечали подтверждения связей племен культуры шаровидных амфор с племенами среднестоговской культуры, культур шнуровой и линейно-ленточной керамики, позднего Триполья. Открытия конца 50-х годов в румынской Молдове¹⁵ и последующие на Одессине и в Молдавской ССР поставили вопрос и о взаимоотношениях культур шаровидных амфор и ямной¹⁶.

Культура шаровидных амфор, занимая обширный ареал, охватывающий территории современных ГДР, Чехословакии, Польши и западных областей Украины, не представляла собой единого целого. В ней выделяется ряд локальных вариантов, ближайшими из которых к Северо-Западному Причерноморью являются вольнский и подольский. Естественно, что именно отсюда элементы этой культуры и могли проникать в ареал ямной культурно-исторической общности. Причем установлению контактов между рассматриваемыми племенами способствовало не только продвижение из Северо-Западного Причерноморья вдоль рек на север ямников¹⁷, но и, вероятно, определенное движение навстречу им племен культуры шаровидных амфор. О подвижности последних свидетельствуют находки их памятников далеко за пределами основного ареала: в румынской Молдове, в белорусском Понеманье¹⁸, на левобережье Днепра¹⁹. На несомненную подвижность племен культуры шаровидных амфор указывает уже и то, что большинство ее памятников к востоку от Буга является погребальными, а восемь недавно открытых поселений явно имели кратковременный характер, о чем свидетельствуют незначительная мощность их культурного слоя и слабая насыщенность его культурными остатками²⁰.

Учитывая изложенное, вряд ли можно согласиться с утвердившимся мнением об оседлости населения культуры шаровидных амфор Вольни и Подолии²¹, тем более, что основу их хозяйства составляло скотоводство²². Последнее и предопределило подвижность этого населения, приведшую к контактам с племенами соседних культур, включая на позднем этапе и ямную.

Стратиграфические условия находок в ямных курганах Одесской области и Молдавии артефактов, характерных для культуры шаровидных

амфор, позволяют считать, что контакты между рассматриваемыми племенами осуществлялись где-то на рубеже III—II — в начале II тыс. до н.э. Контакты эти, судя по выявленным объектам, были настолько тесными, что допускали проживание представителей культуры шаровидных амфор в ямной среде. Причем, очевидно, только длительностью такого совместного проживания можно объяснить и появление у этих представителей некоторого своеобразия в изготовлении посуды и восприятие таких ямных элементов погребального обряда при захоронении своих соплеменников как использование для этого курганов и устройство могильных ям с уступом. Наглядным примером отмеченного и является мегалитическое погребение, выявленное у с. Татарбунары, которое сделано по основным обрядовым правилам культуры шаровидных амфор, но впущено в кладбище-курган ямников по ямному обычаю.

Говорить же о каком-то заметном взаимовлиянии культур в целом или об одностороннем влиянии одной из рассматриваемых культур на другую²³ на основании современных археологических данных считаем неправомерным. Вполне допустимо, что глубокого взаимовлияния не произошло из-за кратковременности их контактов, установившихся лишь в самом конце существования культуры шаровидных амфор.

- 1 *Свешников И.К.* Культура кулястих амфор // Археология Української РСР. — К., 1971. — Т. 1. — С. 242.
- 2 *Левцицкий И.* Памятки мегалітичної культури на Волині // Антропология, 1928. — К., 1929. — Т. 2. — С. 197, 198, 205; *Малеєв Ю.М.* Мегалітичні гробниці на Тернопільщині // Археология. — К., 1971. — 2. — С. 53—54 та ін.
- 3 *Свешников И.К.* Нове поховання культури кулястих амфор у Ровенській області // Археология. — К., 1973. — 11. — С. 63—64.
- 4 *Свешников И.К.* Мегалітичні поховання на Західному Поділлі. — Львів, 1957. — С. 8.
- 5 *Шепинський А.О.* Кемі-обинська культура // Археология Української РСР. — К., 1971. — Т. 1. — С. 259; *Ковпаненко Г.Т., Буятян Е.П., Гаврилюк Н.А.* Раскопки курганов у с. Ковалевка // Курганы на Южном Буге. — К., 1978. — С. 30.
- 6 *Братченко С.Н.* Погребения срубной культуры // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. — К., 1977. — С. 12.
- 7 *Nosek S.* Kultura amfor kulistych w Polsce. — Wrocław—Warszawa—Kraków, 1967. — С. 436—439. — Tabl. IV, 7; V, 1, 2, 8; VI, 2, 6, 11; VII, 2.
- 8 *Там же.* — С. 448. — Табл. XVI, 9.
- 9 *Субботин Л.В., Шмаглий Н.М.* Болградский курганный могильник // МАСП, 1970. — Вып. 6. — С. 122. — Рис. 8.
- 10 *Алексеева И.Л., Дворянинов С.А., Чернов С.И.* Раскопки курганов в Арцизском р-не Одесской обл. // АО 1976 г. — М., 1977. — С. 259.
- 11 *Алексеева И.Л.* Каменные ящики Нижнего Поднестровья // АО 1973 г. — М., 1974. — С. 237.
- 12 *Субботин Л.В.* Некоторые особенности погребальных обрядов племен ямной культуры устья Днестра // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя. — К., 1980. — С. 58.
- 13 *Субботин Л.В.* Два кургана эпохи бронзы в Буто-Днестровском междуречье // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. — К., 1982. — С. 103, 104, 106.
- 14 *Яровой Е.В.* Находки шаровидных амфор в Молдавии // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тез. докл. — Донецк, 1979. — С. 35; *Его же.* Памятники ямной культуры Пруто-Днестровского междуречья // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР: Тез. докл. — К., 1981. — С. 34.
- 15 *Dinu M.* Şantierul arheologic Dolheştii Mari. 1958. — MCA, 1960. — Т. 7. — S. 121—128.
- 16 *Дину М.* К вопросу о культуре шаровидных амфор на территории Молдовы. — Dacia, 1960. — Т. 4. — С. 100—101; *Суботин Л.В., Шмаглий М.М.* Розкопки курганный могильника в м. Болграді Одеської обл. // Археология, 1970. — Т. 24. — С. 127; *Субботин Л.В.* Два кургана. — С. 106.
- 17 *Яровой Е.В.* Находки... — С. 34—35.
- 18 *Чернявский М.М.* Новые находки культуры шаровидных амфор в Западной Белоруссии // Тези пленарних і секційних доповідей (результати польових археологічних досліджень 1970—1971 рр. на території України). — Одеса, 1972. — С. 141—143.
- 19 *Малеєв Ю.Н.* Восточные рубежи распространения культуры шаровидных амфор // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы: Тез. докл. — Оренбург, 1980. — С. 30—31.
- 20 *Березанська С.С., Пясецький В.К.* Перше поселення культури кулястих амфор на Україні // Археология. — 1979. — 30. — С. 80.
- 21 *Свешников И.К.* Культура... — С. 248.
- 22 *Авилов Л.И.* Культура шаровидных амфор в Польше // СА, 1975. — 3. — С. 232.
- 23 *Яровой Е.В.* Находки... — С. 35.

Н.М.ШМАГЛИЙ, М.Ю.ВИДЕЙКО

ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНА
ЭПОХИ БРОНЗЫ НА КРУПНОМ
ТРИПОЛЬСКОМ ПОСЕЛЕНИИ
У с.МАЙДАНЕЦКОЕ

Среди многолетних раскопок, проведенных Трипольской комплексной экспедицией на майданецком познетрипольском поселении, значительный интерес представляют исследования 1974—1980 гг., связанные с изучением кургана эпохи бронзы, перекрывавшего жилищно-хозяйственный комплекс "Ж" трипольского времени (этапа С-1 по периодизации Т.С.Пасек)¹.

Курган имел высоту около 2 м, диаметр — 35 м. Он находился в западном секторе поселения, на линии первого круга застройки поселения², и входил в состав курганного могильника (из которого на поверхности сохранились насыпи шести курганов)³, расположенного в северо-западной части мыса плато левого берега р. Тальянка (правый приток р. Горный Тикич).

Насыпь кургана состояла из деградированного чернозема, подвергалась многолетней распашке.

В процессе снятия насыпи и изучения "площадок" обнаружены шесть погребений (рис. 1, 1), из них два основных и четыре впускных.

Погребение 1, впускное (рис. 1, 3). Обнаружено в западном секторе насыпи, в 12 м от репера на юго-запад, глубина от репера 1,8 м. Яма овальной формы, размер 1,15 x 1,2 м. Скелет лежал в сильно скорченном положении на правом боку, ноги согнуты в коленях, руки — у лица. Головой ориентирован на восток, лицо — на север.

На костях сохранились следы древесного тлена — остатки перекрытия могилы. В заполнении ямы встречены мелкие фрагменты обмазки и трипольской керамики. Погребение 2, впускное, ямное (рис. 1, 4). Выявлено в западном секторе кургана, в 12 м на юго-запад от репера, на глубине 1,5 м. Яма яйцевидной формы, 2 x 1,3 м, по длинной оси ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. На дне могилы, в ее северо-западном углу, лежал развал лепного округлодонного сосуда, рядом — кости мелкого животного и несколько фрагментов деревянного перекрытия. В заполнении встречались кусочки обмазки, мелкие фрагменты трипольской керамики. Скелет в погребении не обнаружен.

Сосуд изготовлен из глины с примесью крупнозернистого песка. Обжиг неравномерный, отчего цвет поверхности различен — от черного до светло-серого. На внутренней стороне фрагментов видны следы полосчатого сглаживания. Венчик, горловина и плечики горшка орнаментированы пятью круговыми оттисками веревочки (рис. 2, 7).

Погребение 3, основное, ямное (рис. 1, 2). Найдено в 1,5 м к югу от репера, на глубине 2,12 м. Форма ямы подпрямоугольная, размер 1,7 x 1,1 м, глубина 0,36+0,7 м. На глубине 0,36 м от края ямы образовались заплечики. Погребение 3 частично прорезало строительные остатки трипольского времени — напластования обожженной обмазки, перекрытые сверху ко времени совершения погребения слоем чернозема толщиной 0,1—0,25 м (отдельные части площадок еще выступали на поверхность). Скелет лежал на спине, ноги были подогнуты в коленях и упали вправо. Руки вытянуты вдоль туловища и слегка согнуты в локтях. На черепе и вокруг него четко видны пятна темно-красной охры. У локтя правой руки лежали разрозненные кости овцы. По западному краю ямы прослежено сферическое углубление, возможно, след от деревянного сосуда. Под скелетом выявлены следы органического тлена светло-серого и темно-коричневого тонов, вероятно, следы савана и подстилки из камыша. После снятия скелета выяснилось, что погребальная яма первоначально имела глубину более 1 м,

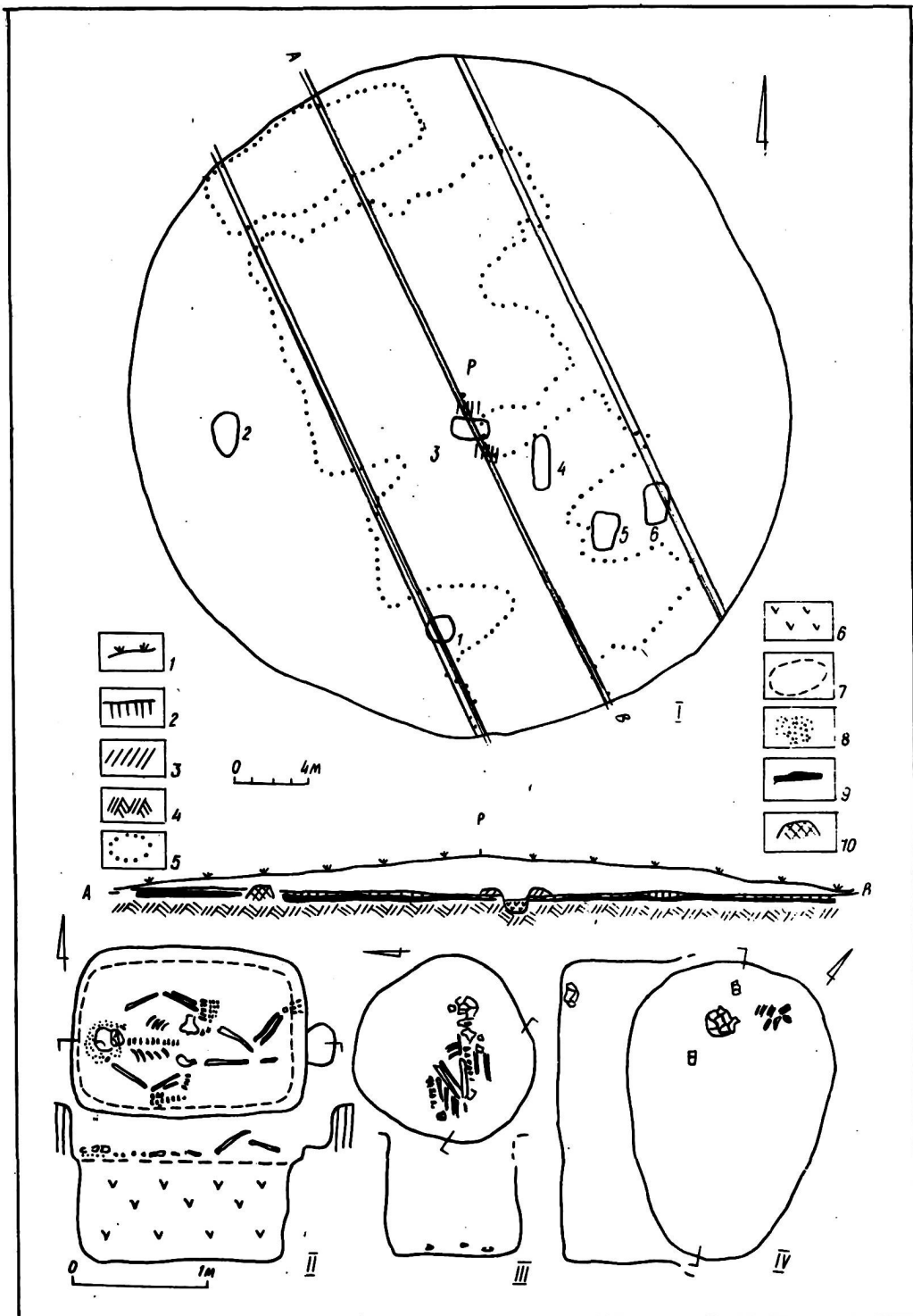

Рис. 1. Курган эпохи бронзы у с. Майданецкое: I – общий план и разрез кургана; II – п. 3; III – п. 1; IV – п. 2: 1 – пахотный слой; 2 – погребенная почва; 3 – выкид; 4 – материк; 5 – контуры трипольских площадок; 6 – слой золы и угля; 7 – контуры подстилки; 8 – охра; 9 – слой обожженной обмазки; 10 – остатки глинобитной стены

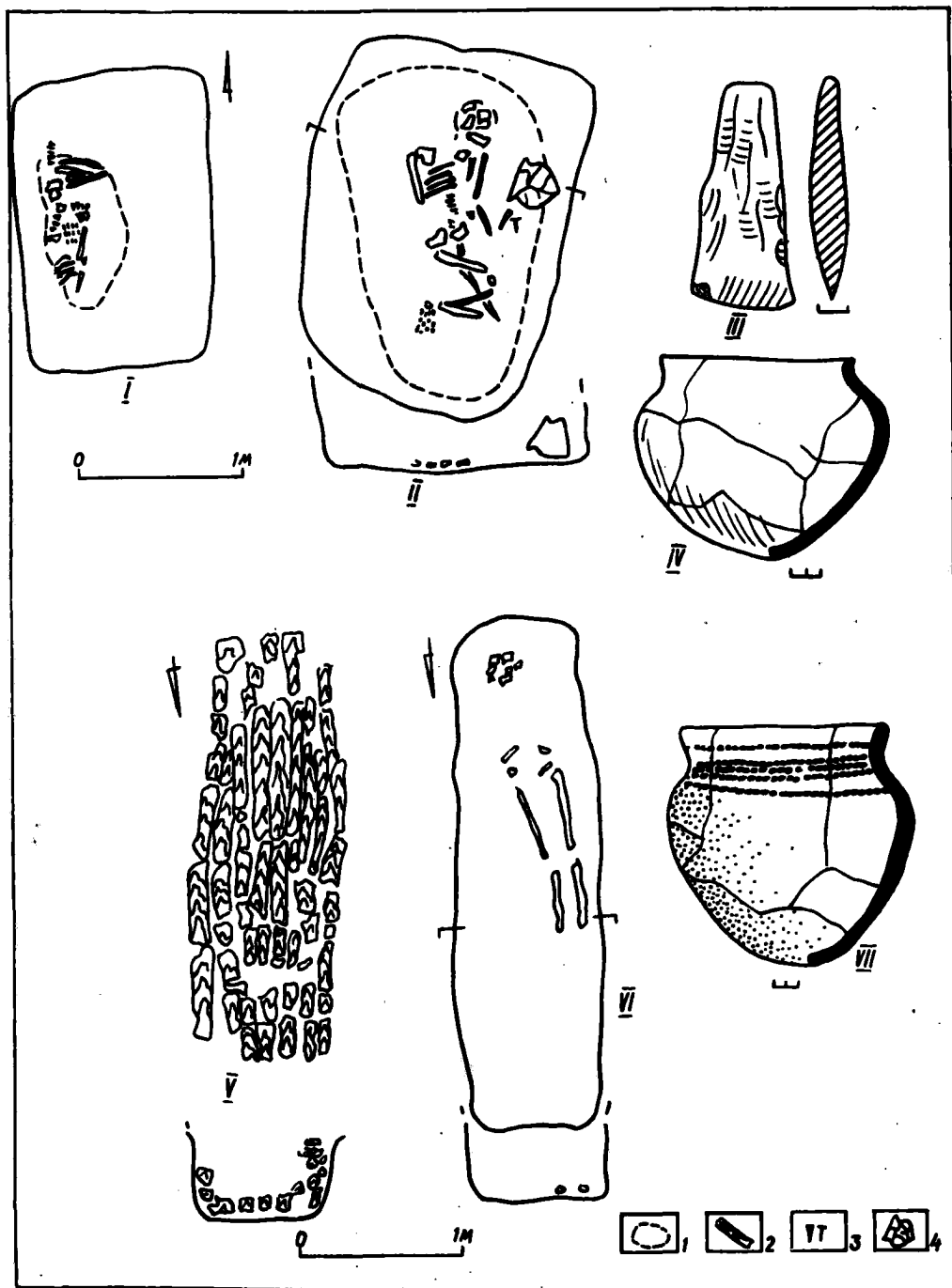

Рис. 2. Курган эпохи бронзы у с. Майданецкое: I – п. 6; II – п. 5; III–IV – инвентарь п. 5; V – перекрытие п. 4; VI – п. 4; VII – сосуд из п. 2; 1 – контуры подстилки; 2 – дерево; 3 – топорик; 4 – развал сосуда

из них последние 0,7 м заполнены плотно слежавшейся золой и мелкими угольками. Нижняя яма была также меньше верхней с каждой стороны на 10–15 см и по размерам соответствовала циновке-подстилке из камыша. Поверх скелета лежали остатки жердей из перекрытия могилы.

Погребение 4, впускное, срубное (рис. 2, 5, 6). Обнаружено в восточном секторе кургана, в 4,5 м на юго-восток от репера на глубине 1,5 м.

Размер могилы 3,5 x 1 м, глубина 0,4 м. Деревянный сруб состоял из толстых, грубо обработанных досок (3,5 x 0,16 x 0,10 м), уложенных в виде опрокинутого вверх дном ящика. Плахи опирались на уступы в коротких стенках могилы. Скелет лежал в вытянутом положении, на спине.

Погребение 5, ямное (рис. 2, 2—4) — в восточном секторе кургана, в 9 м от репера на юго-восток, на глубине 2,1 м от репера. Яма овальной формы, с уступом, овальной конфигурации, размер 2,1 x 1,6 м, ориентирована по длинной оси север — юг, с незначительным отклонением к северо-западу и юго-востоку.

Погребенный лежал на спине, головой на северо-восток, ноги, согнутые в коленях, завалились влево. Кисти рук находились в области таза. Кости скелета сместились вследствие разрушения деревянного перекрытия могилы. Дно ямы имело подстилку, возможно войлочную, от которой остался тлен светло-фиолетового цвета.

У восточной стенки ямы, напротив груди погребенного, лежал развал округлодонного сосуда и рядом с ним, на ребре, кремневый клиновидный топорик с отшлифованным лезвием (рис. 2, 3, 4).

Сосуд имел невысокий, слегка отогнутый венчик, покатые плечики, яйцевидный корпус с округлым дном. Изготовлен из глины с примесью крупного песка, цвет поверхности снаружи темно-серый, изнутри — черный, со следами полосчатого сглаживания. Сосуды, близкие по форме, происходят из верхнего слоя поселения Михайловка⁴.

Погребение 6, впускное (рис. 2, 1). Обнаружено в восточном секторе кургана, в 11 м к юго-востоку от репера, на глубине 1,7 м. Яма с округлыми углами, размер 1,7 x 1,3 м, ориентирована по длинной оси на север. На высоте 0,5 м погребение было перекрыто деревянными плахами. Скелет плохой сохранности лежал на правом боку с подогнутыми ногами, головой на юг. Погребение безынвентарное.

Курганная насыпь сооружена в один прием после совершения основных погребений (№3 и 5).

Анализ структуры насыпи показывает, что она состояла из уплотненных напластований и комьев грунта темно-серого цвета с зеленоватым оттенком и заметными примесями соломы, травы, листьев, особенно хорошо прослеживаемыми в свежих изломах. Данные напластования составляли как бы ядро насыпи. Вполне вероятно предположение, что это не что иное, как остатки глинобитных необожженных стен трипольских домов, которые были использованы в качестве строительного материала при сооружении центральной части кургана⁵. Ко времени сооружения кургана эти стены должны были оплыть и сохраниться лишь на незначительную высоту⁶. По данным, приводимым К.В.Зиньковским, время оплыва стен у домов аналогичной конструкции составляет 15—20 лет после разрушения кровли⁷, в данном же случае, судя по слою образовавшегося гумуса, срок был более значительным. Ко времени сооружения насыпи на поверхности были видны кое-где лишь основания стен (рис. 1, 1, разрез), верхушки завалов обожженной глины, а остатки строений представляли типичные всхолмления, возникающие на месте разрушенных построек. Подобное всхолмление на месте комплекса "Ж" и было выбрано в ямное время для сооружения погребального памятника, а соседние всхолмления послужили карьерами для разработки строительного материала — оплывшего глинобита.

Создание кургана над остатками комплекса "Ж" способствовало консервации строительных остатков: одинаково хорошо сохранились все напластования обожженной глины, за исключением остатков печи рядом с погребением 3, пострадавшей при совершении погребального обряда. Хорошо сохранился инвентарь в помещениях, особенно керамика, сохранившая свежесть красок, несмотря на мощную известковую патину. Кроме того, в насыпи удалось проследить местами остатки стен, обычно уничтожаемые глубокой вспашкой, размываемые влагой.

Определенный интерес имело выяснение хронологического соотношения погребений и площадок. Для Майданецкого имеется несколько абсолютных дат (по С-14) и археомагнитных, фиксирующих время гибели построек поселения в огне пожара. Даты по С-14 дают время 2940 ± 50 лет до н.э. (В/п-2087) и $2650-60$ лет до н.э. (Ки-1212), археомагнитные — XXIX—XXVIII вв. до н.э. Погребения с сосудами из кургана относятся к позднеямному времени⁸. Для памятников ямной культуры имеется много дат по С-14, указывающих на промежуток XXV—XX в. до н.э.⁹ Таким образом, по всем данным, время гибели майданецкого поселения и время сооружения на его площади кургана отделяют 200—400 лет. Известно, что после исчезновения в данном районе памятников типа Майданецкое здесь получают распространение памятники жванецкого (брызненского) типа, представленные поселениями Касеновка, Аполянка и др.¹⁰ Зафиксированы здесь и памятники этапа С-11, например, погребение из кургана во Владимировке¹¹.

В настоящее время нет данных, позволяющих связать процесс исчезновения крупных трипольских поселений непосредственно с миграциями племен ямной культуры в этот район. Главными причинами, на наш взгляд, оказавшими влияние на трансформацию "протогородов", были социально-экономические сдвиги в трипольском обществе. Изучение ближайшей периферии Майданецкого показало значительную степень освоения территории в среднем и начале позднего Триполья, что при экстенсивном характере трипольского земледелия привело к вовлечению в оборот, по самым скромным подсчетам на 1972 г., от 65 до 91 % пахотных земель в округе¹². Без перестройки системы хозяйства вопрос исчезновения крупных поселений в такой ситуации был лишь делом времени. Роль ямного населения в этом процессе требует дальнейшего изучения.

¹ Шмаглий М.М., Дудкин В.П., Зиньковский К.В. Про комплексне вивчення трипольських поселень // Археологія. — 1973. — Вип. 10. — С. 26—30.

² Шмаглий Н.М. Крупные трипольские поселения в междуречье Днепра и Южного Буга // Первобытная археология. Поиски и находки. — Киев, 1980. — С. 200. — Рис. 1.

³ Шмаглий М.М., Дудкин В.П., Зиньковский К.В. Про комплексне вивчення... — С. 30. — Рис. 8.

⁴ Лагодовська О.Ф., Шапошнікова О.Г., Макаревич М.Л. Михайлівське поселення. — К., 1962. — Табл. X, 9; XIV, 11; XV, 5, 7, 10.

⁵ Шмаглий Н.М., Зиньковская Н.Б., Зиньковский К.В. Исследования трипольского поселения в с. Майданецком // АО 1975 г. — М., 1976. — С. 406—407.

⁶ Шмаглий Н.М., Зиньковская Н.Б., Зиньковский К.В. Исследования трипольского поселения... — С. 407.

⁷ Зиньковский К.В. Значение моделирования в исследованиях остатков построек на поселениях трипольской культуры // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. — Киев, 1982. — С. 23, 29.

⁸ Лагодовська О.Ф., Шапошнікова О.Г., Макаревич М.Л. Михайлівське поселення... — Табл. XIV, 11; табл. XV, 5, 7, 10.

⁹ Телегин Д.Я., Соболев Э.В., Ковалюх Н.Н. Радиоуглеродное датирование археологических материалов // Использование методов естественных наук в археологии. — Киев, 1978. — С. 56—59.

¹⁰ Мовша Т.Г. Раскопки на Уманщине // АО 1982 г. — М., 1983. — С. 301.

¹¹ Збеневич В.Г. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. — Киев, 1974. — С. 153. — Рис. 45, 5.

¹² Черкаська область // Історія міст і сіл Української РСР. — К., 1972. — С. 538—544.

С.Я.ОЛЬГОВСКИЙ

О ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛООБРАБОТКЕ У ПЛЕМЕН ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ

Данных о металлообработке у племен ямной культуры не много. Широко известны медные изделия из верхнего слоя Михайловского поселения¹, где также были обнаружены каменные ступы для дробления руды (?) и сопла, что дало основание говорить о местном изготовлении обнаруженных

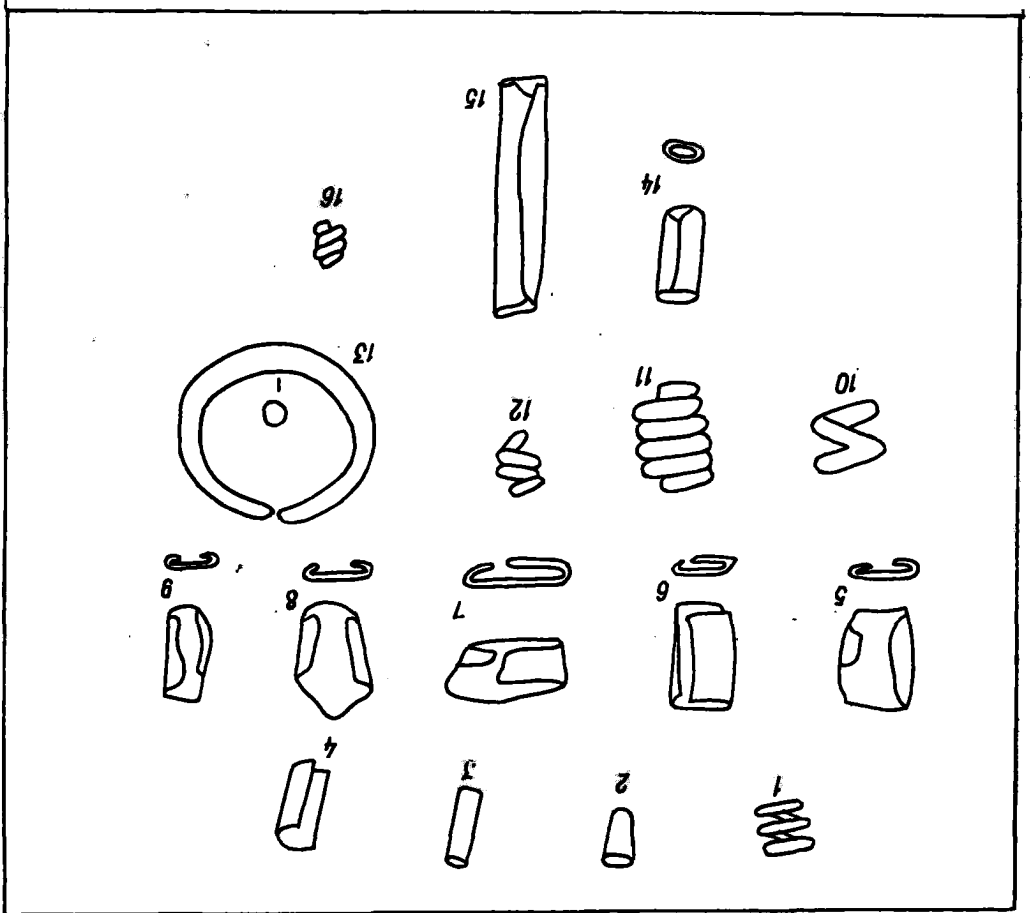

Рис. 1. Металлические украшения из Нижнего Поднепровья:
 1 — САЭ-75, Семеновка, к. 11, п. 5; 2 — к. 19, п. 9; 3 — САЭ-76, Семеновка, к. 8, п. 15; 4 — к. 2, п. 2; 5 — ДЦЭ-77, Траповка, к. 4, п. 7; 6-9 — к. 4, п. 7; 10 — ДЦЭ-78, Новоселица, к. 21, п. 1; 11 — к. 19, п. 11; 12 — к. 19, п. 11; 13 — Траповка, к. 10, п. 14; 14-15 — ДЦЭ-78, Вишневое, к. 17, п. 48

на поселении шильев, ножей, долот, тесел. Некоторые из этих изделий проанализированы спектрально и выяснена тождественность металлического инвентаря Михайловского поселения с кавказскими месторождениями². Вторично михайловские находки проанализированы в кабинете спектрального анализа Института археологии АН СССР³. На других поселениях ямной культуры металлические изделия встречаются в единичных экземплярах⁴. Основная же масса предметов из металла ямной культуры происходит из погребальных памятников, хотя и там они представляют большую редкость. Е.Н.Черных установил химико-металлургическое и типологическое сходство металла ямной, полтавкинской и катакомбной культур⁵. По его наблюдениям, 2/3 изделий ямной культуры изготовлены из мышьяковой бронзы и лишь 1/3 — из металлургически "чистой" меди. По химическому же составу металл ямной культуры проявил сходство с сырьем южноуральских и кавказских месторождений⁶.

Полученные результаты дали возможность составить представление об уровне развития металлообрабатывающего производства древнейших скотоводов и земледельцев Восточной Европы. Однако при более тщательном оперировании данными выясняется, что в технологическом исследовании

Таблица*

Идентификационный номер лабораторный	Cu	Sh	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au	Рисунок
27727	10 %	0,0035	0,06	-	0,012	Основа	-	-	0,001	?	?	0,03	1, 1
27728	Основа	0,004	0,007	-	-	0,07	-	0,18	0,1	0,001	-	0,003	1, 2
27730	"	0,08	0,18	-	0,009	0,006	0,009	0,2	0,008	0,006	-	0,001	1, 3
27731	"	0,0001	0,0008	-	0,025	0,003	0,003	0,25	0,1	0,001	-	<0,001	1, 4
27733	"	0,001	0,05	-	0,0015	0,0002	0,01	0,1	0,025	0,003	-	<0,001	1, 5
27734	"	0,3	0,3	-	0,006	0,015	0,02	0,15	0,35	0,009	-	0,001	1, 6
27736	"	0,002	0,12	-	0,006	0,006	0,003	0,07	0,05	0,002	-	0,001	1, 7
27737	"	0,002	0,9	-	0,04	0,003	0,004	0,04	0,15	0,002	-	0,001	1, 8
27738	"	0,001	0,015	-	0,0006	0,0002	<0,002	0,1	0,35	0,0001	-	-	1, 9
27742	~1 %	0,007	0,02	-	-	Основа	-	-	0,03	-	-	0,03-0,1	1, 10
27743	~1-10 %	-	0,035	-	0,005	"	-	-	0,05	-	-	0,003-0,01	1, 11
27744	1-3 %	>0,0003	0,07	-	0,004	"	-	-	0,005	-	-	0,01-0,03	1, 12
27745	<1 %	<0,0002	0,008	-	0,005	"	-	-	0,005	-	-	<0,001	1, 13
27739	Основа	0,0003	0,006	-	0,015	0,0002	0,01	0,1	0,003	0,015	-	0,001	1, 14
27740	"	0,002	0,013	-	0,001	0,0008	0,002	0,1	0,1	0,006	-	0,001	1, 15
27741	"	0,0015	0,015	-	0,015	0,01	0,012	0,4	0,001	0,02	-	0,001	1, 16

* Анализ проведен в кабинете спектрального анализа ИА АН СССР

металла ямной культуры наметилась некоторая диспропорция. Во-первых, как видно из распределения изделий по пунктам, практически весь материал происходит из Нижнего Поднепровья и более восточных районов, в то время как юго-западные области Украины не представлены. Во-вторых, из всех изученных Е.Н.Черных изделий, а их 53, лишь три относятся к категории украшений — бусина, височное кольцо и пронизка. Остальные же — орудия. Таким образом, не учтен фактор функционального назначения изделия, что играло немаловажную роль в выборе рецепта сплава для отливки вещи.

В настоящей работе использованы материалы погребальных памятников, исследованных Дунай-Днестровской и Семеновской экспедициями в 1975—1978 гг. на территории Татарбунарского и Белгород-Днестровского р-нов Одесской обл. В исследуемую коллекцию вошли 13 изделий из позднеямных погребений — обоймочки, пронизки, подвески (рис. 1, 1—13), а также три типологически сходные с ними украшения из катакомбного погребения этого же региона (рис. 1, 14—16).

Несмотря на малочисленность коллекции, все-таки следует надеяться, что полученные результаты, если не дадут ответы на поставленные вопросы, то, по крайней мере, укажут направление последующих исследований.

В результате статистической обработки результатов спектрального анализа удалось установить, что 13 изделий позднеямного времени делятся на две группы: пять из них изготовлены из серебра, которое, впрочем, содержит примеси меди от 1 до 10 %. Медь может быть естественной примесью, сопровождающей серебро, но нельзя исключать возможность добавления мастерами небольшого количества меди для более экономного расходования ценного металла (см. табл.).

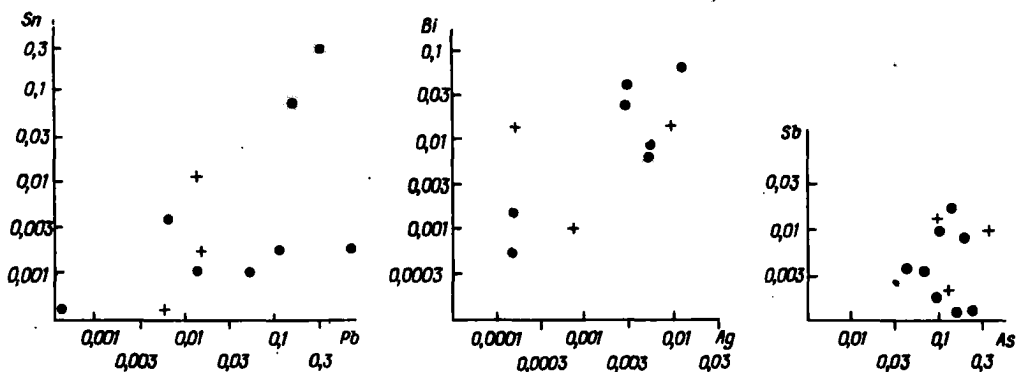

Рис. 2. График корреляционной взаимозависимости основных микропримесей в металле медных украшений из Нижнего Поднепровья

Остальные восемь изделий изготовлены из металлургически "чистой" меди, то есть все примеси в металле содержатся в концентрациях ниже 1%. Обращает на себя внимание металл двух обоймочек (рис. 1, 3, 6, ан. № 27730, 27734), выделяющийся из основной массы изделий несколько повышенными концентрациями олова — свинца соответственно 0,08 и 0,3 %. На корреляционном поле Sn—Pb они занимают верхнее положение (рис. 2). Причем обоймочка с содержанием олова 0,3 % содержит также 0,3 % свинца, но вытянутое по оси Pb расположение точек позволяет не выделять из общей массы это изделие. Можно ли считать повышенные концентрации олова результатом искусственного легирования. Как известно, металл трипольской культуры, предшествующий ямному, характеризуется отсутствием легирующей примесей. Это заметили исследователи прошлых лет⁷, а также установлено в результате последних технологических исследований трипольских изделий из меди⁸. На Балканах, где находятся богатые медными и полиметаллическими рудами месторождения, для памятников, относящихся к энеолиту, характерно также использование на 90 % металлургически чистой меди⁹. Лишь на последней фазе развития трипольской культуры в юго-западных районах Восточной Европы появляются единичные изделия со значительными примесями мышьяка. Сколько-нибудь повышенных концентраций олова в металлических изделиях этого времени не замечено. По всей вероятности, мастерам ямной культуры также не было знакомо искусственное легирование сплавов оловом. По наблюдению Е.Н.Черных, олово как легирующая примесь начало использоваться лишь мастерами срубной культуры¹⁰. В данном же случае, хотя более высокие по сравнению с другими изделиями концентрации олова и образуют некоторую аномалию на корреляционном поле Sn—Pb, они все-таки остаются низкими для отнесения их к категории искусственных. Скорее всего, здесь мы имеем дело с полиметаллическим составом первичного сырья. Тем более, что не противоречит такому предположению и то, что обоймочка с содержанием олова и свинца (по 0,3 %) отличается от прочих изделий повышенными концентрациями серебра (0,015 %) и сурьмы (0,02 %), хотя наивысшее положение точки по оси Sb на корреляционном поле Sb—As (рис. 2) особой аномалии не образует. В целом же исследованный металл проявил по ряду микропримесей стабильность, что позволяет считать его однородным, выплавленным из сырья одного типа.

Параметры концентраций основных микропримесей в исследованном металле следующие: висмут и сурьма содержатся в сотых и тысячных долях процента, никель — в тысячных, серебро — в тысячных и десятитысячных, кобальт отсутствует. Мышьяк содержится во всех изделиях в десятых долях процента. По этим показателям изделия проявили сходство с мате-

Продолжение таблицы 2 к статье Н.Д.Довженко, Н.А.Рычкова "К проблеме социальной стратификации племен ямной культурно-исторической общности"

Объем ям		Площади ям				Объем перекрытий		Площади перекрытий	
1	5	4	1	7	2	6	4	6	4
3	16	9	3	24	1	25	2	25	2
28	22	—	26	24	—	48	—	44	4
10,0	50	40,0	10,7	70,0	20,0	60,0	40,0	60,0	40,0
10,7	57,1	32,2	10,7	85,7	3,6	92,6	7,4	92,6	7,4
56,0	44,0	—	52,0	48,0	—	100,0	—	91,1	8,3
25,6	50,4	24,1	24,2	67,9	7,9	84,2	15,8	81,4	18,6
0,4	1,0	1,7	0,4	1,0	2,5	0,7	2,5	0,7	2,2
0,4	1,1	1,3	0,4	1,3	0,5	1,1	0,5	1,2	0,4
2,2	0,9	—	2,2	0,7	—	1,2	—	1,1	0,4
Ч	В	Л	4	УЛ	УЧ	Л	Ч	Л	Ч

Инвентарь		Каменные изваяния		Сосуды		Изделия из металла		Попа умерших	
есть	нет	есть	нет	есть	нет	есть	нет	1а	1в
5	5	5	5	—	10	—	10	5	4
11	17	7	21	—	28	—	28	16	3
16	34	7	43	3	47	2	48	16	12
50,0	50,0	50,0	50,0	—	100,0	—	100,0	50,0	40,0
39,3	60,7	25,0	75,0	—	100,0	—	100,0	57,1	10,7
32,0	68,0	14,0	86,0	6,0	94,0	4,0	96,0	32,0	24,0
40,4	59,6	29,7	70,3	2,0	98,0	1,3	98,7	46,4	24,9
1,2	0,8	1,7	0,7	—	1,0	—	1,0	1,1	1,6
1,0	1,0	0,8	1,1	—	1,0	—	1,0	1,2	0,4
0,8	1,2	0,5	1,2	3,0	0,9	3,0	1,0	0,7	1,0
В	В	УЛ	УЛ	УЧ	В	УЧ	В	УЛ	УЛ

Попа умерших						Ориентировка умерших			
1г	2а	1б	1д	2б	2в	СВЮВ	СЗЮЗ	С	Ю
—	1	2	—	—	—	8	2	—	—
3	3	3	—	—	—	14	14	—	—
3	10	2	4	1	2	15	23	6	6
—	10,0	—	—	—	—	80,0	20,0	—	—
10,7	10,7	10,7	—	—	—	50,0	50,0	—	—
6,0	20,0	4,0	8,0	2,0	4,0	30,0	46,0	12,0	12,0
5,6	13,6	4,9	2,7	0,7	1,3	53,0	38,7	4,0	4,0
—	0,7	—	—	—	—	1,5	0,5	—	—
1,9	0,8	2,2	—	—	—	0,9	1,3	—	—
1,1	1,5	0,8	3,0	3,0	3,0	0,6	1,2	3,0	3,0
В	УЧ	УЧ	Ч	УЧ	УЧ	УЛ	В	УЧ	УЧ

риалом, представленным Е.Н.Черных¹¹. Разница состоит только в том, что все изделия Е.Н.Черных разделил на две группы. Одна из них, преобладающая, характеризуется высоким, более 5 %, содержанием искусственных примесей мышьяка, вторая же имеет концентрации мышьяка настолько малые, что при данном методе спектрально-аналитического исследования они обнаружены не будут¹². Украшения из Нижнего Поднестровья по содержанию мышьяка занимают промежуточное положение, что является итогом смешения "чистой" и "мышьяковой" групп. Результатом явилась нивелировка концентраций мышьяка, прочие же микропримеси не выходят за рамки показателей анализов Е.Н.Черных. Таким образом, и медь ямной культуры западных областей Восточной Европы связана с месторождениями Южного Урала и Кавказа, которые обеспечивали сырьем мастеров

ямной культуры из более восточных областей. Возможно только, что именно большая удаленность мастеров с Нижнего Поднестровья вынуждала их из-за нехватки сырья смешивать металл из разных источников.

От металла украшений ямной культуры практически ничем не отличаются украшения катакомбной культуры (на корреляционных графиках они обозначены крестиками), что лишним раз подтверждает высказанное ранее положение о полной тождественности металла ямной и катакомбной культур (рис. 2).

Результаты исследования такой малой коллекции не могут, естественно, претендовать на исчерпывающее решение проблемы. Дальнейший сбор материала позволит глубже исследовать вопрос о металлообработке у племен ямной культуры.

- 1 *Лягодовська О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л.* Михайлівське поселення. — К., 1962. — С. 147. — Табл. XXVI.
- 2 *Там же.* — С. 152, 155. — Рис. 40. — Табл. 2, 3.
- 3 *Черных Е.Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы // МИА. — 1966. — № 132. — С. 125–127. — Табл. IX.
- 4 *Шапошникова О.Г.* Поселения древнеямной культуры в Нижнем Поднестровье // ЗОАО. — 1960. — Т. 1. — С. 22.
- 5 *Черных Е.Н.* Указ. соч. — С. 60.
- 6 *Там же.* — С. 64, 71.
- 7 *Пассек Т.С.* Периодизация трипольских поселений // МИА. — 1949. — № 40. — С. 176.
- 8 *Рындина Н.В.* Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. — М., 1971. — С. 137, 139.
- 9 *Черных Е.Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. — София, 1978. — С. 80, 126.
- 10 *Черных Е.Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. — С. 79.
- 11 *Там же.* — С. 63.
- 12 *Там же.* — С. 126.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР
ВАУ	— Вопросы археологии Урала
ВДИ	— Вестник древней истории
ВИМК	— Вестник истории материальной культуры
ДГУ	— Днепропетровский государственный университет
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры
КСИА АН СССР	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИА ЮЗ СССР и РНР	— Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР
НА ИА АН УССР	— Научный архив Института археологии АН УССР
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии
СА	— Советская археология
Тр... АС	— Труды ... Археологического съезда
Уч. зап. СГУ	— Ученые записки Саратовского государственного университета
ААН	— Acta archaeologica Hungaricae
АРА	— Acta Praehistorica et Archaeologica
МСА	— Materiale si cercetari archeologice
PPS	— Proceedings of the prehistoric society

СОДЕРЖАНИЕ

ШИЛОВ Ю.А. "Грот быка" по материалам древнейших курганов	3
РАССАМАКИН Ю.Я. Относительная хронология позднеэнеолитических погребений бассейна р. Молочная	14
ДОВЖЕНКО Н.Д., РЫЧКОВ Н.А. К проблеме социальной стратификации племен ямной культурно-исторической общности	27
ЛЯШКО С.Н., ОТРОЩЕНКО В.В. Балковский курган	40
САМОЙЛЕНКО Л.Г. Курганы ямной культуры в бассейне р. Базавлук в Днепровском степном Правобережье	64
ЕВДОКИМОВ Г.Л., РАССАМАКИН Ю.Я. Два позднеэнеолитических могильника на юге Херсонщины	79
КОНСТАНТИНЕСКУ Л.Ф. Новые материалы позднеямного времени Северо-Восточного Приазовья	92
КУБЫШЕВ А.И., НЕЧИТАЙЛО А.Л. Кремневый скипетр Васильевского кургана	107
МЕЛЬНИК А.А., СЕРДЮКОВА И.Л. Реконструкция погребальной повозки ямной культуры	118
СУББОТИН Л.В. Мегалитическое погребение у с. Татарбунары	124
ШМАГЛИЙ Н.М., ВИДЕЙКО М.Ю. Исследования кургана эпохи бронзы на крупном трипольском поселении у с. Майданецкое	131
ОЛЬГОВСКИЙ С.Я. О цветной металлообработке у племен ямной культуры	135
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	141

**НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ
СТЕПНОЙ ЗОНЫ УКРАИНЫ**

Сборник научных трудов

**Утверждено к печати ученым советом
Института археологии АН УССР**

**Редактор А.А.Золотарева
Оформление художника С.В.Назарова
Художественный редактор И.П.Савицкая
Технический редактор Т.К.Валицкая
Оператор В.Н.Курган
Корректоры В.Н.Семенюк, В.И.Гломозда**

ИБ 9663

**Сдано в набор 24.09.87. Подп. в печ. 27.01.88. БФ 01514. Формат 70x108/16.
Бум. офс. № 2. Гарн. Сенчури. Офс. печ. Усл. печ. л. 12,60. Усл. кр.-отг. 13,13.
Уч.-изд. л. 14,40. Тираж 620 экз. Заказ 8-133. Цена 3 р.**

Оригинал-макет подготовлен в издательстве "Наукова думка". 252601 Киев 4, ул. Репина, 3.

Киевская книжная типография научной книги. 252004 Киев 4, ул. Репина, 4.